

Ночное

Краниджен

ЕВА АБЕРТО

Василиса живет тем, что ей близко и привычно с матерью и сестрой, когда ее правильная жизнь рушится — и девушке приходится сражаться с тем, о чем она ничего не знает, оказаться в новом мире Колдуний Ночи и Волшебников Солнца. Здесь у каждого есть способность, основанная на стихии, и у каждого она уникальна. В новом мире девушка встречает свою лучшую подругу, друга со странной историей и Охотника — ее ровесника, убийцу, у которого не было выбора. Как связаны эти четыре подростка из разных времен и мест и смогут ли они объединиться, чтобы сделать то, что должно? Или миру не так уж нужны их геройства — и можно отдаться чувствам, сделать то, что легче?

Зала-Вне-Времени

Ветер трепал волосы, где-то кричала чайка, рядом качались лапы елок. Пахло чем-то сладким — от города, терпким — от смолы и соленым от моря. Идеальный день. Но стих не складывался, передо мной лежали в хаотичном беспорядке листы, полные зачеркнутых слов. Сегодня от всего вокруг, даже от раскиданной бумаги сквозило поэзией, но в слова не складывалось. Я вздохнула и упала на спину, раскинув руки. На небе ни облака, а само оно такое голубое, какое бывает только летом. За забором проехала компания мальчишек на велосипедах, шумно дыша и шурша галькой, привезенной с пляжа, об асфальт. На соседней улице зазвонил колокол, призывая соседскую семью к обеду. Город кипел, не смотря на палящее солнце. Откуда-то запахло моими любимыми булочками с маком, и я прикрыла глаза.

Рядом со мной что-то загудело. Сначала я решила, что это ребята во дворе справа запустили автомат с мороженым, но звук был слишком громким, чтобы исходить от соседей. Я нехотя открыла глаза и тут же вскочила на ноги, подходя поближе.

В паре метров от меня воздух по неизвестной науке причине стал закручиваться в воронку. Сначала это выглядело, как нечто прозрачное и живое — при этой мысли меня передернуло — но затем воронка стала приобретать цвета — от темно-фиолетового в середине до голубого по краям. Постепенно нечто, зависшее около сосны, расширялось, а в середине появлялась россыпь белых точек, до невозможного похожих на звезды. Мои волосы продолжал трепать ветер, но вокруг стояла полная тишина, даже ветка, почти касавшаяся воронки, не дрожала, как обычно в ветреный день. Я сделала шаг назад, впрочем, понимая, что далеко не убегу — источник ветра последовал за мной, стремительно увеличиваясь в размерах. Неожиданно для себя я обнаружила, что все звуки стихли. Колокол, не закончив свои двенадцать ударов, замер. Мальчишки на велосипедах, не доехав до конца улицы, замерли в полуденном зное. Все вокруг приобрело странный желтоватый оттенок, словно застыло в янтаре, отрешенно подумала я. И вдруг заметила, что из дома выбежала Мика и, громко что-то крича, побежала в мою сторону. Впрочем, звука я не слышала, только видела, как сестра открывает рот. Мика приближалась, осматривая двор и к кому-то взывая. Неужели она меня не видит? Остановившись в метре от воронки и совершенно не обращая на нее внимания, она испуганно посмотрела на меня. Точнее, сквозь меня, на забор. Тяжело дыша, сестра подошла ближе и, когда я уже собралась отшатнуться и дать ей дорогу, прошла насквозь пару шагов, развернулась и ринулась в дом, что-то говоря матери, которая вышла на террасу и активно жестикулировала. Я решила присесть и собраться с мыслями — надо как-то выбираться. Но, кажется, покачнулась от ветра — во всяком случае, я оказалась ВНУТРИ.

Сначала было даже не страшно. То есть, сначала я даже не понимала, что происходит. Меня крутила, унося в глубь коридора, покрытого со всех сторон россыпью звезд, неведомая сила. Через минуту меня немного замутило, а вокруг стали появляться предметы: осколки камня, целые куски пористых инопланетных камешков, проносились, оставляя огненный след, искры, невероятно похожие на кометы. Позже стали появляться вещи: античные в основном, предметы обихода, затем, почему-то, настольные лампы всех мастей. В конце появилась лампа, словно близнец, похожая на мою настольную, только без царапинки с того вечера, когда Мика уронила ее на пол. Запахло булочками с маком. Наконец, вокруг остались лишь вещи из моей жизни — старая акварель в коробке, разбитой пополам — я в то

утро очень рассердилась. Книга с вырванной страницей, свеча с закончившемся воском, пустая катушка без ниток. Стопка конспектов, взятых на время год назад. Все, что было сломано, испорчено, выброшено.

Наконец движение остановилось, и меня будто выплюнуло на холодный каменный пол. Я с трудом поднялась на ноги и аккуратно осмотрелась. Комната, в которую я попала, была отделана панелями из белого с черными прожилками мрамора. На полу расстелили белоснежный пушистый ковер, рядом стояла пара мягких пуфов и низенький столик. Больше ничего здесь не было, а попытки обнаружить воронку, из которой меня выбросило, не увенчались успехом. За стенами комнаты стояла тишина, поэтому я подошла и толкнула единственную дверь в противоположной стене — из двух створок с узором по краю. Дерево, едва слышно скрипнув старой на вид дверной ручкой, поддалось и я выглянула в коридор. По полу стелился ковер, приглушая мой осторожный шаг, стены были отделаны камнем, точно таким же, как в комнате, которую я для себя окрестила Мраморной — вдохновение, которое я так ждала с утра, не кстати появилось сейчас. Я, выждав секунд тридцать для приличия, свернула на право и поспешила найти выход из коридора — надо выбираться отсюда.

Почти добравшись до крутого поворота, я заметила тихо ступающую по ковру девочку в белом платье. Очевидно, она пришла за мной, потому, что, увидев неожиданную гостью в моем лице, она ничуть не удивилась. Девочка дошла до угла и, навалившись на холодный мрамор, подозвала меня пальцем. Спрашивать что-либо я не решилась, а потому послушно свернула вглубь темного коридора. На вид ей было лет десять, года на три младше меня. Белое платье почти до пола, короткие кудри, острые локти и коленки. Девочка в полном молчании довела меня до двери, как близнец похожей на ту, которую я закрыла минут пять назад, аккуратно ее толкнула и молчаливым жестом велела мне войти.

Комната, в которой я оказалась, если это вообще можно назвать комнатой, ничуть не была похожа на ту, из которой я вышла. Вместо стен и потолка стояли зеркальные панели, множа рамки, обрамляющие их, в тысячи раз, а пол устилал черный камень, от которого мои ноги тут же заледенели — на траве у дома я лежала босиком. Не понимая сакрального смысла своего пребывания в этом месте, я закрутилась волчком в поисках двери потому, что, кто бы ни хотел со мной встретится, я желаю одного — попасть обратно в солнечный полдень и отогреть ступни. Но дверь пропала, и я запоздало решила, что с внутренней стороны она, вероятно, была зеркальной, как все панели здесь и мне было бы значительно легче, пометь я ее. Выхода не оставалось, и, приступив к делу без особого энтузиазма, я стала по одному нажимать на зеркала и пытаться их открыть. Что и требовалось доказать, дверь слилась с комнатой и мне осталось только без сил опуститься на пол в центре, чтобы держать в поле зрения все зеркальные рамы — вдруг кто-то все же выпустит меня.

С пятнадцать минут я разглядывала место, в котором очутилась и только сейчас заметила витиеватые надписи. Символы однозначно не принадлежали к известным языкам, но, от нечего делать, я принялась их изучать. Через еще пять минут я пришла к заключению, что алфавит, который использовали на этих деревянных рамах состоит из 33 символов. Секунд пять до меня доходило, что это — столько же, сколько и у нас. Затем еще секунд пять я рассматривала слова с новым интересом и обнаружила значение восьми букв, самых часто повторяющихся. Я встала и пошла по кругу, глядясь в письмена и пытаюсь разобрать их, не сразу обнаружив, что комната стала округлой и даже закрутилась по часовой стрелке. Я испуганно прижалась к ближайшей панели спиной потому, что пол стал закручиваться, набирая скорость и отделяясь от стен. Между плинтусом и панелью, на

которую я опиралась, стремительно разрасталась черная пустота. Вдруг я заметила, что, крепко держась за раму зеркала, могу удерживать ноги в воздухе и прижалась к стеклу покрепче.

В какой-то момент все резко прекратилось, но я, вместо того, чтобы упасть на пол, который перестал наконец вертеться, вылетела назад, вместе со стеклом. Поднимаясь и стараясь не наступить на осколки, я огляделась. Место, в которое перенеслась комната, нельзя было назвать ни поляной, ни улицей. Кажется, это зала — большая, вытянутая, с высокими потолками и залитая солнцем. Стены и потолок состояли из множества окон, прерывающихся только оконными рамами того же дерева, что и рамы зеркал. Комната, откуда я вылетела, снаружи выглядела как круг, состоящий из широких досок-спинок зеркал. Снова оглядевшись, я не нашла ни единой живой души вокруг, зато обнаружила, что, хоть зеркало, оказавшееся дверью, и разбилось, рама с символами, которые я изучала до падения, сохранилась. Я присела на корточки и принялась водить пальцем по вырезанным буквам и постепенно выяснила еще десяток значений.

Вдруг — голос. Кажется, мужской бас, слишком далеко, чтобы разобрать слова. И женский. Голоса медленно приближались и я, все еще перебирая в голове знаки с зеркальных рам, пошла им навстречу по длинной зале, смутно видя ее конец в стороне, откуда доносился звук. Заметив у той стены балкон и две мраморные лестницы, спускающиеся в разные стороны, я ускорила шаг — похоже, говорящие спускались оттуда. Тщетно высматривая тех, кому принадлежали голоса, я остановилась у подножия.

Очевидно, говорящие о чем-то спорили, постоянно восклицая, но от того, что я не могла их увидеть, казалось, будто спорят привидения. Вскоре голоса раздалась ближе и стало понятно, что их обладатели идут с разных сторон от меня, приближаясь к подножию. Я положила руку на перила, надеясь почувствовать того, кто держится за них, но голоса прошли мимо, не выдав себя даже дуновением, хотя я отчетливо слышала шуршание шелкового платья. Звук замер в паре метров от лестницы. Пара пришла к решению и подол зашуршал вбок, к одному из огромных окон. Скрипнул дверной косяк и мужской бас, что-то забормотав, поспешил туда же, топая жесткими подошвами. На минуту воцарилась тишина.

От стены, противоположной той, в которую «вышли» голоса, послышался щелчок дверной ручки и детский визг. Многоголосая компания ребят пронеслась насквозь, вылетев в соседнюю дверь. Вот теперь мне стало по-настоящему не хорошо. С другого конца залы кто-то крикнул и сбоку раздалась тихая мелодия оркестра. Мимо прошуршала юбка и проехался столик на колесиках. Я ничего не видела и не чувствовала, только вихрь звуков раздавался со всех сторон. Устав оборачиваться на каждую новую ноту, я тихонько добрела до расколовшейся комнаты в центре и присела около рамы, которую изучала четверть часа назад. Слова потихоньку складывались, но фразы постоянно обрывались, не доводя мысль до конца, словно большая толпа народу что-то выкрикивала, перебивая друг друга. Обхватив колени руками, я опустила голову, надеясь, что звуки умолкнут и мне удастся выбраться. Словно по команде в зале действительно воцарилась тишина, но не из-за меня.

По лестнице спускалась женщина, ступая по той же стороне, что и предыдущая, только напротив не было мужчины и сама она была на вид старше, чем обладательница звонкого голоса. По плечам струились волосы цвета потемневшей от времени платины. Острые и колючие черты лица, вздернутый подбородок, тонкие запястья в кружевных перчатках. Я вдруг поняла, что шелковое платье с трехметровым шлейфом должно хоть чуть-чуть шуршать об мраморные ступени. Она перестукивала пальцами по каменным перилам, но не

раздавалось ни звука. Обернувшись, я увидела, что к ней навстречу чуть ли не вприпрыжку бежит девочка в белом платье почти до пола, с острыми локтями и коленками, торчащими сквозь ткань. Короткие кудри. Девочка из коридора, проводившая меня до зеркальной комнаты, радостно бежала навстречу строгой женщине в черном кружевном платье.

Вдруг ото всюду стали появляться люди во фраках и бальных платьях и мать с дочерью затерялись в толпе. Я инстинктивно отступила назад, хотя никто из присутствующих меня не замечал, а если и натыкался — проходил сквозь, оставляя мерзкий холодок и дрожь по всему телу. Кое-как забравшись внутрь моей комнатки, я опустилась на колени и решила переждать неожиданный наплыв призрачных гостей. Снаружи стояла жуткая тишина, хотя в дыру от вылетевшей панели я видела толпу людей, беззвучно раскрывавших рты в светских беседах. Через пять минут зала стремительно опустела. Я выбралась на свет и оглянулась. В углу, под лестницей, около девочки на корточки присела женщина в черном, о чем-то яростно жестикулируя. Потом они бесшумно поднялись наверх и скрылись за резной дубовой дверью. Так, как никто больше не появлялся здесь, я последовала за ними, надеясь кого-нибудь встретить. Хоть бы выбраться отсюда.

На маленьком балконе с единственной дверью, ведущей из зала, я остановилась, переводя дух. Лестница оказалась куда круче, а количество ступенек — куда больше, чем казалось. Но едва нормально задышав, я надавила на ручку двери, мечтая найти ту воронку и поскорее очутится у разбросанных листков бумаги на газоне.

В комнате с зашторенными окнами пылал камин, раскопчегарив помещение до предела. В темноте по всем предметам плясали яркие отблески огня. Посередине лежал тяжелый старинный ковер со странными красно-синими узорами. На стене справа висел гобелен, изображающий родовое древо, а возле него громоздился резной деревянный шкаф и кресло-качалка. В комнате почти не было мебели, но все равно находится в ней было тесно. На каминной полке как-то странно, как будто в спешке, расставили каменные фигурки ангелов и пару сфинксов. Так, как дышать было практически нечем, а поблизости не было ничего, чем можно было бы затушить камин, я повернулась к окнам в пол, закрытым душными шторами. Да и света не мешало бы сюда добавить, может, я упускаю выход из этого странного места. Я отодвинула шторы и резко распахнула окно.

Оказалось, комната и зала находились в высокой башне, стоящей в океане, настолько высокой, что у меня закружилась голова и я чуть не упала вниз с этих сотен метров. Порыв ветра толкнул меня в комнату и оглушительно хлопнул семейным гобеленом. Я с опаской выглянула на улицу, чтобы удостовериться — да, башня, наружную стену которой я могла бы нащупать рукой справа и слева от оконной рамы, имела форму круга и была в ширину не больше этой комнаты. Но я помнила, что внизу, у подножия лестницы, осталась зала, в длину больше этой комнаты раз в десять.

За мною хлопнула дубовая дверь.

На пороге стояла женщина, сменившая чёрное кружево на синий атласный костюм. Кудри до плеч, голубые вены под тонкой кожей. Женщина хищно улыбнулась и подошла к камину, схватив цепкими пальцами каменную горгулью. Я отступила в тень штор и решила для начала ее выслушать. Может, все не так ужасно, как выглядит.

Против света камина она напоминала плоскую чёрную тень. Фигура задумчиво повертела безделушку в руках, вернула на каминную полку и обратилась ко мне:

— Ты напугана. Удивлена — на мой немой вопрос фигура усмехнулась и добавила — дрожишь вся, девочка

Я вышла ближе к огню, вернув лицу нормальное выражение:

— Кто ты?

— Джеральдина. Но люди предпочитают обращаться ко мне, как к безымянной. Долгая история — я чуть не отступила к спасительной тьме, пожалев, что не прихватила телефон; помощь бы не помешала.

— Ты напугана — повторила Джеральдина — я могу помочь — обычно вот так начинаются все безумности. Я промолчала.

— Ты из Колдуний Ночи — из-за матери вышла девочка в белом платье. Я удивленно покосилась на нее. Из того, что дверь осталась нетронутой, я сделала вывод, что люди здесь перемещаются в пространстве

— Страшное проклятие — закончила мать — тебе не позавидуешь — она усмехнулась, обнажив белые резцы — я помогу — на четверть минуты вокруг все затянул чёрный туман, а затем мы вернулись в залу. Не понимаю, почему мне не дали спуститься по лестнице, хотя, по доброй воле я бы не пошла. Напомнив себе, что давно пора обратно, я притворилась заинтересованной. Может, безымянная Джеральдина, или как ее, поможет. О словах ее дочери о неких Колдуньях Ночи я старалась не думать.

К нашему появлению зала опустела и теперь взгляд скользил по вырезанным на оконных рамах словам, обрывающимся фразам, названиям. Мой интерес не укрылся от фигуры в черном платье, следовавшей за мной, как тень:

— Это язык Ночи, руны — я инстинктивно обернулась и, шаря глазами в поисках девочки в белом, заметила, что Джеральдина склонила голову набок, словно задумавшийся ребенок — в чем же твой дар? — донеслось до меня. Я вопросительно посмотрела на женщину, но, не дождавшись ответа, вернулась к символам на стенах. Знаки не были похожи на руны, какие я видела зимой в музее. Тогда как я их понимаю? Кажется, задумавшись, я произнесла вопрос вслух, потому, что рядом раздался голос:

— Все Колдуньи понимают язык рун. У вас это в крови — девочка приближалась от подножия. Видимо, ее мать переместила только нас двоих. Пускай я и уверилась в том, что фразы, вырезанные в дереве, не имеют смысла, то, что я прочитала над головой Джеральдины заставило меня вздрогнуть: «безымянные всегда рядом. Питаясь печалью, они заставляют других приносить себя в жертву, уподобляя нас себе. Жизнь безымянных не имеет печали; в ней нет черного, а потому она не существует. Это лишь сладкая иллюзия, их наживка для нас». Фраза обрывалась, а дальше я прочла только всякую бессмыслицу без начала и продолжения. Похоже, Джеральдина заметила мой испуганный взгляд. Тряхнула головой, прогоняя какие-то мысли и уставилась на меня:

— Что ты там прочла? — она ткнула пальцем себе за голову

— Кто такие безымянные? — я пошла в наступление. Все это мне порядком надоело, и я хотела лишь поскорей вернуться домой. Кто знает, сколько часов я здесь провела?

— Хочешь познать нашу суть? Аарон был бы в восторге от тебя. Жаль, я не знаю твоего настоящего имени

— Я Василиса. Лисс

— Нет, я не про это имя. Давай узнаем, в чем твоя сила и я покажу тебе, кто такие безымянные — я вспомнила слова. Не очень-то хотелось «приносить себя в жертву», но против Джеральдины ничего не попишешь — что ты видишь? — женщина обвела рукой три оконных рамы в паре метров от меня. Фразы ничего не значили, то и дело обрывались на странных словах, которых я не знала, но на всякий случай я зачитала пару из них.

Джеральдина хмыкнула и ткнула пальцем в противоположную стену. Здесь слова были расставлены на древний манер. Некоторые я знала только из пыльного словаря школьной библиотеки. С каждым прочитанным словом девочка в белом подходила ближе, заинтересовано глядя на мать. Все понимают, что происходит, но только не я. Я оборвала фразу на середине и обернулась к женщине. Безымянная покачала головой и кивнула мне за спину:

— Ты можешь ходить в прошлое — изумленно сказала девочка. А я вдруг поняла, что она не представилась

— Как тебя зовут?

— Разве это важно? — воскликнула Джеральдина и, схватив меня ледяными пальцами за плечо, развернула к себе — ты умеешь ходить в прошлое. Ты можешь изменить свою жизнь столько раз, сколько хочешь. Жить без печали если хочешь — вечно. Подумай, сколько ты способна сделать. Что тебя тревожит, пугает? Все может быть иначе, как белый лист. Если что-то грозит твоим близким, тебе не составит труда вернуться и исправить какой угодно их выбор. Меняй свою жизнь в опасные моменты — один раз, три, десять. Если хочешь — зови это бессмертием. Лучшей жизнью для всех, кого ты любишь. Как ты можешь думать о чем-то другом? Если тебе не нравится Зала-Вне-Времени — она обвела взглядом помещение — вернись и не ходи во двор, не касайся Раскола — слова Джеральдины звучали в моей голове, эхом отдавая фразу про лучшую жизнь и бессмертие. Я вспомнила руны над ее головой, вырезанные в дубовой раме: «в ней нет черного, а потому она не существует» и ее восторженную фразу: «может быть иначе, как белый лист»

— Ты хочешь сделать меня безымянной? Кто ты такая? Кто вы такие?

— Не горячись — тонкие пальцы, хрустнув, выпустили мое плечо. Я потерла саднящую кожу и отошла назад, чуть спиной не налетев на девочку в белом. Девочку без имени — что в нас плохого? Мы живем так, как хотят все, без горя, страданий и слез. Потому мы противны остальным. Но ты можешь дать им счастье и показать, насколько они ошибаются. Такие, как ты рождаются раз в бесконечность. Ты можешь вернуться и все изменить — а я подумала о том, что не будь я из «Колдуний Ночи», я бы не встретила эту сумасшедшую. Я бы и знать не знала про «безымянных». Если друзья услышат о том, что я могу заглянуть в их прошлое — я останусь одна

— Все, что я хочу изменить — мой дурацкий дар — воскликнула я и подошла к женщине в упор — что делать? — понимая, что прыгаю в темный омут с безумицей и безымянной девочкой, и все же кидаясь с головой — я не просила становится колдуньей и мне не важно, что теперь случится. Мне нечего терять.

— Астровод — заявила Джеральдина. Я непонимающе уставилась на нее — там все началось. Первые Колдуньи Ночи появились там. Аарон. Он встретит тебя и поможет все исправить; с твоим даром все будет много легче, чем в первый раз — безымянная девочка почему-то вздрогнула. А я, готовая ко всему, продолжала сверлить женщину взглядом, ожидая, когда смогу все исправить. Поскорее бы домой.

Джеральдина запрокинула голову, обнажая белую шею с острым выпирающим кадыком и зашептала, сжимая и разжимая пальцы — от острых ногтей на ладонях алели следы. Я машинально отступила, погружившись в свои мысли. Смогу ли я все забыть? Неужели мне в одиночку придется уничтожить целое поколение опытных ведьм? Не успев прийти к утешающему решению, я заметила, что около Джеральдины вновь закручивается воронка как тогда, в саду. Поймав мой взгляд, безымянная девочка кивнула, и я приблизилась к переходу.

Успокаивая себя неким Аароном, который, по словам Джеральдины, мне поможет, я глубоко вздохнула.

В первый раз я умер 13 апреля.

Острые капли по кожаной куртке, водяные разводы на очках и пустая дорога. Из-под колес — брызги на блестящий тротуар и свежую траву. Полночь.

Я отпустил руки и, как в детстве на велосипеде под гору, поехал, вилля колесом. Раскрытые к небу ладони мгновенно намокли и пустили ручьи вниз, под мотоцикл. В темноте ночи, под мигающим фонарем, меня занесло вправо, в запаркованную машину. Глупая смерть.

После того вечера я помню только боль. Иногда — яркий свет больничной палаты, громкие голоса, звон стекла и хлопки дверей. Потом все застлало пульсирующей алой пеленой боли, и я отключался. Нескоро стал, открывая с утра глаза, протирать их, прогоняя ночной кошмар, и садится в постели. По моей просьбе белье сменили на темно-синее. Чистая белизна палаты и без того резала глаза.

Когда мне озвучили диагноз я почти расстроился, что меня выписывают. Этого тихого, стерильного покоя днем осталось меньше двух недель. Ночью же ничего не спасало.

Особенно подействовало полнолуние. Мне казалось, что я чертов оборотень потому, что ничего другое, кажется, не могло приносить таких страданий. Мои соседи по палате шутили, что мне далеко не шестнадцать ведь я, как старик, жаловался на боли в непогоду. Вообще мои соседи по палате много шутили, непозволительно много, но сказать ничего я не мог. Все силы уходили на сопротивление боли.

За неделю до выписки этот кошмар стал отступать. Я даже взялся за учебу от нечего делать. Впрочем, одно мерзкое, липкое чувство осталось — доктора настаивали на моей коме, но я точно знал, что умер. Я знал, что влетел в металл машины головой, хотя написано было, что боком и не смертельно. Мотоцикл был погнут спереди, это точно определили дома. Стараясь не обращать внимание на эту странность, я активно собирался домой, мечтая забыть.

Второй раз это случилось 22 августа. Десять лет спустя.

Жаркий асфальт, жгущий ноги сквозь подошву кед, шумная набережная и голубой пар, поднимающийся с реки. Весь город отступил под завесу горячей дымки. Наушники о чем-то гудят, а я, отделившись от компании друзей, подошел к перилам вдоль пешеходной дорожки. Обведя взглядом тот берег реки, я нагнулся и зачерпнул ладонью воду, ощутив ее горячее прикосновение.

Рядом раздались голоса, и кто-то грубо схватил меня за ремень брюк. За спиной что-то крикнули, но я не расслышал потому, что был приподнят, да и перекинут через низкий каменный забор. Плавать я не умею.

Глупая смерть. Я помню, как минуту еще мог задерживать дыхание. Как пытался выплыть. Потом — секунда, а, может, четверть часа — темнота и я открыл глаза.

Распластавшись на горячем асфальте в странной позе, я видел все вокруг сквозь алую завесу боли. Пылающая, она не давала мне покоя.

Два дня спустя я поднялся на кровати в больничной койке. Соседи перешучивались.

Четыре дня спустя я вышел оттуда со стойким чувством, что не дышал больше, чем заявленные в истории болезни две минуты тридцать секунд. Чувствуя себя чертовым оборотнем солнца — в жаркие дни, я уходил внутрь бетонного здания больницы, надеясь прогнать боль. Мечтая все забыть.

Я стал осторожнее. Ходил в компании друзей, переехал поближе к родным; не пользовался такси, не оставался наедине с незнакомцами; выучил правила, и, в конце концов, боль после белых палат прошла, перестала резать глаза красной пеленой ночами. Осталось только странное чувство, почти физически разливаясь по телу — тревога. Я не мог понять, что произошло и просто гнал мысли прочь.

30 ноября мы гуляли по скользким улицам. Зима наступила рано и первый снегопад струился, перемешанный с грязью, в сливные дыры, звенел решетками и журчал под ногами. Я отделился от переговаривающихся ребят и, забежав вперед, остановился у витрины. Я был в поле зрения друзей, на знакомой улице, вдали от трассы — но правила меня подвели. Если бы я остался в шумной и веселой толпе, возможно, не лежал бы, осознавая происходящее на чем-то колючем и холодном.

Я помню свист, режущую, горячую боль от мазнувшего по мне колеса. Наверно, отступив от подсвеченного окна, поскользнулся в грязи и нарвался на мотоцикл. Свой я давно забросил, но, если б знал, не стал бы. Мчал бы себе сейчас по сухой трассе и не чувствовал сквозь веки яркого, нестерпимо жгучего света. Постепенно приближаясь, людские голоса о чем-то испуганно спорили. Пора отсюда выбираться, если хочу подать весть друзьям. С больницей я смирюсь, но, если вернется боль, однозначно без них пропаду. Глаза не открывались, как в подернутые дымкой ранние утра. Придется сначала встать, а затем просыпаться. Я сел в больничной койке, укутанный чьей-то шалью.

Точнее, думал, что сел. Тело не слушалось, и я решил, что это от болевого шока или меня специально придавили к кровати, чтоб не усугублял. Может, сломал что-то?

Но и боли тоже не было. Я слышал, видел свет сквозь прикрытые веки, но не чувствовал тела. Голоса приблизились, один что-то воскликнул, а другие тяжело вздохнули. Несмотря на то, что говорящие нависали надо мной — я видел их размытые черные фигуры, заслоняющие лампу — звук доносился будто издалека, или сквозь плотную занавесь. Два силуэта отдалились, а потом все затмила большая тень; наверно, меня накрыли с головой.

Не знаю, сколько я лежал без сознания, только, очнувшись в полной темноте, почувствовал себя отлично. Пошевелил пальцами ног, открыл веки и, увидев черную изнанку ткани, убедился, что наконец управляю собой. Аккуратно скинув на пол покрывало, я сел и огляделся.

Вокруг — стерильно чистая белизна. Сам я — на металлическом столе, сижу на шерстяной шали в которой меня, вероятно, принесли друзья. Рядом не оказалось коек, привычной больничной тумбы — может, это предоперационная, или то-то в этом роде. Я прошелся, рассматривая залу. В теле не было никакой боли, тяжести. Удивительно, плечо и лоб даже не саднило. Вдруг в руке что-то кольнуло, и я посмотрел вниз.

Сквозь мое запястье прошел оставленный кем-то из врачей скальпель, но я не чувствовал его. Моя кисть казалась полупрозрачной и даже чуть мерцала. Я оглядел босые ступни, разодранную ткань на плече и виднеющуюся в дырке белесую призрачную кожу. Все вокруг словно подернулось мутной дымкой и я, ошарашенный, осел на колючую ткань и вздрогнул. Не хватало мне этих открытий — я сел не на шаль, как думал — а на небольшой холмик под плотной тканью, опасно напоминающий человека.

Резко дернув за край ткани, я чуть не упал на столик с инструментами — под тканью лежало холодное тело со спекшейся кровью на плече и лбу.

Рядом со мной, не давая опомниться, в воздухе закрутилась воронка из прозрачного нечто. Она разрасталась, обретая краски и все больше смахивая на маленькую галактику с картинок. Миллиарды звезд загорались и гасли, прожив четверть минуты. Вокруг стало противно тихо — замолкли незаметные голоса из коридоров и палат. Кажется, воронка закручивала воздух; порывы ветра трепали мою порванную куртку, когда как все вокруг застыло и помутнело, будто погруженное в золотой янтарь. Я испуганно отступил назад, но воронка упрямо последовала за мной; комната, непозволительно маленькая и плотная дымка вокруг стремительно уменьшали шансы на спасение. Выбора не осталось и я, вспомнив безумные истории, шагнул в воронку.

Не выдержал и крепко зажмурился, обхватив колени.

Кажется, я плыл по течению, оставаясь сухим, пару минут. А затем, едва успев раскрыть глаза, приземлился на что-то мягкое и мерно шелестящее. Трава.

Я оказался на поляне, усыпанной желтыми головками цветов, окруженный неизвестными деревьями, синхронно покачивающимися на ветру. От того, что вокруг меня двигалось, казалось, что поляна нереальна, расплывающаяся, как акварельный рисунок. Вдруг меня пронзила колючая лапа и я увидел ее голый конец, торчащий из разодранной в клочья одежды.

Если в первые два раза я гнал мысли прочь, то теперь по телу разливалась живительная злость. Ярость. Я, будто чокнутый, крикнул во все горло, мечтая распасться на кусочки, наконец умереть. За что я мучительно, медленно, тягуче не могу умереть, как нормальные люди, еще тогда, в шестнадцать. Перед глазами, дразнясь, проплывали ненавистно белые палаты и горячая боль. Я вспомнил тело на столе. Если оно мертво, то я — призрак? За что так, где обещанная темнота, вечный сон? Я умер, но еще живу, управляю телом, пусть и не чувствую. Как долго будет длиться вечность, в которой я натыкаюсь на ножи и прохожу сквозь, разрывая призрачную одежду? Вновь взыв, я закрыл глаза, мечтая провалиться в сон, нормально умереть. Мешала только ярость. Я чувствовал злость в кончиках пальцев, зубах, коленях. Она, острая, тыкающаяся в меня изнутри, дарила наслаждение.

Тело пронзила боль. Сначала казалось, будто это от злости мне кажется, что я чувствую. Но нет. Боль была настоящей, горячей, пульсирующей во лбу и плече. Неужели я снова оживу? Кажется, мои метания по лесной и, как казалось, пустой поляне, кто-то заметил:

— Угомонись, Ник. Ты нужен мне в сознании — особа в черном платье, знающая мое имя, медленно приближалась. Я видел только ее фигуру, из-за боли все расплывалось. Но я чувствовал. Если нельзя умереть сейчас, может, можно ожить и что-нибудь, хоть что-нибудь сделать? — ты напуган. Но я помогу — она еще что-то говорила мерным, тихим голосом и боль отступила. Я, осознав, что больше не чувствую, приблизился к женщине почти вплотную и только и смог, что прошептать. Наверно, у меня сел голос

— Ты просишь чувствовать? — она услышала меня. С надеждой отступив, я приготовился внимательно слушать. Все, что угодно, лишь бы закончить то, что меня мучает — я Джеральдина — зачем-то представилась женщина. Сейчас мне было совсем не до знакомств — тебя подвергли проклятию. Страшному проклятию — она повторила, хищно обнажив клыки — сейчас слишком поздно, и я не могу его снять. Оно передается по наследству, так, что есть другой способ — долгий, но верный. Я перемещу тебя к тому, кто виноват во всем. К первому Волшебнику Солнца — я, не понимая, пожал плечами. Главное,

что способ сработает. Мне не важно, кто эти волшебники — есть одно «но» — Джеральдина, как она назвалась, заглянула мне в глаза, выжидая. Я придал себе самый отчаянный вид, какой смог — отлично — она кивнула — тебе придется его убить — я вздрогнул, отбежав на несколько шагов — пожалуйста, не забывай, что это он во всем виноват. Пожалуйста — вздохнув, я снова приблизился. Не важно. Если все можно исправить, я сделаю все, что нужно. Все наконец закончится — ты переместишься на много сотен лет назад, а потому никто не должен тебя видеть. В Астроводе останется только убить единственного мужчину, а если не сумеешь — утащить за собой. Раскол сделает все за тебя — я быстро покивал, похрустел пальцами, силясь их ощутить и кивнул. Скоро все будет хорошо. Женщина улыбнулась и запрокинула голову, что-то быстро зашептав. Рядом закрутилась привычная воронка, которую Джеральдина назвала Расколом. Я вздохнул. Если в омут, то с головой.

И шагнула в Раскол.

Как в первый раз, мимо пронеслись вещи, а я словно двигалась по призрачному коридору. Вокруг кружились звезды. В этот раз все закончилось быстрее и я, не успев напугаться черной бездны в конце пути, свалилась на нечто мягкое и шуршащее. Подул ветер, откинув волосы с лица и зашуршал книжными страницами недалеко от меня. Я подскочила на ноги и принялась тереть ноющие локти. За моей спиной гулко хлопнула обложка книги; от неожиданности вздрогнув, я обернулась на звук.

С травы, аккуратно расправляя серое в клеточку платье, поднималась девочка, на вид моя ровесница. Строгое платье с маленьким корсетом и длинными рукавами, высокая прическа, юбки до пола — кажется, меня забросило назад во времени. Вроде это мой дар. Но аккуратно зачесанные волосы, серый подол и носки туфель странно смотрелись на девочке — сама она, с огромными зелеными глазами и усмехающимся ртом, кажется, совсем не подходила своему окружению. Из-за тучи выглянуло солнце, нещадно поджарив мне спину и пустив тысячу зайчиков на ее пепельные волосы. Девочка улыбнулась и ткнула на косу, обвивающую высокий лоб:

— Странно выглядит, да? — волосы действительно казались седыми

— Не особо — я все же должна быть вежлива. Не из-за ссоры со средневековой девочкой я сюда пришла — я вроде должна была попасть в Астровод — она не дала мне договорить и, развернувшись к огромному дубу, под которым мы стояли, побежала, раздвигая ветки. Я медленно последовала за ней, на всякий случай не подходя слишком близко. Мы буквально прошли дерево насквозь, но оно однозначно того стоило.

На небольшом мысе, почти у самого прибоя, высился замок, смахивающий на диадему — высокое нагромождение башенок, выстроившихся полукругом. Я подумала какой, наверно, открывается вид из балкона на высоте пяти метров. Между башнями по узким висячим мостам сновали фигуры в длинных платьях. Вдоль дворца в деревьях, высаженных по кругу, бегали дети. Ровно по центру стелилась дорожка белого камня, на которую мне указала моя спутница:

— Здесь мы живем. Хочешь зайти?

— Колдуньи Ночи? — уточнила я

— Значит, нас все еще так называют? Ты одна из нас — она не спрашивала, а утверждала — я чувствую — тут я оглядела свою футболку и джинсы и вновь перевела взгляд на ее длинное платье — не волнуйся. Ты не первая, кого забросило под Дуб Джеральдина. Мы привыкли. Признаться, когда Аарон прибыл в вашей одежде, я немало удивилась — моя собеседница выражалась почти современно, на нашем языке, но, чем больше я вслушивалась в голоса, тем точнее понимала, что обитатели Астровода говорят на языке... — ...рун. Ты нас не понимаешь? Вас больше не учат ему?

— Я могу читать на нем. Может, начну на слух понимать?

— Не волнуйся. Пойдем в тень, расскажешь, к чему твое прибытие. Я, кстати, Тереза, Аарон меня называет Тесс, а мое прозвище в Астроводе — Луна — наверно, так должны звать девочек Средневековья. Я послушно пошла за Терезой в тень деревьев — от жары у меня будто плавилось тело, а за ним замедлялись мысли. Между тем, мне нужен ясный ум, чтобы все исправить. Не стану же я всех тут убивать. Нужен план.

Дети, игравшие во дворе, не обратили на нас внимания. Видимо, действительно привыкли. От толпы отделилась девочка, ровесница Терезы:

— Это Лили, она хочет, чтоб ее называли так — Тереза усмехнулась и добавила — я бы тоже хотела, если б меня назвали Евангелиной — похоже, здесь любят звучные имена. Девочка перешла на бег, поднимая клубы пыли, раскаленной на солнце и получила недовольный окрик из замка — платье у Лили было нежного василькового цвета:

— Привет, Тесс — она кивнула на меня — у нас гости?

— Лили, это...

— Василиса — закончила я. Не очень люблю свое имя, но ничего не попишешь — если на ваш манер, то Лисса — Лили кивнула и, ухватив меня за руку, потащила к большому цветущему дереву у самого края двора. Не упуская возможности, я оглядела ее — черные непослушные кудри, уложенные на старый манер, острые черты лица и привычка сдвигать прядь со лба. Меня усадили на траву вместе с Терезой, а Лили пришлось сесть немного в отдалении на каменный бортик балкона:

— Рассказывай, зачем пришла?

— Там еще Джеральдина?

— Да

— Вот живучая... — Тереза не дала ей договорить:

— Матери говорили, что ее так просто не убить. Ты, Лисса, лучше скажи, зачем тебя послали? Пришла уничтожить колдуний? — я поежилась, надеясь, то дар Терезы — не читать чужие мысли

— Не уничтожить, а исправить свою судьбу — чем больше я общалась с девочками, тем больше понимала, что убивать тут никого не стану. Что же тогда делать?

— Еще одна — покачала головой Лили. Я что тут не первая? Заметив мое смятение, Тереза молча указала в сторону от дуба, через который мы прошли:

— Пойдем. Аарон всех вас сказал приводить

— И просил называть себя безымянным — я вздрогнула

— Для меня он Аарон — Тереза улыбнулась и пошла первая. Не очень-то хотелось говорить с безымянным, но пререкаться с девочками я не стала. Все равно сегодня мне ничего не придумать. Если позволят переночевать — возьмусь за дело завтра. Видно, так быстро мне не выбраться.

Мы прошли обратно сквозь ветви дуба и направились по высокой траве, щекочущей ноги, к пыльной узкой дорожке, что виднелась в конце большой лесной поляны. Девочки о чем-то болтали, а я, следуя за ними чуть позади, погрузилась в безрадостные мысли. Мне нечего здесь делать, если я не собираюсь уничтожать колдуний. Если мне не поможет безымянный, к которому мы идем, все кончится у меня на газоне в лучшем случае, и я все равно буду знать о своем даре — или знать не буду, имея возможность улететь в прошлое, ничего не понимая. По мягкой пыли мы шли еще минут пятнадцать мимо огороженных полей и редколесья. Похоже, здесь недалеко деревня. Но мне, в моих джинсах, лучше встретить как можно меньше средневековых людей. Наконец девочки остановились у домика, стоявшего на краю обрыва там, где соленая вода смыла часть берега, оставив уступ из красной глины.

Домик, полностью из дерева, слегка покосился. Казалось, он готовится к прыжку в море. Я тряхнула головой, прогоняя все лишнее; надо сосредоточиться.

Мы подошли к двери, выходящей на берег и девочки тихонько постучали. В надежде,

что Аарон, как его называют, услышит робкий звук, я задумалась. Домик был размером с мою комнату, крытый соломой, которую нещадно трепал ветер с моря. У крыльца лежал влажный плетеный коврик, видимо, ручной работы, и букет трав, пахнувших чем-то терпким и сладким. Наконец, дверь с жутким скрипом открылась. Кажется, кто-то внутри потянул ее на себя, впуская нас в пыльное и сырое помещение.

Девочки вошли, по-хозяйски прикрыв дверь, и направились внутрь дома. Того, кто дверь открыл, рядом не оказалось, хотя я для надежности пошарила в полутьме руками. Когда мы, как я подумала, дошли до противоположной стены, задевая затылками пучки трав и тряпки, свисавшие с потолка, появилась новая дверь. Лили уверенно ее толкнула и вышла на яркий свет.

Вначале поморгав для уверенности, что не сплю, я огляделась. Мы стояли в большой зале, в которую запросто влез бы домик Аарона, и даже два. Из больших окон, упирающихся в пол и обрамленных легкими шелковыми занавесками, лился солнечный свет, хотя даже на улице у обрыва не было так светло. В центре, на вкусно пахнущем чем-то деревянном полу, примостился пушистый ковер и несколько высоких стопок книг. Зала пустовала, как домик. Тереза молча уселась на пол, вытащила из стопки книгу в зеленой обложки, открыла на месте, помеченном засушенным листиком, и погрузилась в чтение. Лили примостилась рядом, кивком указывая мне сесть с ними. Девочки явно пришли сюда не впервые.

Я, ожидая хозяина, наугад взяла том с самого верха стопки. Книга оказалась на языке рун, но вскоре я приспособилась. Минуты тянулись медленно, лишь Тереза иногда, ничего не объясняя, переворачивала страницу. Все вокруг словно застыло в желтом янтаре. Лили устала в одну точку.

Вдруг резная дубовая дверь отворилась и в комнату вошел парень чуть старше нас. Высокий, с кудрявым волосами, в широкой серой рубашке и простых штанах, он оглядел залу, в чем-то удостоверившись, и повернулся ко мне:

— Аарон — я кивнула, оставляя книгу, и поднялась

— Василиса — кажется, Тереза перестала переворачивать страницы

— Я остановил им время — парень чуть наклонил голову влево и, усмехаясь, посмотрел на меня — Лили устала слушать мои разговоры с каждым из вас — заметив мой немой вопрос, он пояснил — ты не первая, кого сюда закинула Джеральдина. Я тоже когда-то оказался здесь по ее вине

— Сколько нас?

— Не мало. Но почти все возвращаются домой, уживаются с силами, смиряются. Для меня уже поздно — он обошел меня, юркнув под руку, и уселся на коврик, взглядом приглашая за собой — нас всех Джеральдина, вернее, безымянная, поймала в первые мгновения, напуганных, не согласных, и отправила сюда, к истокам магии Ночи и Солнца — он говорил немного нараспев, и я боролась с желанием себя ущипнуть, чтобы не заснуть от его речи. Похоже, Аарон рассказывал это многим и уже привык к одним и тем же словам — ты ведь пришла уничтожить Астровод? — из его уст это звучало странно, с усмешкой или упреком

— Изменить свою судьбу — поправила я

— Изменить судьбу невозможно, и я тому пример. К счастью, все, с кем я говорил, сумели справиться и вернуться. Если не перейти грань, можно вернуться назад

— А если перейти?

— Застрянешь здесь, или, что еще хуже, около Джеральдины. Все, кто пытается

уничтожить магию, в наказание обращаются в безымянных. В попытке уничтожить неотъемлемую часть себя, мы теряем свою суть. Лучше возвращайся на утро и постарайся смириться, управлять способностями. Как бы не залетела в прошлое — он поднялся и отошел к двери. Янтарная дымка тоже пропала и Лили тряхнула головой. Тереза отложила книгу и посмотрела на Аарона, казалось, они молча о чем-то спорят

— Закончили? — уточнила Лили, тоже глядя на парня — мы еще можем успеть к чаю — она качнула васильковой юбкой, поднимаясь с пола, убрала со лба непослушную прядь, кивнула на прощание Аарону и первой вышла в затхлый домик. Словно оглушенная от короткого разговора с парнем я выбежала следом, забыв попрощаться. У берега нас, хлопнув дверью, догнала Тереза. Мы молча, каждый о своем, направились к дубу. Я подумала, что стоит действительно остаться на ночь и все хорошо обдумать. Пока, прогоняя мысли о Джеральдине прочь, я любовалась цветущими деревьями, уверенная, что в Астроводе задержусь с удовольствием, бегая по висячим мостам. А к безымянным и Аарону вернусь вечером.

Тереза осталась под дубом, весело махнув нам на прощание книгой из домика Аарона. Лили, задумчиво накручивая на палец выбившийся локон, повела меня в замок. Смеясь, она закрыла мне глаза ладонями перед самым входом, неуклюже помогла забраться по каменным ступеням, толкнула дубовую дверь и отбежала в сторону.

Я стояла, не двигаясь, боясь нарушить хрупкую тишину. Пол устилал светлый мрамор, весь в розовых прожилках и необыкновенно теплый. Вдоль стен, образуя вытянутое помещение, тянулись и чередовались с люстрами, пылающими огнем, арочные своды. Потолок терялся высоко над головой. Зала пустовала и я, кружась на месте, сумела разглядеть тяжелые резные двери, ведущие из холла в соседние комнаты и балконы.

Вдруг из-за арки вышла девушка в переднике, закатывая рукава, и пробежала через центр, скрывшись за одной из дверей. Оттуда пахло пряностями и чем-то сладким, в комнату ворвался жар из печи. Лили, окончательно истрепавшая локон, провела меня в дверь напротив.

Минуя череду длинных коридоров с факелами на стенах и лестниц, ведущих вверх, мы попали в маленькую комнату с высокими окнами в белых рамах. В углу, завешенная тонким молочным шелком, стояла кровать, рядом, ткнувшись в потолок, высился деревянный шкаф, на полу были разбросаны рисунки и пустые листы бумаги вперемешку с книгами в потрепанных обложках. Лили, что-то пробормотав кинулась убирать их, но запуталась в длинном васильковом подоле и, вскрикнув, упала в кучу листов. К потолку взметнулась добрая половина рисунков, лежавших на полу. Я, заливаясь смехом, кинулась на помощь и, спустя пару минут, с горем пополам убрав все на место и хорошо отсмеявшись, мы повалились на пол у окон, любуясь видом.

Комната Лили оказалась по ту сторону замка и выходила на море. Мы замолчали, слушая шум прибоя и звон часов где-то далеко внизу. Я разглядывала скалы, обрамлявшие бухту с обеих сторон, и гадала, где оказалась.

В дверь постучали и, не дождавшись ответа, в комнату вошла девочка, очень похожая на Лили: собранные на макушке светлые волосы, золотые, как янтарь, глаза и привычка вертеть прядь волос на пальце. Девочка надела молочное платье с длинными, пышными юбками.

— Лили, ты придешь на чай? — Лили покачала головой, вставая и зачем-то отряхиваясь — хорошо. Эвелина просила передать, что скоро зайдет — девочка тряхнула головой, совсем как Лили, прикрыла за собой дверь и, звонко постукивая каблуками, спустилась по лестнице

— Мелисса — пояснила Лили — моя сестра — устало опустившись на пол, она устала встала в окно. Вскоре в дверь действительно вновь постучали, ожидая позволения войти. Лили пронеслась по комнате, толкнула жалобно скрипнувшую дверь и отступила назад, впуская в комнату девушку. Она собрала темные волосы в простую косу, заложив за ухо несколько маленьких голубых цветов. На девушке было простое коричневое платье и белая шаль — видимо, на побережье стало прохладно. Она молча подошла к нам и уселась рядом со мной, разглядывая горизонт — Эвелина — тихо представилась она — нравится Астровод? — девушка обвела взглядом комнату

— Очень — я не знала, как завести разговор

— Эвелина у нас помогает матерям с юными колдуньями — подсказала Лили

— Ты перемещаешься во времени? — уточнила Эвелина

— Так мне сказала безымянная

— Джеральдина — девушка подобрала под себя ноги — не нужно бояться ее имени.

Если ты захочешь, можешь остаться в Астроводе и я помогу тебе

— Вообще-то — краснея, начала я, но Эвелина перебила:

— Я знаю, зачем ты здесь. Но все равно подумай — она замолчала, скользнула за дверь и растворилась в темном проеме. Я смотрела ей вслед, думая, как бы выбраться отсюда — мне требовался свежий воздух и тишина, чтобы все обдумать; прогонять мысли прочь с каждым разом получалось все хуже. Неожиданно вернулась Эвелина, балансируя под весом чего-то нежно-голубого в молочную клетку. Девушка аккуратно расправила ткань, тонкими теплыми пальцами подняла меня, ухватив за руку и проворно приложила ко мне платье — по размеру — удовлетворенно вздохнула она, увлекая меня за тонкую ширму. Я стояла, оперившись руками о деревянную створку, и ждала, пока Эвелина зашнурует платье. Наконец, путаясь в непривычно длинном подоле, я вышла из-за ширмы и не узнала девушку, отражавшуюся в оконном стекле. Дома, ни разу не надев платье, я и представить не могла, что когда-то их полюблю. Лили, медленно поднявшись с пола, улыбнулась:

— Хочешь посмотреть мосты? — девочки побежали вниз по лестнице, ухватив по факелу и я, осторожно ступая по каменным ступеням, последовала за ними.

Над морем заходило розовое солнце, отчего все вокруг казалось нереальным, сказочным. Верхние мосты укрыла предзакатная дымка и вскоре девушки, сновавшие по ним, превратились в черные силуэты и стали неразличимы. Мы поднялись на несколько уровней выше, ступая по узким переходам и переплетающимся коридорам. Всюду нас встречали узкие арки, уходящие ввысь и резные каменные статуи. Наконец Лили, ухватив меня за руку, выбежала на широкий мост, соединявший две башни по центру. Отсюда виднелись пики гор по краям бухты, розовые и золотые в лучах солнца, и слышался шум прибоя далеко внизу. До замка донесся соленый запах моря. Эвелина свернула в сторону еще в одном из запутанных проходов, а Лили под вялым предлогом убежала к морю и теперь бродила там, по щиколотку в воде, приподняв юбку. Очевидно, меня оставили наедине с мыслями.

Налюбовавшись морем и закатом вдаль, я вернулась к тому, что буквально разрывало меня изнутри. К выбору.

Ничего не зная о том, что умею, я могла бы вернуться домой, подавлять свой дар, никому не сказав. Но, сразу отвернувшись от идеи на протяжении многих лет избегать саму себя, свернулась к словам Эвелины. Я чувствовала, что Астровод принимает меня и, никого не зная, была уверена, что мне разрешат остаться. Но что подумают дома, если я просто

исчезну, растворюсь во времени? Решив немного перевести дух и отправится за советом к матерям, как их тут называют, я развернулась к дубу, под которым лежала оставленная Терезой книга. Наверно, девушка ушла в замок.

Вдруг на холме, с которого вниз сбегала каменная дорожка, закрутился вихрь Раскола. Я, подскочив на месте, в спешке перебежала на пару уровней ниже, рискуя заплутать на многочисленных поворотах, и кинулась к середине узкого мостика почти над самым входом в Астровод. Вперив взгляд в воронку и холодными пальцами ухватив перила, я стала ждать.

Раскол, методично раскручиваясь, двинулся немного вправо и завис в метре над землей ровно напротив больших дубовых дверей. Из прозрачной воронки вскинулись руки, затем голова, и вот уже фигура в черном, развивающемся на ветру, плаще, встала на землю и до боли знакомо закинула назад голову, обнажив белеющий в темноте кадык и сжав длинные пальцы. У меня перехватило дыхание и я, спотыкаясь, понеслась вниз, молясь, чтобы коридоры вывели меня к матерям. Но опоздала.

Затормозив на каком-то мостике гораздо выше того, куда меня привела Лили, я устоялась вниз, где едва различалась дорожка посреди сада. Джеральдина осталась на холме, то плавно ведя рукой, то резко вскидывая ее к небу, а от ее пальцев, сметая все на своем пути, по дорожке неслась линия огня, высоко поднимая столбы дыма и застилая Астровод жаркой дымкой нового заката. Пылали большими кострищами деревья, а галерея наполнилась высокими темными фигурами женщин. Они водили руками, в воздух взметались струи воды. Кто-то убежал в замок, спеша закрыть двери. Но огонь, шипя и плюясь искрами на колдуний, упрямо приближался к крыльцу.

Вдруг Астровод вздрогнул и пошел мелкой рябью, словно море. Одинокое дрожали крайние башни, часть арок и низких балконов, не выдержав, ринулись в огонь. Я, пригнувшись под дождем из обломков стен, понеслась вниз, мечтая выбежать к морю, подальше от огня, но, кажется, пару раз свернув не туда, потерялась в переходах.

Слева потянуло травами и жаром, но идти на пустую кухню смысла не было. Впрочем, этот коридор тупиком ткнулся в ее дверь и я, тихонько ее толкнув, скользнула внутрь. Через большую залу с гладкими, блестящими в свете печи, стенами тянулись три деревянных, грубо отделанных стола. По стенам высились стопки кастрюль и сковородок, кучей сваленных на полки. Подвешенные к потолку, об макушку стучались пучки засушенных пряностей. Мой завороченный взгляд оборвал новый толчок и посыпавшиеся из угла кухни большие куски мраморной стены. Я, схватив первый попавшийся чугунный половник и подумав, как, наверно, забавно с ним выгляжу, выскочила наружу, оставив дверь распахнутой, и побежала, наобум сворачивая в потемках коридоров.

В какой-то момент, когда дрожь немного утихла, я заметила, что мрамор пропал, а с влажного потолка, звонко ударяясь об пол, капает вода. Пару минут побродив в подземелье Астровода, я услышала новый камнепад справа по коридору и присела, навалившись спиной на мокрую стену. Наконец осколки известняка перестали отлетать, стучаясь о гулкие стены и я, на всякий случай аккуратно щупая ногами пол, пошла вперед, к источнику шума.

Огибая особенно большой камень, заметила мягкое свечение, не похожее на неровные лучи факела. Я медленно пошла на свет, испуганно выставив перед собой половник, который все еще несла в руке.

За поворотом, освещая остатки обрушившейся стены, над землей парил сверток из бумаги, на вид гораздо старше меня. Я с опаской присела, готовая спрятаться за один из упавших камней, в паре метров от свертка. Если Джеральдина сумела проникнуть в

Астровод, то это вполне может быть ловушка. Обернувшись и пошарив взглядом вокруг себя, я обнаружила ветку, наверно, залетевшую сквозь проломленные стены из сада, когда там разразился пожар. Осторожно, стараясь не обнаружить свое присутствие, я схватила ветку и, с трудом дотянувшись до свертка, ткнула кончиком бумагу.

Свет потух и лист свалился на каменный пол, прошуршав о камешки изорванным краем. Я медленно подошла, схватила листок, осмотрелась и, никого не обнаружив, рывком его развернула. Внутри сверток оказался ветхой картой, готовой рассыпаться у меня на руках.

Новый толчок и последовавшая дрожь заставили меня опуститься на колени. Я водила пальцем по пересекающимся линиям и названиям на языке рун. В темноте не сумев различить ни одной надписи, кроме названия «Астровод» в центре, я запихнула карту в складки платья и поспешила вверх по лестницам, на свет.

Чем выше я поднималась, тем труднее становилось идти. На людей в Астроводе опустилась завеса пыли, а через некоторые груды упавших камней было невозможно перелезть. Поплутав с полчаса в темных коридорах с потухшими факелами, я наконец вышла на мостик, с которого все началось. Джеральдина пропала в новом Расколе на моих глазах, победоносно оглянувшись на развалины с отсутствующими башнями по краям и спаленными деревьями. Рядом со мной на веревочные перила присел дрозд, не страшась придвинуться почти вплотную. Птица пару минут не спускала с меня глаз-бусинок, а потом, задев мое плечо кончиком крыла, взмыла вверх и растворилась в небе. Я на всякий случай проверила карту, упрятанную в корсет, и поспешила вниз, по уже знакомым переходам в холл.

В большом помещении, навалившись на то, что некогда было стрельчатыми арками, сидели те, кому повезло меньше. Вокруг детей, испуганно озирающихся, хлопотали матери, торопливо передавая друг другу бинты, одеяла и чашки с пахучим чаем. Аромат мяты стелился по зале. Ко мне подошли Тереза и Эвелина и, ничего не объясняя, увели меня туда, откуда я только что появилась.

Наконец мы остановились на мосту почти у самого купола главной башни. Тереза молчала, отойдя в сторону и любуясь на гладь моря.

— Поэтому замок называли Астроводом — Эвелина кивнула туда, куда смотрела Тесс. В небе действительно светили тысячи звезд, отражаясь в совершенно спокойной воде. Взгляд терялся и не мог разобрать, где небо, а где земля. Некоторые звезды словно сияли с самого дна моря, укрывая все вокруг серебряным туманом и даже развалины казались чем-то величественным, мистическим

— А как же те люди?

— Они будут в порядке — подала голос Тереза — вот тебе стоит отдохнуть — я покачала головой. Мне сегодня не уснуть. Я уставилась на горизонт, не сразу заметив, что девушки, перебираясь через завалы, ушли. Вскоре небо посерело и откуда-то со скал поднялись птицы. Жизнь возвращалась в Астровод.

Вдруг от сгоревших стволов внизу послышались нестройные голоса женщин и несколько детских. Я обернулась и наклонилась, облокотившись о перила. Фигуры в темных плащах встали полукругом и, подняв головы к светлеющему небу, пели. Их голоса никто бы не смог повторить, а в лучах восходящего солнца, скользивших по обломкам, их обладательницы казались призраками сказок. Я замерла, слушая самую волшебную песню в своей жизни.

Фигуры начали водить руками, медленно поднимая их вверх. Песня зазвучала увереннее, пара голосов вторила им из полуразрушенных галерей. Вначале я подумала, что

это последствия страшной ночи, но нет — камешки внизу действительно шевелились и взлетали вверх, повинувшись движению рук Колдуний. Где-то обгоревшая земля вновь покрывалась зеленым пушком травы, с веток падал уголь, обнажая зеленые почки. С новым потоком солнечных лучей из-за арок раздался десяток голосов, вторивших песне без слов. Почки на деревьях распускались, показывая большие, размером с ладонь листья, от почерневшей земли не осталось и следа под зеленым ковром травы. Внизу стали пролетать камни покрупней, на ступенях скакали целые куски мрамора, возвращаясь на былые места. Колдуньи заново возводили Астровод.

Уклонившись от особенно большой части лестничного пролета, я снова вернулась на середину моста, не в силах свести глаз с поющих внизу. Замок снова покачнулся и задрожал, исцеляясь. В его стенах люди поднимались и затягивали песню, не страшась пыльной завесы и мелких камешков, врезавшихся в ноги. Казалось, будто сам замок поет, повторяя за восходящим солнцем.

На голубом небе почти не осталось звезд, а только взошедший золотой диск укрыл башни теплым светом. Голоса потихоньку смолкли, но их эхо еще долго отдавалось в гулких переходах. Я поспешила вернуться в комнату Лили.

Пропавшая сестра

Комната пустовала. Я опустилась у окна, в который раз силясь привести мысли в порядок, и вытащила из складок ткани сверток. В лучах солнца не составило труда прочесть названия, роившиеся вокруг имени замка в центре. Кажется, это карта города, с рекой вокруг крепостных стен, деревушкой на окраине и полями в обрамлении густого леса, почему-то названного «Запретным». Я в забытьи водила пальцем по полустертым линиям, думая совсем о другом, как вдруг взгляд зацепил фразу, выведенную на полях — «Обитель страха». Размером и особым местом за пределами карты она напоминала название. Я испуганно разжала пальцы и листок, медленно кружась, упал на пол. Я подскочила на ноги, попятившись к двери потому, что ветхая бумага, чуть коснувшись деревянной доски, сгорела на месте, не оставив после себя и кучки пепла, чтобы уверить меня — это не сон. Ущипнув себя за запястье, я на всякий случай провела рукой по месту, где только что сидела, но бумага пропала.

Не дав мне разобраться со сторевшим свертком, в комнату вошла Лили. После этой ночи на ней не осталось и следа девушки, смеявшейся на закате. Взгляд словно потускнел, руки спрятаны за спиной, голова виновато опущена. Она спокойно присела у окна и удивленно уставилась на мои, должно быть, пораженные глаза. Я тряхнула головой, подбирая под себя ноги рядом с Лили и осторожно спросила

— Что такое «Обитель страха»?

— Откуда ты... — Лили сверлила меня взглядом, поднимаясь на ноги и отходя в сторону

— Не знаю — спешно заверила я — крутится в голове, может приснилось — не рассчитывая на ответ, я потупила глаза, чтобы девушка ненароком не раскрыла мою ложь. Но, на удивление, она успокоилась и присела на кровать, обхватив голову руками

— «Обитель страха»? — переспросила она, чуть покачнувшись — мифический город, никто в него уже не верит, сказки разные сочиняют. Но все неправда, не то, не то — она вдруг поднялась на ноги и повернулась к окну, глядя на море остекленевшими глазами — есть одно верное предсказание — Лили помолчала, вновь опускаясь на постель — две, белая и черная, армии будут биться за город, а до тех пор он опасен для любого, в него входящего — девушка подняла голову и посмотрела на меня, ожидая хоть какого-нибудь ответа. От нужды подобрать слова меня избавил стук в дверь. Я быстро поднялась с места и поспешила открыть ее. В комнату вошла Эвелина и тут же села к Лили, приобняв ту за плечи:

— Василиса, тебя зовет мама Тесс. Я провожу, подожди немного — девушка кивнула, и я отошла за ширму, якобы посмотреть в зеркало, которое Лили навалила к одной из скрипучих досок. Послышался тихий голос Эвелины — Мелисса пропала. Мы с самого рассвета прочесывали замок — она помолчала и добавила — матери приказали оставить поиски — я тихо вышла из-за ширмы и первая оказалась в коридоре. Факелы снова пылали, словно никогда не было битвы. Из-за двери донеслось тихое — мне жаль, Лили — и девушка вышла ко мне, молча направившись в глубь замка.

Наедине со своими мыслями я оставалась недолго — мама Тесс обитала прямо над холлом. Снизу доносились голоса расходящихся людей. За спиной скрипнула дверь, и я осталась в комнате из розового мрамора одна.

Напротив двери здесь высился большой дубовый стол на изящных ножках, в углу примостился приоткрытый шкаф, а у огромного окна, выходящего на море в солнечных бликах, прямо на полу хозяйка уложила стопку одеял и несколько подушек.

В глубине коридора послышались голоса, направляющиеся ко мне. Говорящие спорили, очевидно, забыв, что Эвелина привела меня сюда по просьбе матери Тесс. Смекнув, что меня почти точно выставят за дверь и вспомнив то, как Лили себя вела и как равнодушно слушала про пропажу родной сестры, я юркнула за стопку подушек, рассудив, что в платяном шкафу быстро обнаружу себя.

В комнату действительно вслед за мамой Тесс с такими же пепельными волосами, уложенными в косу, вошли трое. Сначала, ненароком зарывшись слишком глубоко в одеяла, я ничего не могла разобрать, но вот женщины повысили голоса и послышалось:

— Они верят нам!

— Тише — знакомая фигура с седыми волосами уперлась сжатыми кулаками в стол — у нас нет выхода. Никто не догадывается — она метнула рассерженный взгляд куда-то к двери; я не могла видеть, кто остался стоять в проеме — и пусть так и будет. Ваша дочь действительно пропала, пусть и в пределах замка — очевидно, в комнату не пожелала входить мама Мелиссы — мы догадываемся, но никто не должен знать. Если я только услышу, как вы намекаете девушкам за моей спиной — она выпрямила плечи, словно став в два раза выше. От шкафа послышался еще один недовольный голос, но обе женщины вышли, напоследок громко хлопнув дверью. Мама Тесс устало провела рукой по волосам, заправила за ухо локон и подошла к окну. Я сжалась, страшась, что она вздумала присесть на постель, но женщина сказала лишь — выходи, Василиса

Я, покраснев до кончиков ушей и плеч, медленно выбралась из своего укрытия и предстала перед мамой Терезы совсем не так, как хотелось бы — растрепанные волосы, измявшееся в одеялах и перепачканное пылью платье. Я судорожно перебирала пальцами, гадая, что сейчас случится. Женщина улыбнулась и сказала лишь:

— Джиневра — на мой немой вопрос добавила — зови меня Джинни — я оправила, как могла, платье и приготовилась слушать. Джиневра отошла к столу, опустилась на жалобно скрипнувший стул и подперла подбородок рукой, совсем как дочь — для начала — мне жаль; ты не должна была оказаться в Астроводе в такую ночь

— Что это было? Зачем... — женщина не дала мне закончить

— Джеральдина злится. Раньше ей не удавалось добраться до замка, но теперь, когда в защитном куполе пробита брешь, а замок открыт для нее, стали происходить странные вещи, которым нет точного объяснения. Можно сказать, Астровод пал — она покачала головой и спросила — тебе небезопасно здесь оставаться. Но если решишься, мы с удовольствием поможем разобраться с даром. Я сделаю все, что возможно

— Что с моими родными? Я пропала пару дней назад

— Они ничего не узнают. Как только будешь готова, вернешься домой — я опустилась на одеяла и, подумав, уверенно кивнула. Еще пять минут мы провели в полной тишине, задумавшись о своем, а затем в дверях показалась Эвелина.

***

Комната, в которой теперь лежали мои джинсы и лист с недописанным стихом, оказалась под самой крышей главной башни Астровода. Простая постель, укрытая клетчатым покрывалом, большой резной шкаф и целый ворох подушек на полу у большого окна — Тесс постаралась.

Я сидела, слушая звон гонга к ужину и зная, что потом пожалею. Голова словно кипела, все прожитое прошлой ночью перемешалось и отдавалось теле грохотом падающих камней. Встревоженная поведением Лили, я никого не спрашивала про карту; меня больше волновала Джеральдина и мои уроки в Астроводе, и возвращение домой. В дверь постучали.

Облокотившись о стену, в проеме показалась Эвелина. Мы молчали, каждая о своем, пробираясь по каменным коридорам и проходя замок насквозь. У мраморных ступеней, уходящих глубоко под воду, плескалась морская пена и чей-то голубой платок. Девушка выудила ткань из воды, встряхнула и повесила на перила террасы. Вниз по течению толпа собирала идущих со всех концов Астровода учениц.

Девушки сидели у самой воды, на каменных бортиках лестниц, бродили, огибая белые выступы террас. Двое, тихо переговариваясь, выводили кругом на песке рунную вязь, иногда оглядывая горизонт. Казалось, тот край моря врезался в небо, выпуская на волны алую кровь заката. Если запрокинуть голову вверх, можно было увидеть первые звезды, слабо освещающие рваный край облаков.

Эвелина опустилась в стороне, укрывшись в тени резной колонны, и теперь наблюдала за движением у берега, склонив голову на левое плечо. Вдруг все разом поднялись и подошли к круглому рисунку, почтительно опустив взгляды; я обернулась и тут же отступила назад, задев босой ногой холодную кромку воды.

Вдоль стены замка, утопая в белых песчинках, брела Джиневра. Она сменила тяжелую юбку и корсет на легкое белое платье, которое шлейфом стелилось за хозяйкой и собирало пену с прибоя. Я выдохнула, выходя из воды и прогоняя яркий силуэт, намертво прилипший к векам — девочка в белом, прижимающаяся к ногам матери и вздрагивающая от нечаянных слов. Джиневра скинула вязанную шаль, укрывавшую ее плечи, и мягко опустила на землю. Женщина двигалась плавно, слегка склоняя голову и внимательно заглядывала каждому в глаза. Девушки, заметив кивок, разбежались, усаживаясь на ступени и песок, одни отходили подальше, другие почти касались ладонями рунной вязи.

Я снова вздрогнула, когда одна из них подняла руками маленький смерч из белых песчинок и те усыпали ближайшую колонну. Другая, упрямо глядя на рисунок, сжала пальцы в кулак, и волна накрыла с визгом убегающего малыша у самого выхода из замка. Вокруг Эвелины носилась стайка ярких птичек, врезаясь друг в друга; та покачала головой и птицы закружились стройнее и медленнее. Вдруг в дали от Джиневры раздался взрыв хохота, и наставница поспешила группе девушек, замкнувшись в свое кольцо, и взмахом руки разогнала учениц по разные стороны от руновязи. Одна из учениц в темно-синей юбке, намочив подол, отошла как можно дальше, изогнула спину в крутую дугу — миг — и взмыла к бледным звездам, мерно взмахивая тяжелыми белыми крыльями. Я присела за пределами круга девушек, пытаясь одновременно задерживать взгляд на каждой и не выпускать из виду Джиневру. В голове крутился Раскол и Джеральдина, и призраки прошлого без голосов и тел; я снова и снова спрашивала себя, как буду ходить назад, как вызывать тени. Отстраненно наблюдая, как девушка в самом центре закружилась на месте и пропала, через мгновение оказавшись у лестницы, с которой меня привела Эвелина, я подскочила, подняв тучу брызг и устояла на фигурку у дальней колонны.

Из скрипучего дверного проема к белому песку спускалась Лили, глядя поверх голов и избегая глаз Джиневры. В тишине, прерываемой только соленым прибоем, девушка подошла к песочному рисунку, поправила полустертую руну с края и присела на колени, упираясь сжатыми кулаками в землю. Ученицы отступили подальше, испуганно спотыкаясь в

песчинках. Вокруг Лили возник круг огня, убедительно поджегшего край голубого платка, прибитого течением. Пламя закружилось, вызывая пред глазами рябь, одно кольцо размножилось в пять, поднимавшиеся вверх и вниз, врезаясь друг в друга. От огня веяло терпкой смолой, он пускал языки вверх, врезаясь ими в небо. Лили расслабила пальцы с побелевшими костяшками, открыла зажмуренные глаза.

Зрачки заплыли белым, медовые радужки отражали пламя и казалось, что в глазах полыхает отдельный костер. Жаркие кольца вокруг девушки множились до тех пор, пока упертые в землю ладони не пошли черными языками второго костра. Лили с криком боли отняла их от рисунка и, не глядя ни на кого, побежала в дом, заламывая почерневшие руки.

Джиневра устремилась вслед за ученицей, а остальные, повинувшись немому взмаху руки, поднимались с места и уходили в Астровод, оглядываясь на две фигуры, бегущие почти в полной темноте. Кто-то закрывал лицо руками и я, проследив за взглядами оставшихся девушек, поняла от чего — руновязь почернела, словно укрытая жарким пеплом и выстроилась в слова, которые от меня заграждали нервно перебирающие ногами ученицы. Я повела плечами, словно стряхивая сон и побежала за Лили.

В дверях Джиневра, ухватив ученицу за плечо, свернула направо и я, с трудом поднявшись по ступенькам, заглянула за дверь в поисках коридора. Мой взгляд уперся в твердую гладь мрамора, которую я для верности проверила рукой и, убедившись в неизвестной мне магии, побежала в кабинет матери Тесс длинным путем по лестницам и пустым коридорам.

Во второй раз за день оглядывая комнату, я крутилась на месте в поисках потайного входа и вдруг с размаху врезалась коленями в стопку одеял, оглушенная громко хлопнувшей дверью и толчком руки. Джиневра оперлась на дверь спиной и тяжело дышала, прикрыв глаза. Живот стянуло и я, уверяя себя, что это просто голод, тихо спросила:

— Что это было? — женщина помолчала, закрыв лицо ладонями, обошла стол, опустилась на скрипнувший стул, заставляя вспомнить сегодняшнее утро и сказала лишь:

— Лили у себя — зачем-то провела рукой по краю старой доски и добавила — оставь ее и возвращайся в комнату. Начнешь учиться завтра — когда я уже, толкнув тяжелую дверь, спускалась по каменной лестнице, до меня донеслось шепотом сказанное — все будет хорошо

У своего порога я чуть не сбила Терезу, с опаской оглядывающуюся на темные стены, и мы вошли в комнату вместе. Тесс уперлась взглядом в звезды, отражавшиеся в воде, не решаясь говорить. Я присела рядом, основательно зарывшись в кучу одеял и маленьких пуховых подушек; мы обе мысленно прокручивали сегодняшний вечер до тех пор, пока Тереза не сказала:

— Что с Лили? — я отвела взгляд, гадая, нужно ли рассказывать про карту и про наш разговор с девушкой. Подруга нахмурилась, ожидая ответа и я глубоко вдохнула.

Впрочем, от нужды говорить и объясняться меня избавил крошечный огонек у самого стекла, пускающий на него цветные отблески. Тесс испуганно подобрала подол, а я, наоборот, подалась вперед и протянула руки, точно зная, что это. За время, пока я брела сквозь Астровод, решение пришло само. В памяти, бросая блики на внутреннюю сторону век, еще кружилась битва Колдуний и сверток, зависший над землей в заваленном камнями коридоре, Джеральдина, Мелисса и Лили. Убедившись не без помощи Джеральдины в том, что избавиться от дара невозможно, я твердо решила разобраться и пойти по своему пути, каким длинным он бы ни был. Я изучающе глядела на вздумавший вернуться огонек,

уверенная — предупреждена, значит вооружена.

Когда пламя стало увеличиваться в размерах, Тереза, вскрикнув, отодвинулась и встретила спиной холодную каменную стену. Из маленького огонька получалось окошко, обрамленное ярко-алой каймой. Наконец на мои вытянутые руки из черной бездны без звезд обычных Расколов выпал знакомый ветхий сверток, готовый разлететься в пыль. Я осторожно расстелила карту на полу перед безвольно осевшей на пол Тесс и подвинула ей подушку из своего вороха. Девушка лишь пробормотала:

— Спасибо...что это? — потом, прочитав надпись на полях, добавила — «Обитель страха»? — я, оглянувшись на незапертую дверь и окинув взглядом тихую рябь на море, полупшепотом рассказала Терезе все

— А нам сказки про нее рассказывали — ошарашенно сказала та — на ночь — и молча принялась изучать карту, задевая меня плечом.

— Как думаешь — задала я давно кружившийся в голове вопрос — я смогу сходить в прошлое этой карты? Что-нибудь узнать, хоть что-нибудь — Тесс закусила губу и оторвалась от карты:

— Если и да, то совсем нескоро — я молча кивнула и придвинулась к листу бумаги и задумчиво обвела пальцем большое озеро, потом лес и фигуру из одних только башен в середине с надписью: «Астровод».

Мы изучали карту, кажется, час, в надежде заметить что-то, что рассказало бы больше, но достигли только того, что обе могли бы нарисовать такие же линии по памяти. Наконец, Тереза откинулась назад с тихим вздохом и посоветовала получше спрятать сверток. Наблюдая за тем, как я роюсь в складках перины и пытаюсь ее приподнять, сжалилась:

— Мне разрешили заниматься с тобой ночью. Хочу кое-чему тебя научить — я оставила карту, убедившись, что та спрятана надежно, и вышла в прохладу коридоров, прихватив факел и уже не путаясь в подоле. Тесс тенью бежала впереди, ведя меня через запутанные ходы Астровода и не давая времени запомнить все повороты и потайные двери, приведшие нас к берегу и полустертому рисунку, оставшемуся от сегодняшнего занятия. Девушка решительно смешала его с песком до конца босой ногой и нарисовала новый, сложнее, с большим количеством завитков. Я подошла ближе и села, уперев ладони в песок около рунной вязи, повинувшись кивку Терезы. Та начала говорить медленно и нараспев, и я вспомнила Аарона. Кто кого научил?

— Сядь на колени, осторожно, не сотри руну. Теперь представь, как от твоих рук текут струйки по рисунку — девушка нахмурилась, зная, что мы обе вспомнили, как «загорелась» Лили — направь магию так, чтобы она заполнила руновязь. Лучше закрой глаза и представь что-нибудь — Тесс оглянулась на море и, казалось, парившие в нем звезды — хотя бы небо над Астроводом — мы замолчали на минуту, пока я, усиленно воскрешая в памяти огоньки звезд в небе и воде, пыталась понять, как это — направить магию струйками. Ход моих мыслей прервал тихий шепот Терезы — получилось. Можешь открыть глаза, встань, если хочешь — я поднялась на ноги, но тут же, отступая назад, снова села на песок.

По завиткам, походя рябью на легком ветру, от следов моих ладоней в песке текло жидкое пламя, медленно заполняя все веточки рисунка и озаряя сиянием пепельные волосы Тесс. Рисунок, казавшийся блеклым на белом песке, теперь ярко светился и плескался, не вытекая за края руновязи.

— Смотри — Тереза ткнула в ближайшую к нам и рисунку часть приборя.

Вода с тихим шелестом меняла курс и, выбиваясь из течения, выплескивала волны в

сторону скопления магии. Тихое свечение охватывало все большую часть волн, направляя их к себе. Тереза сидела на песке, обхватив колени, и замороженно глядела на воду. Кажется, рисунок шипел, как настоящий огонь, от брызг воды:

— Слушай — прошептала Тесс.

Откуда-то действительно послышался звон и тихое пение. Голоса тянули песню без слов, а рисунок, кажется, звенел, покрываясь еще большей рябью. Вода с силой захлестала об песок, взметая мокрые песчинки вверх.

— Он вспоминает битву — девушка кивнула на руновязь и приказала — положи на него одну руку — а сама ухватила меня за другую. Я по инерции прикрыла глаза.

Вокруг нас в клубах мутно-серого тумана прорисовывались очертания уже знакомого выхода к морю. Все вокруг устилал едкий дым и жар, проникающий из сада, в песок, с грохотом сбивая друг друга в воздухе, приземлялись глыбы камня и мелкая пыль стертого мрамора. По ступеням вниз сбегала фигура с пепельной косой и тут же рухнула оземь. Другая Тесс придержала меня на плечо, чтоб я не кинулась на помощь. Серое в клеточку платье покрыто слоем сажи у подола, в волосах заблудились мелкие камешки. Девушка на песке принялась выводить рисунок, торопливо одергивая рукава и поминутно оглядываясь на падающие стены. Наконец Тереза оставила руновязь и коснулась ладонями белого песка у края рисунка.

По прожилкам, не давая засыпать кропотливую работу пыли, потек жидкий огонь, знакомо плескаясь в пределах дорожек и заполняя все до последней руны. Вздогнув от упавшего в метре камня и кашляя в столбе поднятого им песка, девушка приподнялась, глядя на рисунок, вздохнула и снова села, запуская пальцы в струйки. От фигуры отделилась еле видимая тень и тут же растворилась в воздухе. Все краски вокруг перемешались, и мы снова пронеслись сквозь густой туман.

На этот раз вокруг, оглушая, на ветру дрожали листья раскидистого дуба. Впереди, спотыкаясь и отодвигая ветки, кралась знакомая фигура и то и дело ныряла в деревья, когда казалось, что ее видно из замка. Я тоже пригнулась и даже шагнула в тень, но Тесс с усмешкой потянула меня за плечо и пошла рядом ровным шагом. Я оглянулась и обнаружила, что деревья в саду Астровода целы, а сам замок грозит в ночи невредимыми стрельчатыми арками. От мысли, что мы либо до битвы, либо после, в будущем, меня отвлекла неожиданно выпрыгнувшая на нас из тени девушка в сером платье. Она, оглянувшись направо, прошла пару метров и снова прыгнула в кусты, затаившись. Мы просто отошли в тень.

Недалеко, почти путаясь в ветках дерева, высилась знакомая угольная тень. Джеральдина выставила руку и осторожно пощупала перед собой, тут же отскочив и с шипением потрясая запястьем, чем заслужила довольную усмешку девушки в кустах, еле слышную даже для нас. Потом принялась осторожно водить руками, стараясь не наткнуться на прозрачный купол, и что-то хрипло шептала. Воздух перед женщиной пошел рябью, словно задрожала невидимая стена. Джеральдина понизила тон, покачиваясь и поминутно возвращая в нормальное положение запрокинутую голову, чтобы нетерпеливо поглядеть перед собой.

Наконец в проходящей волнами стене образовалось окно размером с ладонь, с каждой секундой все сильнее разрастающееся. Фигура в черном в спешке подошла, окунула руку по локоть в зияющую дыру, удовлетворенно кивнула, не замечая движения позади — из кустов тихонько вышла девушка в сером, подкралась и приготовилась кинуться на женщину, как

вдруг...

Вдруг все вокруг заплыло серым туманом, ноги девушки оторвались от земли. Последнее, что мы увидели, возвращаясь назад — Джеральдина рубкой нырнула в разросшееся окно и, образовав воронку Раскола, пропала из виду. Мы снова стояли, зарываясь в песок, и смотрели на Тесс около рунного рисунка, расколотого на пополам особенно большим камнем. Девушка сидела, опершись подбородком на подогнутые колени, пока дым, стлавшийся по земле, не рассеялся над морем, а из замка не послышалось пение. Настоящая Тереза взяла меня за предплечье, высыпая в мысли лавину вопросов, и потянула в наше настоящее.

В настоящей руновязи все еще плескались запущенные мной струйки.

— Нас никто не видел? Это была ты? И Джеральдина? Ты тоже ходишь во времени? Дар может повторяться? Время же невозможно повернуть вспять? Нельзя же что-то отменить? — Тереза рассмеялась и начала с конца:

— Нельзя уничтожить только магию. Меня послали матери, чтобы задержать Джеральдину, узнать, как она проникла в замок. Если б мне удалось, у них было бы время подготовиться, вывести учениц к морю; но руновязь испортила часть стены, упавшая с верхних балконов. — помолчала и продолжила — в прошлое можно ходить и тенью, никому не заметной, ни на что не способной. Но если хватит силы — можно и замедлить что-то, изменить. Дар не повторяется, если только не передан по наследству. По крайней мере, нам так кажется, но ведь ты рождена далеко в будущем, все может быть — она снова усмехнулась и подошла к воде, тронув ее пальцем — теплая. От твоей магии она согрелась в этой части течения — я осторожно встала рядом и дотронулась до волны:

— Действительно — и тут же вскрикнула потому, что от сильного толчка качнулась и, подняв тучу брызг под громкий смех за спиной, упала в воду с головой. Выплыла на поверхность и потянула Тесс за собой обеими руками, снова ныряя на самое дно, быстро уходящее вниз. Мы смеялись, убегая друг от друга в холодной воде, и выливали ее пригоршнями, поднимали к небу облака из мелких брызг и наконец, оставшись в одних сорочках, раскинули руки, глядя в небо. Казалось, звезды упали наземь и остались на дне моря, освещая Астровод. Под водой лучами лился свет от руновязи, оставшейся на песке. Над нашими головами, раскинув черные крылья, парил дрозд и сверкал бусинками-глазами.

— Концентрируй магию в центре — Джиневра стояла, приложив ладонь ко лбу козырьком в попытке защититься от палящего солнца — добейся свечения этой руны — она указала мне в самый центр руновязи и отвернулась к горизонту, всматриваясь в гладь моря.

Мы с самого утра, едва позавтракав, сидели на песке у вновь нарисованной Джиневрой руновязи. Она тенью застыла за моим плечом, пока я собирала магию в песочные дорожки, и тихо давала советы, то и дело оборачиваясь на замок, на снующих по мостам девушек. Солнце нещадно поджаривало мою спину, поднимая с воды мутную дымку и застилая песком дальние террасы Астровода.

— Вот так — женщина качнула головой, опустила на колени. Руны, выведенные в середине рисунка, сияли вторым солнцем — теперь вспомни, что делала этим утром.

Все вокруг заволочло туманом и я, глядя на растворяющийся в нем подол, перенеслась к окну. За стеклом едва светили звезды, нижние этажи растворились в предрассветной дымке. Я ворочалась, скинув на пол клетчатое покрывало, и подтягивала к себе замерзшие в соленой воде ноги, волосы мокрыми змейками рассыпались по подушке. Наконец, завернувшись в вязаную шаль, подняла перину, вытащила карту и подошла к окну, на свет. Большое облако, предвещая грозу, затянуло половину неба. Я нахмурилась, со вздохом положила бумагу на пол, села следом, подтягивая подушку, плотно набитую перьями. В прореху облака показался край луны. Часы внизу пробили два часа ночи. Все вокруг замерло в ожидании рассвета, глядя на порозовевший край моря.

Вдруг на карту, под слова «Обитель страха», попал один-единственный луч, в сумерках бросая серебряные и золотые блики на стены и ворох подушек, словно сплетенный из двух нитей. Подняв голову в поиске источника света, я выдохнула и замерла, любуясь небом — облако распалось на множество рваных клочков, а между ними сияла, как в полночь, луна, смешивая свой свет с узким солнечным лучом, пробившимся между краями моря и неба. Пару мгновений спустя солнце затмило белесый круг и скрыло его за тучей, вновь соединившей разбежавшиеся кусочки ваты. Я отодвинулась вглубь комнаты потому, что, вслед за солнцем, на Астровод хлынули потоки воды, шурша далеко внизу травой и ударяя друг об друга макушки деревьев порывами ветра.

Где-то на кухне, у самого подземелья, разожгли камин и тепло, повинуюсь потокам чей-то магии, разлилось по замку. Я отбросила одеяло и перьевую подушку, задев краем сверток, и покачнулась, вставая на колени.

Там, куда попал луч от двух светил, засияла еще одна надпись, составленная не из рун, а из цифр. Координаты.

«56.4785277 — 3.7518055»

Еще посмотрев, как я сама в изумлении уставилась на цифры и как поспешно выписываю их на листок в страхе, что те исчезнут, прыгнула в туман и оказалась рядом с Джиневрой, передергивая плечами и надеясь — она не увидела координаты. Я доверяю жителям Астровода, но эта карта, «Обитель страха» — мое дело.

Наконец, заметив на мой усталый взгляд, бродящий по песку, Джиневра первая шагнула в сторону замка. Я поспешила за ней, с интересом думая, куда приведет нас путь в столовую. В течении этих пяти дней я ела на ходу, либо в комнате то, что приносила Тесс, не давая мне есть беседами и спорами обо всем на свете. Со вздохом облегчения толкнула дверь и

огляделась.

Мы стояли в проеме над потолком холла и любовались на высокие арки и стекла между ними. За окнами плескалось живое море из колыхающихся деревьев, усыпанных белыми и желтыми цветами, и тянулось в обе стороны поле узкой полосой перед настоящим лесом.

В зале, отступая от ряда арок вдоль стены и от двух рядов колонн в центре на пару шагов, высились деревянные столы, укрытые белыми скатертями, девушки, взмахивая пред носом подолами самых разных цветов, сновали и раздавали людям бесконечные тарелки, полные овощей, и стаканы с гранатового цвета вином, и приборы, сверкающие на солнце серебром. Я пробралась с пустующему месту рядом с Тесс, которая уже уплетала обед. Она с трудом проглотила большой кусок картошки и проговорила сквозь набитый огурцами рот:

— Оняла тея ак бычно? — я непонимающе вздернула брови и дала подруге дожевать — Гоняла тебя, как обычно? — Терезе пришлось довольствоваться моим усталым вздохом потому, что я тоже принялась за обед.

Близился день, когда я вернусь домой. Я то и дело передергивала плечами и закусывала губу потому, что возвращаться назад, да не тенью из прошлого, а перемещая всю себя, мне предстоит самой и под ложечкой сосало как перед важным экзаменом. Отвлекаться я могла только глядя на координаты, вздумавшие появиться на карте или бегая по мостам, все еще с опаской переступая по шатающимся ступеням. Слушая последние удары колокола к чаю, который мы всегда пропускали, Тереза комментировала птичий полет.

— Уйдем в лес? — она проводила глазами последнюю пичугу, отставшую от улетающей за поворот стаи — до ужина еще несколько часов, зайдем напоследок к Аарону — мы успели подружиться. Я рассказывала парню о своей жизни и он жадно вслушивался, вырванный из своего времени. Мы взяли чай в большую стеклянную бутылку и побрели по колено в траве к знакомому деревянному силуэту.

Вдруг подруга остановилась и я, задумавшаяся о своем, врезалась в нее опущенной головой и тут же была поймана за руку. Пальцы Тесс сжались, и я тоже уставилась на дверь Аарона.

Жалко скрипящая деревянная створка распахнулась и из пропахшего пряностями помещения вылетела, заплетаясь в подоле, Лили. Девушка плакала, смахивая сверкающие слезинки, что-то еще говорила человеку внутри домика, вздрагивая от слез, потом развернулась и побежала, взметая пыль с дороги в измятом и грязном васильковом платье. На порог вышел Аарон, рухнул на крыльцо и опустил голову в колени, бессмысленно шаря руками в волосах. Тереза тихонька подошла, выудила чашку из складок платья, налила мятный чай. Кажется, парень тоже всхлипнул, во всяком случае, фарфор звонко звякнул, когда о него ударилась прозрачная капля. Он вытер тыльной стороной ладони глаза, благодарно вздохнул и тут же осушил кружку. Тесс подлила чая. Мы молчали, глядя на прибор, только мятная жидкость стремительно пропадавал из бутылки.

— Спасибо — Аарон в последний раз вытер лицо и первым вошел в дом. Мы все примостились на белом ковре во второй комнате, я немного дальше от друзей, у книжной стопки, мною примеченной. Тактично вытащила книгу, развернула в самом начале, стараясь не замечать молчаливого общения пары в отдалении. Сборник историй, который я взяла, увлекал своего читателя глубоко в тот мир, к которому я только прикоснулась, живя в Астроводе. Я жадно вчитывалась в строки рун и уже не обращала внимание на начавшееся тихое перешептывание слева.

— Все будет хорошо — донеслось через три четверти часа, мы вышли, прикрыв

поломанную дверь, плохо сколоченную из случайных досок, и направились к первым деревьям на краю поля. Тереза со вздохом положила ненужную опустевшую бутылку в приметные кусты — заберем на обратном пути — и мы вступили в лес.

В пяти минутах отсюда можно было опуститься на нашей полянке. Мы играли в карты и рисовали руны, Тесс засушивала в специально отведенную старую книгу ценные цветы, мы ходили за дикими ягодками земляники, заваривали чай на кострище, устроенном по центру и читали вслух, раскинувшись на траве. На этот раз Тереза разлеглась звездочкой и уставилась в небо. Мы не вспоминали Лили, и я не стала нарушать вне гласное правило, принявшись за огонь, но подруга сказала:

— Не надо, пожалуйста — на мой немой вопрос пожала плечами — жарко — я тоже легла на траву

— Так ты возвращаешься — послышалось через минуту сквозь шепот листьев. Я чуть приподнялась на локте

— Через два дня. Что-то случилось? — Тесс перевернулась, закрыла книгу и задумчиво покрутила в пальцах сорванный листик

— Хочу кое-что тебе отдать — она выудила из большой холщовой сумки связку перьев, чернильницу и стопку бумаги — я попросила одну из учениц заколдовать эти вещи, чтобы мы могли общаться — отчего-то прокашлялась и вдруг кинулась мне на шею — я буду скучать, Лисса — едва уловимый шепот затерялся в шуме крон над нашими головами

— Ты чего, я же еще не ушла — потом я спохватилась и тоже обвила дев ушку руками — и я должна тебе показать ... — прервав саму себя, я достала карту, которую теперь всюду носила с собой — координаты — пояснила я — думаешь, надо узнать, что это за место? — я сомневалась, что Обитель найдется в современном мире посреди бетонных джунглей

— И обязательно напиши мне — твердо заявила Тесс — думаю, нам пора обратно — она многозначительно посмотрела на солнце, клонящееся к закату.

Последние два дня пролетели, заставив меня беспомощно озираться и дав возможность только недоумевать, что сегодня мне предстоит отправиться назад. Точнее, вперед во времени.

Я действительно озиралась по сторонам, стоя в коридоре. Мимо прошла только пара девушек, негромко переговаривающихся, но Терезы не было, хотя она обещала прийти прежде, чем я выйду на песок к морю и все кончится. Я думала о Лили, со слезами выбегающей от Аарона, хотя решила оставить эту загадку на обитателей Астровода. С меня хватит карты, которая в последнее время затихла и словно потеряла интерес к никудышному хозяину. Я же знала, что первым делом найду, что скрывается за координатами и, пожалуй, не полезу только в подземелья, если придется искать Обитель самостоятельно. Но мне довольно лишь узнать, где она находится и не опасна ли для нас, и я надеюсь во всем разобраться в домашнем тепле и сухости.

В глубине коридора действительно послышались звонкие каблучки Тесс и вот подруга тихонько дышит мне в распущенные волосы, повторяя скорее себе: «все будет хорошо, мы еще увидимся, все будет хорошо». Я неловко ответила на объятия, отстранилась, вздохнула и сказала не так твердо, как надеялась:

— Мне действительно пора — Тесс отступила, заставила меня проверить, на месте ли пук перьев и чернила, заложила прядь за ухо и заявила:

— Я посмотрю на тебя с моста — развернулась и, сначала медленно, но потом все скорей, пошла, потом побежала по коридору. Я сжала пальцы кулак, надеясь собрать мысли

в одну связанную струю в голове и поспешила, иногда спотыкаясь, к зиявшему проему в конце прохода, на свет.

На песке стояла уже знакомая фигура и смотрела, как я подхожу, прячу Терезины чернила в карманы вновь надетых джинс, сажусь, снова поднимаюсь и, наконец, начинаю выводить рунную вязь. Этому рисунку я научилась быстро и порой, задумавшись, выводила его на каменном полу моей комнаты. С тоской подумав, что уже скучаю по Астроводу, я опустила веки и, вспоминая бездонное небо, усыпанное звездами, почувствовала, как от пальцев бежит и плещется в песке тепло. Сегодня я сидела гораздо дольше по совету Джиневры, на самом деле просто не решаясь открыть глаза. Через пару минут все же встала, окинула взглядом режущий своим светом глаза рисунок и вновь зажмурилась, вспомнила то утро, и едущих за забором мальчишек, сжала кулаки и распахнула глаза.

Вокруг, озаренные мелкой россыпью звезд, кружились факелы, чернила, раскрытые книги на языке рун. Потом в их движение вклинились мои кисточки и шариковые ручки, тетради, аккуратные стопки исписанных листов с моего стола. Я, обхватив колени руками, просто оглядывала все вокруг и ждала, чувствуя пробегающий по спине холодок.

Наконец ощутила колючее прикосновение травы и терпкий запах сосен. Тихонько обогнула высаженные в два ряда лиственницы, прошла, почти крадучись, по раскаленной на солнце дорожке, и шагнула в дом с парадного входа, зная, что встречу сестру и маму, входящих с террасы напротив. Глубоко вдохнула, открыла вторую дверь, ведущую из жаркой прихожей в остывший за ночь каменный дом. Все вокруг казалось до боли знакомым, я без труда нащупала в кромешной тьме металлическую ручку второй двери, все прожитое в Астроводе, среди колдуний, карта, спрятанная в заднем кармане, все казалось сном, фантазией, раскаленной на жаре.

Увидев меня, Мика воскликнула что-то нечленораздельное, обернулась на маму, подошла, держа в руке листки, недавно в полном беспорядке валявшиеся на траве и наконец сказала:

— Ты где была?

— За домом гуляла — быстро соврала я. Мама взялась за оставленную посуду, мгновенно скрываясь в паре от горячей воды и пене

— Не выбрасывай их — сестра протянула черновики — мне нравится — я кивнула, выхватила грозящие вновь разлететься листы и кинулась к себе, наверх, пропуская ступеньки на лестнице.

Дух удалось перевести, только прижавшись к закрытой двери. Я проверила, заперт ли замок, добрела до стола, опустила охапку исписанных страниц к их братьям, вытащила пучок перьев и чернильницу, вытянутую резного стекла колбу с пробкой. Достала пачку чистых листов и стала перебирать перья, выискивая подходящее. И вдруг поняла, что не знаю, какое брать, как окунать в чернила, как выводить слова, ведь раньше подобным не занималась. Не каждый день становишься волшебницей и сидишь в лесу, засушивая ядовитый стебель. Мои мысли занимала битва, карта, координаты, уроки, Лили, но совсем не баночка чернил. Со вздохом я спрятала все в узкую коробочку из-под пачки карандашей и принялась мысленно составлять послание. На досуге первое, чем я займусь — загадочная связка перьев.

А пока, отгоняя аромат выпечки с кухни, с запасом холодного лимонада, изнывая от жары, я принялась за поиски. Координаты, похоже, приснятся мне, когда я забудусь и закрою глаза.

— Концентрируй магию в центре — Джиневра стояла, приложив ладонь ко лбу

козырьком в попытке защитится от палящего солнца — добейся свечения этой руны — она указала мне в самый центр руновязи и отвернулась к горизонту, всматриваясь в гладь моря.

Мы с самого утра, едва позавтракав, сидели на песке у вновь нарисованной Джиневрой руновязи. Она тенью застыла за моим плечом, пока я собирала магию в песочные дорожки, и тихо давала советы, то и дело оборачиваясь на замок, на снующих по мостам девушек. Солнце нещадно поджаривало мою спину, поднимая с воды мутную дымку и застилая песком дальние террасы Астровода.

— Вот так — женщина качнула головой, опустилась на колени. Руны, выведенные в середине рисунка, сияли вторым солнцем — теперь вспомни, что делала этим утром.

Все вокруг заволокло туманом и я, глядя на растворяющийся в нем подол, перенеслась к окну. За стеклом едва светили звезды, нижние этажи растворились в предрассветной дымке. Я ворочалась, скинув на пол клетчатое покрывало, и подтягивала к себе замерзшие в соленой воде ноги, волосы мокрыми змейками рассыпались по подушке. Наконец, завернувшись в вязаную шаль, подняла перину, вытащила карту и подошла к окну, на свет. Большое облако, предвещая грозу, затянуло половину неба. Я нахмурилась, со вздохом положила бумагу на пол, села следом, подтягивая подушку, плотно набитую перьями. В прореху облака показался край луны. Часы внизу пробили два часа ночи. Все вокруг замерло в ожидании рассвета, глядя на порозовевший край моря.

Вдруг на карту, под слова «Обитель страха», попал один-единственный луч, в сумерках бросая серебряные и золотые блики на стены и ворох подушек, словно сплетенный из двух нитей. Подняв голову в поиске источника света, я выдохнула и замерла, любуясь небом — облако распалось на множество рваных клочков, а между ними сияла, как в полночь, луна, смешивая свой свет с узким солнечным лучом, пробившимся между краями моря и неба. Пару мгновений спустя солнце затмило белесый круг и скрыло его за тучей, вновь соединившей разбежавшиеся кусочки ваты. Я отодвинулась вглубь комнаты потому, что, вслед за солнцем, на Астровод хлынули потоки воды, шурша далеко внизу травой и ударяя друг об друга макушки деревьев порывами ветра.

Где-то на кухне, у самого подземелья, разожгли камин и тепло, повинувшись потокам чей-то магии, разлилось по замку. Я отбросила одеяло и перьевую подушку, задев краем сверток, и покачнулась, вставая на колени.

Там, куда попал луч от двух светил, засияла еще одна надпись, составленная не из рун, а из цифр. Координаты.

«56.4785277 — 3.7518055»

Еще посмотрев, как я сама в изумлении уставилась на цифры и как поспешно выписываю их на листок в страхе, что те исчезнут, прыгнула в туман и оказалась рядом с Джиневрой, передергивая плечами и надеясь — она не увидела координаты. Я доверяю жительницам Астровода, но эта карта, «Обитель страха» — мое дело.

Наконец, заметив на мой усталый взгляд, бродящий по песку, Джиневра первая шагнула в сторону замка. Я поспешила за ней, с интересом думая, куда приведет нас путь в столовую. В течении этих пяти дней я ела на ходу, либо в комнате то, что приносила Тесс, не давая мне есть беседами и спорами обо всем на свете. Со вздохом облегчения толкнула дверь и огляделась.

Мы стояли в проеме над потолком холла и любовались на высокие арки и стекла между ними. За окнами плескалось живое море из колыхающихся деревьев, усыпанных белыми и желтыми цветами, и тянулось в обе стороны поле узкой полосой перед настоящим лесом.

В зале, отступая от ряда арок вдоль стены и от двух рядов колонн в центре на пару шагов, высились деревянные столы, укрытые белыми скатертями, девушки, взмахивая перед носом подолами самых разных цветов, сновали и раздавали людям бесконечные тарелки, полные овощей, и стаканы с гранатового цвета вином, и приборы, сверкающие на солнце серебром. Я пробралась с пустующему месту рядом с Тесс, которая уже уплетала обед. Она с трудом проглотила большой кусок картошки и проговорила сквозь набитый огурцами рот:

— Оняла тея ак бычно? — я непонимающе вздернула брови и дала подруге дожевать — Гоняла тебя, как обычно? — Терезе пришлось довольствоваться моим усталым вздохом потому, что я тоже принялась за обед.

Близился день, когда я вернусь домой. Я то и дело передергивала плечами и закусывала губу потому, что возвращаться назад, да не тенью из прошлого, а перемещая всю себя, мне предстоит самой и под ложечкой сосало как перед важным экзаменом. Отвлекаться я могла только глядя на координаты, вздумавшие появиться на карте или бегая по мостам, все еще с опаской переступая по шатающимся ступеням. Слушая последние удары колокола к чаю, который мы всегда пропускали, Тереза комментировала птичий полет.

— Уйдем в лес? — она проводила глазами последнюю пичугу, отставшую от улетающей за поворот стаи — до ужина еще несколько часов, зайдем напоследок к Аарону — мы успели подружиться. Я рассказывала парню о своей жизни и он жадно вслушивался, вырванный из своего времени. Мы взяли чай в большую стеклянную бутылку и побрели по колена в траве к знакомому деревянному силуэту.

Вдруг подруга остановилась и я, задумавшаяся о своем, врезалась в нее опущенной головой и тут же была поймана за руку. Пальцы Тесс сжались, и я тоже уставилась на дверь Аарона.

Жалко скрипящая деревянная створка распахнулась и из пропахшего пряностями помещения вылетела, заплетаясь в подоле, Лили. Девушка плакала, смахивая сверкающие слезинки, что-то еще говорила человеку внутри домика, вздрагивая от слез, потом развернулась и побежала, взметая пыль с дороги в измятом и грязном васильковом платье. На порог вышел Аарон, рухнул на крыльцо и опустил голову в колени, бессмысленно шаря руками в волосах. Тереза тихонька подошла, выудила чашку из складок платья, налила мятный чай. Кажется, парень тоже всхлипнул, во всяком случае, фарфор звонко звякнул, когда о него ударилась прозрачная капля. Он вытер тыльной стороной ладони глаза, благодарно вздохнул и тут же осушил кружку. Тесс подлила чая. Мы молчали, глядя на прибор, только мятная жидкость стремительно пропадавал из бутылки.

— Спасибо — Аарон в последний раз вытер лицо и первым вошел в дом. Мы все примостились на белом ковре во второй комнате, я немного дальше от друзей, у книжной стопки, мною примеченной. Тактично вытащила книгу, развернула в самом начале, стараясь не замечать молчаливого общения пары в отдалении. Сборник историй, который я взяла, увлекал своего читателя глубоко в тот мир, к которому я только прикоснулась, живя в Астроводе. Я жадно вчитывалась в строки рун и уже не обращала внимание на начавшееся тихое перешептывание слева.

— Все будет хорошо — донеслось через три четверти часа, мы вышли, прикрыв поломанную дверь, плохо сколоченную из случайных досок, и направились к первым деревьям на краю поля. Тереза со вздохом положила ненужную опустевшую бутылку в приметные кусты — заберем на обратном пути — и мы вступили в лес.

В пяти минутах отсюда можно было опуститься на нашей полянке. Мы играли в карты и

рисовали руны, Тесс засушивала в специально отведенную старую книгу ценные цветы, мы ходили за дикими ягодками земляники, заваривали чай на кострище, устроенном по центру и читали вслух, раскинувшись на траве. На этот раз Тереза разлеглась звездочкой и уставилась в небо. Мы не вспоминали Лили, и я не стала нарушать вне гласное правило, принявшись за огонь, но подруга сказала:

— Не надо, пожалуйста — на мой немой вопрос пожала плечами — жарко — я тоже легла на траву

— Так ты возвращаешься — послышалось через минуту сквозь шепот листьев. Я чуть приподнялась на локте

— Через два дня. Что-то случилось? — Тесс перевернулась, закрыла книгу и задумчиво покрутила в пальцах сорванный листик

— Хочу кое-что тебе отдать — она выудила из большой холщовой сумки связку перьев, чернильницу и стопку бумаги — я попросила одну из учениц заколдовать эти вещи, чтобы мы могли общаться — отчего-то прокашлялась и вдруг кинулась мне на шею — я буду скучать, Лисса — едва уловимый шепот затерялся в шуме крон над нашими головами

— Ты чего, я же еще не ушла — потом я спохватилась и тоже обвила дев ушку руками — и я должна тебе показать ... — прервав саму себя, я достала карту, которую теперь всюду носила с собой — координаты — пояснила я — думаешь, надо узнать, что это за место? — я сомневалась, что Обитель найдется в современном мире посреди бетонных джунглей

— И обязательно напиши мне — твердо заявила Тесс — думаю, нам пора обратно — она многозначительно посмотрела на солнце, клонящееся к закату.

Последние два дня пролетели, заставив меня беспомощно озираться и дав возможность только недоумевать, что сегодня мне предстоит отправиться назад. Точнее, вперед во времени.

Я действительно озиралась по сторонам, стоя в коридоре. Мимо прошла только пара девушек, негромко переговаривающихся, но Терезы не было, хотя она обещала прийти прежде, чем я выйду на песок к морю и все кончится. Я думала о Лили, со слезами выбегающей от Аарона, хотя решила оставить эту загадку на обитателей Астровода. С меня хватит карты, которая в последнее время затихла и словно потеряла интерес к никудышному хозяину. Я же знала, что первым делом найду, что скрывается за координатами и, пожалуй, не полезу только в подземелья, если придется искать Обитель самостоятельно. Но мне довольно лишь узнать, где она находится и не опасна ли для нас, и я надеюсь во всем разобраться в домашнем тепле и сухости.

В глубине коридора действительно послышались звонкие каблучки Тесс и вот подруга тихонько дышит мне в распущенные волосы, повторяя скорее себе: «все будет хорошо, мы еще увидимся, все будет хорошо». Я неловко ответила на объятия, отстранилась, вздохнула и сказала не так твердо, как надеялась:

— Мне действительно пора — Тесс отступила, заставила меня проверить, на месте ли пук перьев и чернила, заложила прядь за ухо и заявила:

— Я посмотрю на тебя с моста — развернулась и, сначала медленно, но потом все скорей, пошла, потом побежала по коридору. Я сжала пальцы кулак, надеясь собрать мысли в одну связанную струю в голове и поспешила, иногда спотыкаясь, к зиявшему проему в конце прохода, на свет.

На песке стояла уже знакомая фигура и смотрела, как я подхожу, прячу Терезины чернила в карманы вновь надетых джинс, сажусь, снова поднимаюсь и, наконец, начинаю

выводить рунную вязь. Этому рисунку я научилась быстро и порой, задумавшись, выводила его на каменном полу моей комнаты. С тоской подумав, что уже скучаю по Астроводу, я опустила веки и, вспоминая бездонное небо, усыпанное звездами, почувствовала, как от пальцев бежит и плещется в песке тепло. Сегодня я сидела гораздо дольше по совету Джиневры, на самом деле просто не решаясь открыть глаза. Через пару минут все же встала, окинула взглядом режущий своим светом глаза рисунок и вновь зажмурилась, вспомнила то утро, и едущих за забором мальчишек, сжала кулаки и распахнула глаза.

Вокруг, озаренные мелкой россыпью звезд, кружились факелы, чернила, раскрытые книги на языке рун. Потом в их движение вклинились мои кисточки и шариковые ручки, тетради, аккуратные стопки исписанных листов с моего стола. Я, обхватив колени руками, просто оглядывала все вокруг и ждала, чувствуя пробегающий по спине холодок.

Наконец ощутила колючее прикосновение травы и терпкий запах сосен. Тихонько обогнула высаженные в два ряда лиственницы, прошла, почти крадучись, по раскаленной на солнце дорожке, и шагнула в дом с парадного входа, зная, что встречу сестру и маму, входящих с террасы напротив. Глубоко вдохнула, открыла вторую дверь, ведущую из жаркой прихожей в остывший за ночь каменный дом. Все вокруг казалось до боли знакомым, я без труда нащупала в кромешной тьме металлическую ручку второй двери, все прожитое в Астроводе, среди колдуний, карта, спрятанная в заднем кармане, все казалось сном, фантазией, раскаленной на жаре.

Увидев меня, Мика воскликнула что-то нечленораздельное, обернулась на маму, подошла, держа в руке листки, недавно в полном беспорядке валявшиеся на траве и наконец сказала:

— Ты где была?

— За домом гуляла — быстро соврала я. Мама взялась за оставленную посуду, мгновенно скрываясь в паре от горячей воды и пене

— Не выбрасывай их — сестра протянула черновики — мне нравится — я кивнула, выхватила грозящие вновь разлететься листы и кинулась к себе, наверх, пропуская ступеньки на лестнице.

Дух удалось перевести, только прижавшись к закрытой двери. Я проверила, заперт ли замок, добрела до стола, опустила охапку исписанных страниц к их братьям, вытащила пучок перьев и чернильницу, вытянутую резного стекла колбу с пробкой. Достала пачку чистых листов и стала перебирать перья, выискивая подходящее. И вдруг поняла, что не знаю, какое брать, как окунать в чернила, как выводить слова, ведь раньше подобным не занималась. Не каждый день становишься волшебницей и сидишь в лесу, засушивая ядовитый стебель. Мои мысли занимала битва, карта, координаты, уроки, Лили, но совсем не баночка чернил. Со вздохом я спрятала все в узкую коробочку из-под пачки карандашей и принялась мысленно составлять послание. На досуге первое, чем я займусь — загадочная связка перьев.

А пока, отгоняя аромат выпечки с кухни, с запасом холодного лимонада, изнывая от жары, я принялась за поиски. Координаты, похоже, приснятся мне, когда я забудусь и закрою глаза.

— Василиса, ты решила задохнуться? — Мика кинулась к окну, с возмущенным видом распахнула его, впуская еле заметный ветерок в комнату. Послышался шелест деревьев, обрамлявших улицу, и в памяти всплыл дуб, раскрытая книга, крадущаяся в ночи девушка — сколько ты уже сидишь здесь? — сестра бесцеремонно прервала ход моих мыслей, окидывая взглядом пустую бутылку. Та напоминала мне чай в стеклянной банке, Аарона, кружку, вытащенную из складок платья — пойдем — девочка ухватила меня за обе руки, мимоходом закрыв крышку ноутбука, потащила к двери, приговаривая — лето за окном, а ты весь день торчишь здесь. Пойдем, пойдем — она первая сбежала вниз по ступенькам, крикнула что-то маме и вылетела во двор. Из окна мы смотрели на убегающую фигурку и хлопнувшую за ней калитку. Несчастливая дверь так и осталась скрипеть на ветру, раскачиваясь в разные стороны.

— Пойду закрою — я аккуратно прикрыла калитку снаружи, проверила, закрыто ли, и побрела на свое место. Когда-то, словно в прошлой жизни, я любила сидеть на заброшенном фундаменте. Огибая недостроенный дом, вокруг высились деревья и порывались пробить бетон. Я вскарабкалась вверх, цепляясь за плохо прилаженные к стене кирпичи, дошла до выступа, полностью скрывавшегося в ветвях, села на давно облюбованное место и вытащила пук перьев. Наугад взяв одно, принялась крутить его, подставляя ветру, и погружаясь в воспоминания. Перед глазами летели силуэты жителей Астровода, домик, опасно покосившийся, строки на едва знакомом языке. Я, вздохнув, вытащила книгу, прихваченную на память, и принялась обводить кончиком пера руны; должно быть, обмакнуть его в чернила просто, но сначала стоит научиться писать.

Мое забвение нарушили голоса — звонкий и редкий, низкий. Я осторожно выглянула и с досадой обнаружила, что к груде бетона и кирпичей, которую из себя представляла постройка, почти вплотную подошли парень с девушкой. Ей было не больше шестнадцати, а ее друг выглядел моим ровесником. Я поневоле услышала их разговор, про себя моля ребят уйти:

— Я больше не могу с тобой ходить, прошу, давай присядем — парень, очевидно, состроив щенячьи глазки, уже залез наверх, ступая по моим следам. Девушка вздохнула и молча вскочила следом. Я вдруг поняла, что знаю парня. Его семья живет напротив через улицу и почти каждый день, весело переговариваясь, прогуливается между деревьев мимо моего окна. Поспешно спрятав перья и захлопнув книгу, я протянула руку вниз, вынула из стены примеченный кирпич, открывая свой тайник, в котором лежали стопкой стихи в твердом переплете, заданные на лето, маленький сборник рассказов и детектив, начатый совсем недавно. Я быстро спряталась за последним, не желая вести беседу. Если повезет, то они уйдут прежде, чем я обнаружу свое существование. Вскоре я действительно перестала прислушиваться к голосам и позволила книге поглотить мои мысли; к сожалению, ненадолго. Парень медленно раздвинул ветви, наверно, заметив мои кеды, почти торчащие из облака листьев и сучков. Я с трудом оторвалась от строк, задвигая книгу на языке рун подальше за спину. Подняла взгляд и, не вставая, стала разглядывать стоящего перед мной в надежде, что он смутится и уйдет. Тот слегка наклонился вперед и спросил:

— Что читаем? — кажется, я пробурчала в ответ что-то вроде:

— Не твое дело — потом добавила — это мое место — из-за мальчишечьей спины

послышалось:

— Эрик, отстань от человека — Эрик поднял руки вверх, усмехнулся и вдруг резко упал на колени. Я с трудом сообразила, что он изучает обложку. Фыркнув, подняла ее повыше. Парень продекламировал название:

— «Забытый сад» — помолчал немного, выпрямляясь и обратился к подруге — Лина, тогда пойдем? «Не будем мешать человеку» — поддразнил он и спрыгнул вниз, покачнувшись. Лина виновато улыбнулась и аккуратно спустилась следом. Я проводила их силуэты взглядом, пошарила рукой позади себя, решив вернуться к рунам, но книги не оказалось на ее месте. Я осмотрела кусты справа, но знакомой бежевой обложки там не оказалось. Испуганно убрала детектив к остальным книгам, ступила ногой на шуршащие листья и пошарила руками. Похоже, кто-то просто забрал ее. И, похоже, я знаю кто.

Всю дорогу домой я высматривала парочку в надежде, что те гуляют поблизости, но увидела только фигуру Лины, скрывающуюся за тяжелой дверью. Я повернула в сторону своей калитки, завидев Мику во дворе. К парню зайду вечером, когда сумерки заберут жару из города. Сейчас мне требуется стакан холодной воды.

Когда на кончики деревьев опустились сумерки и во дворе во всю мочь затрещали цикады, я набрала в грудь побольше воздуха, распахивая калитку. Жаркие улицы выдохнули с облегчением; горячий асфальт отдавал тепло в ночь, подпаливая край облаков так, что те краснели, вдобавок, алый свет еще разливался из-за горизонта. Я старалась держаться там, где днем была тень, чтобы ступни не окатывало жаром. Улицы за этот месяц заметно выцвели. Деревья стояли либо поникшие, почти касаясь земли, либо хмуро посеревшие от дорожной пыли, высушенные в гербарии. С каждой минутой цикады кричали все громче — я приближалась к парку. Осталось добраться до едва видной в вечерней мгле тропинки, перейти под ивами, образовавшими коридор и миновать несколько домов, отделяющих меня от громадины, в которой, похоже, лежит моя книга. Я все сильнее хмурилась, чувствуя прикосновение ивовых листьев на плечах. Здесь, под их кронами, разлилась долгожданная прохлада; я прогнала желание остаться в тени. Книга, исписанная строками рун, дорога Тесс и должна этим вечером оказаться у меня дома. Почти бегом миновав оставшиеся сотни метров, я осторожно прикоснулась к разогревшейся ручке калитки — открыто, словно парень ждет гостей. Я помотала головой, убрала рассыпавшиеся волосы и шагнула во двор.

От калитки тянулась дорожка, усыпанная белыми камешками, словно светящаяся в темноте, мимо запаркованной машины, между двумя рядами невысоких лип, чередующихся с фонарями. Из-за стены деревьев едва выглядывал сад, несколько клумб и песчаные дорожки. Последнюю четверть пути я пробежала, с трудом затормозив у двери, и нетерпеливо постучалась.

***

Я знал, что девочка вернется. Стоял, глядя в окно, и вертел в руках книгу. Казалось, от улиц поднимается пар, а кузнечики, которым не повезло выпрыгнуть на асфальт, застывали, словно в миг иссушенные. Ни я, ни Лина не выдержали и разошлись по прохладным домам, к холодному соку и ледяной воде.

Пожалуй, девушка не заметила моего колдовства; мне уже почти не нужно прикрывать глаза, пряча почти прозрачную пелену. Я не смог сдержаться, увидев, что она что-то прячет, что-то, похожее на книгу Колдуний. Отец учил меня распознавать кайму на их обложках, но

совсем для другого. Похоже, при мысли об отце, я скривился, как обычно, потому, что мама встревоженно махнула мне из сада. Скоро на дорожку опустятся сумерки, и она появится. Колдуньи неосознанно выбирают ночь; об этом я тоже узнал от отца. А кроме того, как поймать девушку, заинтересовать, отвлечь внимание...убить. Я залез на подоконник с ногами, по привычке прикрываясь шторой, на свое любимое место, и распахнул книгу, судорожно пробегая по страницам пальцем. Все слова целы, ни одна буква не смыта морской водой, черт побери их любовь селится у моря. Как ей удалось сохранить книгу? Обложка выглядит словно ей лет тридцать, но не больше. Еще один вопрос к моему мысленному списку: откуда здесь колдунья, как, если раньше я ее не чувствовал? Она живет здесь с рожденья, в отличии от Лины. Эта и не подозревает о колдовстве, но знает город, как свои пять пальцев, так, что пригодится. Но как, если, по ее словам, переехала три дня назад? Наконец-то в моей жизни появилась цель, тайна, интерес; я словно замер на эти года, что прошли со смерти отца.

С наступлением темноты она действительно замаячила у выхода с тропки парка. В сумерках выглядела, словно беззащитный мотылек в своей белой рубашке и шортах. В руках девчонка несла свитер. Подготовилась к ночному холоду. Крадучись дошла до калитки, прикоснулась к металлу, провела рукой. Осторожна, как олень в чаще. Нажала на ручку, ничего не ожидая и чуть не подпрыгнула, когда калитка действительно открылась. Огляделась, обогнула отцовскую машину, шагнула к липам. Бредет по дорожке медленно-медленно и с каждым шагом светлое лицо все сильнее хмурится. Наконец, когда до дома осталось всего ничего, сорвалась на бег, разметав черные кудри по спине, глаза сверкают в темноте. Сейчас постучит, надо спускаться. Спасибо отцу за дом в глубине участка; пока гости доберутся по дорожке между лип, уже станет ясно, кто они такие.

Внизу действительно раздался стук, и я припустил по лестнице. Нельзя заставлять ее ждать, не сейчас. По дороге придал лицу беспристрастное выражение и отворил дверь, отступая в сторону и пропуская девчонку внутрь. Впрочем, она не торопилась входить, так, что я начал сразу:

— Значит, колдунья? — для убедительности помахал раскрытой книгой перед ее носом. Должно быть, от такой наглости, то ли от того, что мой голос донесся из темноты, она покраснела. Я молча стоял и смотрел, как ее щеки, нос, шею заливают розовый румянец. В конце концов она воскликнула только:

— Верни книгу!

— Так не носила бы ее на улицу, раз так дорожишь

— Да как ты...! — передумала, остановилась, задумалась — как ты смог взять ее?

— Значит, колдунья? — повторил я. Люблю первые моменты разговора, люблю смотреть, как они брыкаются, словно непослушные щенки, пытаются вырваться, взять разговор в свои руки, пока не поймут, что его русло было определено еще до того, как мы встретились. И определил его я

— Твое какое дело? — она взмахнула кудрями и вдруг в темноте я увидел ее тонкие руки, тонкие теплые пальцы толкнули плечо руки, в которой я зажал книгу, пряча ее за спиной. Тут же я перестал ощущать ее тяжесть, страницы и край обложки больше не кололи мне спину. Девушка, не думая для верности отойти подальше, вертела в руках томик истории Колдуний.

— Как ты...? — пришла моя очередь задавать вопросы. До нее ни одна девчонка не смела использовать способности при мне. Я всегда словно накидывал на их руки, тела, губы

сеть, и они не могли пошевелиться. Что же за способность у девушки передо мной? Ее губы, ярко-алые, темнеющие вместе с небом, которое застилала ночь, растянулись в улыбке; не ехидная, не коварная, не злая — просто улыбка. Таких я еще не встречал. Я посмотрел на нее по-другому — вот оно, новое лицо, непривычный характер. Стоит изучить ее, прежде чем действовать — вода? Кофе? — я вышел на свет, желая завладеть ее вниманием, но она не оторвала взгляда от бежевой обложки. Потом тихо повернулась на носках, прошуршав гравием, и побрела назад по дорожке.

***

Изо всех сил стараясь не припустить к калитке, я шла, рассматривая книгу. Обложка не повреждена, Терезина подпись на задней части не стерта, светло-голубая кайма все также чуть светится в темноте. Как только сзади чуть скрипнула закрывающаяся калитка, я быстро развернула томик, пролистала от корешка до корешка, облегченно выдохнула и направилась к парку, зная, что отлично видна из его окна. Спасительная тень маячила впереди и я, настойчиво отвлекая мысли от этого вечера, заставила себя смотреть только на нее. Ветерок нежно пробежался по пылающим щекам, в который раз растрепал волосы и спрятался в парке, шурша листьями. Я, наконец сумев думать только о пучке перьев, оставшихся в тайнике, приподняла носком кед листик, нарочито внимательно посмотрела, как он закружится и улетит вглубь парка и шагнула следом. Быстро перехватила книгу и спрятав ее под свитером в руке, побежала по дорожке. Глубоко вдохнула, еще ускорила темп, вылетела на дорогу, тут же нырнув под сухие деревья и, с трудом переводя дыхание, хлопнула за собой дверцей. До входа между светящимися окнами добрела, еле переставляя ноги. Книга сразу же легла в ящик стола. Я упала на постель, перевернулась к стене, выравнивая дыхание, и прикрыла глаза. Тут же перед веками всплыло его лицо, на миг выглянувшее, прежде, чем спрятаться в темноте прихожей. Парень, Эрик, больше походил на охотника, оценивающего свою добычу. Надо поговорить с Линой, как он ее назвал.

С этими мыслями я провалилась в сон. Перед глазами напоследок проплыли его руки, побелевшие костяшки, сжимающие обложку. Мне ничего не стоило переместится назад, выхватив книгу и заметить на его запястье, чуть повыше пульсирующей голубоватой вены, рисунок — черную половину солнца с витиеватыми лучами и язык пламени, обвивающий ее.

Едва дождавшись рассвета, выпив последний глоток чая, я тихо выскользнула за дверь, добралась до кирпичной стены, прыгнула наверх и отодвинула кирпич, скрывающий полость в бетоне. Перья ничуть не отсырели за ночь. Я вытащила вслед за ними чернила, устраиваясь на прохладном выступе и радвигая ветви, пачку листов. Неловко ухватив перо за середину и обмакнув в черную жидкость, я осмотрела кончик. Потом стерла чернила, боясь истратить их на попытки писать, и, постукивая пальцами по тонкому стержню пера, стала выводить слова, чуть подняв кончик так, чтоб он не касался бумаги.

Задумавшись, я выводила слова, которые, надеюсь, скоро действительно появятся на этой бумаге. В траве послышался знакомый шорох; я вскинула голову и вгляделась в дорогу, скрывавшуюся за ветвями. С нее в сторону недостроенного дома действительно шагал Эрик. Руки в карманах, время от времени приподнимает носком веточку или пинает заросли дикого шиповника. Парень продирался сквозь траву, игнорируя протоптанную дорожку, огибающую строение с другой стороны. Он ухмылялся, глядя на деревья, за ветками которых ветер трепал мою футболку. Я сидела спиной к лазу между ними, в который пробралась

сама, но оглядываться не стала. Склонила голову, завинтила крышку чернильницы и продолжила примериваться к пустому листу бумаги. Сзади действительно послышались шаги.

Я, заставив себя не оборачиваться, прислушивалась к шелесту листьев. Он действительно нырнул в мое убежище, сел позади, раздвинув несколько веток, чтобы между нами не осталось тревожно покачивающихся лап осин. Казалось, будто мы играем в игру, правил которой я не знаю. Не сдержавшись, повела плечами и наконец услышала:

— Это делается вот так — он осторожно коснулся моих пальцев, немного передвинул, положил свою ладонь поверх моей и, быстро откинув крышку, обмакнул перо в чернила. Вывел несколько рун. Я смотрела на свою руку под его пальцами, словно на чужую. Черные линии выглядели как надо, но я не стала продолжать. Не отнимая кончика пера от листа, обернулась:

— Чего тебе?

— Разве Колдунье не нужны друзья?

— У Колдуньи они есть. Что тебе нужно на самом деле?

— Ладно — он поднял руки вверх, смешно скривив рот — ладно, ухожу — я вздохнула, отдернула руку, рискуя сломать перо. Эрик легкой трусцой достиг дороги, затормозил, взметая пыль и крикнул что-то, что так и не долетело до меня. Нечто вроде «сама напросилась». Я пожала плечами, переводя дух и посмотрела на бумагу. Теперь действительно можно написать Тесс; и добавить несколько строк о фигуре, уже дошедшей до проспекта.

Я снова оправила лист бумаги, дописывая последние слова. Ветер, не замечая моего раздражения, весело трепал волосы, поминутно скидывая их на лицо. Я сдунула прядь и подумала, что сегодня уже не так жарко. Если посчастливится, город перестанет плавиться на пекле, и мы дотянем до осени. Порыв, словно подтверждая, снова снес пучок перьев с места, да еще и выбросил кирпич, прикрывавший выемку в бетоне, на траву, запутав его в длинных лентах вьюна. Мой рассерженный вздох прервало тихое свечение листа. Тереза ответила.

«Как же ты меня напугала, Лисса! Ты обещала написать сразу же, если, конечно, вообще помнишь. Немедленно расскажи мне все про холм, который нашла, может, среди вереска, скрывается что-нибудь стоящее. Эрик не должен тебя волновать, он не имеет никакого отношения к «Обители ...».

В Астроводе происходят жуткие вещи. Недавно стена подвала обрушилась, скрыв под собой малыша. Мы еще не разобрали завал, но, думаю, ничего интересного там нет. За камнями только влажный песок под одной из террас. Лили все время проводит в комнате и не посещает занятия, наверно, мама занимается с ней ночью. Аарон стал сам не свой, чаще навещается в замок; пожалуй, даже чаще, чем следовало бы, ведь пара девушек постоянно приносят ему чай и вертятся вокруг, обмахиваясь платками, хотя никакой нужды нет. Ветер иногда завывает так сильно, что я не могу уснуть и мы с соседками сидим внизу, на кухне. Только я не могу бедняге сказать, он совсем разбит. Пыталась выведать у Лили, но она почти ничего не говорит

Я еще почитаю в его книгах про мифические города. Все это слишком похоже на глупый розыгрыш. Больше не могу писать, ветер расплескивает чернила»

Под координатами действительно скрывался холм, покрытый вереском. Холм высился в Шотландии, собирая над собой кучки облаков. Никакой истории не крутилось в туристических брошюрках; казалось, кто-то ошибся с несколькими цифрами в координатах.

Возможно, какие-то руины и пугали детей там во времена Тесс, заставляя людей сочинять сказки, но все это никак не могло остаться в настоящем. Я быстро засунула все вещи в тайник, с некоторым раздражением закрепила камень и вышла на улицу, с удовольствием подставляя плечи и ладони прохладному ветру.

***

Она оказалась сильным игроком. Сидела, выпрямив спину в прямую стрелу, не оборачиваясь, замерев тенью среди листвы. От прикосновения к пальцам, неуклюже расставленным вдоль пера, по телу пробежала забытая холодная дрожь. На девушку, похоже, уйдет больше времени, но от этого чувства отметина выше запястья только еще сильнее пульсирует в предвкушении.

Слегка помешав лимонад в стакане и предоставив звенящим о стеклянные стенки льдинкам растворится в пенящейся жидкости, я упал на кровать, блуждая взглядом по потолку. В окно влетел порыв ветра, хлопнув жалобно простонавшей створкой. Я подскочил к подоконнику, закрыл форточку и глотнул из стакана, тут же наморщившись. Не до конца растаявшая льдинка кольнула рот; я закашлялся, тут же отчетливо вспоминая дни с отцом.

Взрослые шли впереди, негромко смакуя веселые реплики; плетясь по остывающей дороге, я с благоговением всматривался в крупные фигуры. Мы сидели в парке у парящих в воздухе тлеющих угольков — один из старших парней владел огнем — и прислушивались к комкам из сухих соринки, которые ветер перекачивал по дорожкам. Наконец, кто-то поднимался, уловив легкие шаги в отдалении. Чаще ребята, наострив уши, оставались на месте. Но никто не следил за малышами и мне порой удавалось прокрасться вслед за громоздкой тенью, бредущей напролом, и видеть, как девушка оборачивается, замирает и мерит взглядом преследователя. Когда я перестал зажмуривать глаза, прячась в кустах, стал виден блеск в глазах парней, появляющийся в тот момент, когда Колдунья последний раз беспомощно вздыхала. Охотник возвращался, а я еще некоторое время торчал у края дорожки с тем, чтобы побороть страх, мелочную дрожь в коленках. У огня, думал я, отец снова встретит меня громогласным хохотом и жуткий ритуал пропадет, смоемся из воспоминаний. Я добегу до дома, взмокнув, несмотря на ночной холодок, и вместе с другими вымочив рубашку под шлангом. После таких прогулок быстро уходишь в сон, окончательно истребляющий ужас. До посвящения еще много лет и долгая свобода. Но я и тогда был Охотником и с удовольствием, в основном при свете дня, говорил «мы», стараясь, чтоб услышал отец. Он сажал меня на колени, и мы вместе планировали новый набег. Он учил меня, как запутать девчонку, довести до трепета, чтобы она и не думала использовать силу. Мы, много смеясь, кривлялись перед зеркалом, и отец делал устрашающие мины в стекло. В такие моменты я старался просто не думать, какое лицо у него в момент, когда Колдунья, обмякнув, опирается только на его руки.

Все это поблекло в памяти, все труднее вытащить воспоминания на свет. Но я отчетливо помню один день.

И отцовскую реплику, заставившую меня нагло соврать:

— Ты в порядке, парень?

— Да, пап, все отлично — на самом же деле у меня предательски подкашивались колени, и я чувствовал себя малышом, выглядывающим из кустов. Только тогда мне предстояло стоять на дорожке между деревьев и не замечать взгляды из листвы. За неделю до этого я принялся разглядывать папину метку и пришел к выводу, что не так уж и хотелось.

Только было уже поздно.

Мы расположились кругом на привычном месте, словно ничего не должно было произойти. Словно никто не замечал мой озноб и глухие удары сердца. Только отец пошутил по дороге в парк; мы шли одни, пробираясь окольным путем и огибая остальных, и папа предложил делать ставки — кто первым отдаст концы — я или Колдунья. Я насупился, пытаюсь скрыть липкий ужас, и отец добродушно потрепал меня по голове, заставив машинально пригладить волосы.

В эту ночь я прислушивался в три раза внимательнее, но шагов нигде не было слышно. Кто-то с усмешкой заявил, что, похоже, все колдуньи в нашем районе перевелись и заставил меня действительно расслабиться. До рассвета осталось каких-то два часа и, может, мне удастся миновать испытание. Заставив унять дрожь в пальцах, я не сводил глаз с циферблата, уже совсем не слушая — лишь бы не услышать мягкой походки. Но она появилась.

Первые за всю ночь шаги в мгновение покрыли меня слоем пота. Сначала я с надеждой думал, что это просто девушка возвращается с полуночной встречи. Но шагавшая по усыпанной гравием дорожке оказалась Колдуньей. Я тяжело встал, едва сумев пройти пару шагов, и лес, внезапно разросшийся из нескольких парковых аллей в дремучие джунгли, поглотил меня, бесконечно долго не выпуская наружу. Внезапно, совершенно неожиданно, надежные стволы вытолкнули меня на яркий фонарный свет и сомкнулись за спиной. Фигурка в коротком платье шагала в нескольких метрах. Я с трудом выбрался на середину дорожки, как в замедленной съемке наблюдая девушку, храбро обернувшуюся на шум. Похоже, я обомлел гораздо сильнее, чем она, но это не помешало мне пройти, почти пробежать расстояние, разделявшее нас, и остановиться в паре шагов. Потом неожиданно для самого себя кинуться вперед, заметить блеск лезвия — и сообразить, что все кончено. Я стоял под фонарем и крутил запястье с вырисовавшимся знаком Охотника. Потом подошел отец, хлопнул меня по плечу и мягко толкнул в сторону дома. Наверно, я провалился в сон, стоило голове коснуться подушки; во всяком случае, после смерти отца я больше не ходил на общие собрания.

***

Когда последние мраморные глыбы, отодвинутые в сторону, открыли основание обвалившейся стены, я со вздохом облегчения поспешила вверх по узенькой лестнице. Я наконец могла дышать почти свободно, оставив восстановление стены тем немногим, у кого еще остались силы. К нашему счастью, обвал не задел жителей, случайно забредших в подвал, только мелкие камешки оставили несерьезные царапины и круглые от испуга глаза у нескольких малышей. Мама отпаивала их горячим чаем часа два, пока они, объевшиеся пирогов, не отправились в свои комнаты. За несколько дней, пока мы разбирали завал, в Астроводе происходили гораздо более жуткие вещи, чем требующая починки стена. Мелиссу не удалось найти, хотя некоторые клялись, будто видели ее тень. Нужно написать Лиссе, что работы, до чертиков мне надоевшие, заканчиваются. Я, вдыхая полной грудью морской воздух, выбежала на пляж и поспешила окунуть ноги в остужающую воду. Осень неумолимо надвигалась на замок, даря долгожданную свежесть и кое-где уже успев окрасить кленовые листья; ярко-алые закаты все чаще сменялись на нежно-розовые, а дымка над морем держалась все меньше, обнажая скалы. Я прикрыла глаза, вслушиваясь в звон, раздающийся,

должно быть, от дальней террасы — кто-то практикуется в сборе энергии. Но звон был сильнее, чем те глухие звуки, которые отдавались в пальцах, когда руновязь наполнялась магией; звук заставлял тело дрожать, посылая горячие волны в солнечное сплетение. Я открыла глаза, тут же попятившись.

Над тонким слоем капелек, собравшихся в дымку над самой поверхностью воды, висел камень. Тонкие грани слегка поблескивали, прогоняя ощущение, что в воздухе зависла особо крупная капля. Камень не двигался, только слегка задеваемый бризом, и посылал на мой подол, сегодня голубой, озорные блики. Теплые волны мягко катились вдоль рук, покалывая кончики пальцев; наверно, мне стоит его взять.

Я осторожно оглянулась, но пляж пустовал. Все были заняты в подвале или на кухне, сновали между кастрюль с ужином, ссыпая гвоздику в блюдо с яблоками. Мой взгляд вернулся к камню, и тихая волна прокатилась вниз, к ногам. Камень словно заигрывал со мной, но в то же время предупреждал, советовал помедлить. Солнце бросало лучи и его гладкие грани возвращали их назад, иногда пропуская внутрь, отчего казалось, что камешек светится. Я вздохнула, медленно сделала шаг, погружая ноги еще глубже в прохладную воду. Схватила камень, мягко лежащий в ладонь, идеально повторявший ее изгибы, и словно опрокинула на себя кадку теплой воды. Струйки теперь стекали по затылку, приятно перебирая волосы. Засунув камень поглубже в тайный карман, я подобрала юбки и побрела в сторону стрельчатых арок. Теперь я знаю, о чем буду писать этим вечером, направляя строки Лиссе.

***

Порыв ветра вот уже час как хлопал окном в соседней комнате, заставляя меня подпрыгивать на месте и оглядывать комнату. Наконец я раздраженно захлопнула книгу и прошла, нарочито скрепя половицами так, чтобы сестра услышала и вспомнила, что я действительно просила ее закрывать окно.

В комнате, делящей стену с моей, царил хаос; книги, чистые листы, кипы исписанных бумаг, несколько карандашей были разбросаны по столу. Вокруг, разложенные аккуратными кучками, лежали черновики, скомканные в круглые шарики, несколько иссохших листьев и цветов, и ручки с подтекшими чернилами. Со страхом огибая бесформенные стопки на полу, я добралась до окна и немного постояла, глядя вдаль. Показалось, что из деревьев вынырнула тень. Я прищурилась, подавшись вперед, замерла, изучая шумящие кроны; из ступора меня вывел особо громкий звук ударяющегося о раму окна и я, преодолев последнюю кучу, протянула руку к окну, другой убирая волосы с лица.

Внезапно пряди успокоились, мгновение назад метавшиеся по лбу. Окно замерло в полете, грозно нацелившись на раму. Вершины деревьев последний раз прощуршали друг о друга и застыли в вечерней мгле. Город замер, напуганный резким затишьем после нескольких дней безостановочно дувшего ветра. Я прикрыла окно и торопливо вернулась в комнату. На листе, специально положенном на столе поверх книги, начали появляться руны, написанные знакомым почерком. Я едва сдержалась, чтобы дать Тесс дописать послание до конца. Должно быть, камень связан с внезапной тишиной; может, стоит расспросить Эрика, писала Тесс? Как бы мне не хотелось доказать, что не нуждаюсь в его помощи, я снова, на этот раз увереннее, преодолела дорожку и постучала в дверь, ощущая ее холод на костяшках. Все вокруг замерло в ожидании бури, что должна бы начаться с минуты на минуту. Но небо,

безмятежно спокойное, не собиралось разверзнуться над моей головой. На всякий случай я постучала снова.

Из-за металлической створки неожиданно выскользнула Лина, как ее назвал Эрик. Девушка была одета в клетчатую рубашку и брюки, которые постоянно оправляла, не зная, что делать с подвернутыми штанинами. Она потеребила их в последний раз, закрыла дверь и ухватила меня за плечо, мягко разворачивая в ту сторону, откуда я только что пришла:

— А я тебя знаю. Прости за Эрика, он иногда редкостный надоедала. В любом случае, сейчас лучше возвращайся домой — я вопросительно подняла брови:

— У меня к нему дело. Это действительно важно

— Не сейчас — кажется, мои брови спрятались где-то в волосах. Лина подняла палец вверх — дождь

На притихшие кроны в парке, на листья, устало шуршащие по асфальту, посыпались первые капли. Вода, вместо того, чтобы дарить свежесть и облегчение, обжигала, немилосердно впиваясь острыми каплями в кожу. Я, тут же передумав, кинулась к калитке.

За те секунды, что я бежала до двери, скрипящая створка уже успела вымокнуть с обеих сторон и теперь позволяла горячим ручейкам сбегать вниз, образуя маленькое море. Машин на улице не было, и я опрометью кинулась к спасительным макушкам деревьев, ощущая неприятную дрожь от струек за шиворотом. Меня догнала Лина и вдруг бросила что-то свернутое в бесформенный комок. Я стянула чехол, проклиная девушку за то, что заставила меня остановиться и подставить ноющие плечи дождю; в мешочке, украшенном беспорядочными пятнами краски, покоился большой раскладной зонт. Потоки воды мгновенно затекли в механизм, заставив меня повозиться со скрипящим рычажком. Острые бусины дождя молотили по улицам, не оставляя сухого места; через дорогу, тут же скрывшись в зарослях вдоль парка, пронесся ополоумевший кот, жалобно повизгивая. Зонт, поддавшись моим пальцам, на последок недовольно скрипнул и раскрыл над моей в конец промокшей головой защитный купол. Я, спотыкаясь и проскальзывая на мокрой дороге, направилась к белеющей щебенке у входа на аллею.

Сквозь деревья, не смотря на мои отчаянные надежды, проникали внушительные потоки воды, словно игнорируя тревожно качающиеся ветви. Я, едва дыша от быстрого бега, несколько раз свернула по извивающимся дорожкам, и выскочила на параллельный квартал. Впереди маячила знакомая крыша.

Дома Мика стояла над дымящейся кружкой и глядела сквозь водную стену, словно что-либо действительно могла увидеть. Я опустила на пол зонтик, больше не защищающий от стихии, и насквозь вымокшие вещи. Прошлепав по лестнице и закрыв за собой дверь, я тут же направилась к столу. На листе уже сияли новые строчки.

Тесс сетовала на промокшую под неожиданным ливнем новую книгу, едва добытую в ближайшем городе, и на испорченные платья всех, кому не повезло оказаться под открытым небом.

Он говорил, что это случится, что начеку надо быть всегда, следить за ними и понять еще до того, как они сами сообразят. Когда город начнет возрождение, заставив все живое замереть, сгинуть, освобождая место, надо держаться ближе к ее избранникам. Пока ветер ломал друг о друга кроны деревьев за городом и свободно гулял, сдувая все, что не успело вцепиться в землю, я еще сомневался. Но теперь почти уверен, что нашел ее; она больше, чем избранница и гораздо сильнее. С ней меня ждет успех.

Лина, как назойливая муха, ежеминутно мешает мне следить; вот и сейчас девчонка, только робко постучав, уже развернута к выходу. Я в сердцах задернул штору, чуть не сорвав ее с гардины и опустился в кресло, окидывая взглядом отцовский кабинет. Я стал на толику ближе к победе и надеюсь, больше не оступлюсь.

***

За дверью раздался знакомый стук — два удара, пауза, три, пауза, один. На высохшие под ветрами с моря доски порога опустилась бутылка и кусок пирога, обернутого в ткань. Девушка еще постояла в нерешительности, но стучать вновь не стала; опустила поверх подношений еще книгу, специально купленную в городе, и спустилась к морю. Я знаю, что она дойдет до замка, двигаясь против течения, и скользнет внутрь через один из выходов под громадиной аркой, словно и не выходила никуда.

Я быстро пересек комнатушку, возведенную от нежелательных гостей из деревни, чуть не врезавшись в промокшую под дождями дверь плечом и подхватил сверток с порога. Любимый чай Тесс, пирог с яблоками, книга в обложке, изрисованной цветами. Только когда дверь снова закрылась я ощутил на спине капли с в миг вымокших волос. Что-то грядет, а я снова остаюсь в тени, ничем не способный помочь, снова и снова проклиная тот день, когда в Астровод явился волшебник, парень, проезжавший мимо, и себя, глупого мальчишку, ослепленного. Не все будут также милостивы к безымянному, как Тереза. Перед глазами проплыло лицо Лили и соленый бисер на ее щеках — слезы, которые я себе не прощу. Осторожно поставив чуть остывший чай на пол, я вернулся в дальнюю комнату за рубашкой и снова вынырнул под дождь, с готовностью подставляя плечи струям горячей воды. В книге, которую я пролистал, с удовольствием пробегая глазами по новым, еще не засаленным строкам, лежала записка. Мне не помочь Лили, но другую еще можно спасти. Зачем она взяла тот камень?

Из моего окна в тот день ее фигурка в голубом платье, колышущимся на ветру, была отлично видна. Девушка, вся в пыли, выбежала из замка и поспешила окунуть ноги в прохладную воду. Я с нежностью наблюдал, как она бродит, раздвигая пену прибоя, как ее дыхание выравнивается. Если бы она списала звон, который долетел и до меня, на обычные занятия учениц Астровода и вернулась бы на кухню, может, я схватил бы несчастный кусок стекла.

Но когда ее пальцы, все еще в нерешительности, прикоснулись к камешку, я видел то, что не заметили другие — сияние. Тесс словно окунули в чан с серебром, струйки стекали

по ее волосам, погружая девушку в плотный кокон. Теперь ей отведена новая роль.

Вокруг Тесс и той девушки — Василисы — наконец расправили паутину, тщательно сплетенную из множества невидимых нитей. Теперь это только вопрос времени; как бы далеко они не ушли, как бы близко не подобрались к выходу, в какой-то момент они все равно оступятся. А мне, беспомощно наблюдающему, будет отведено место в первом ряду, вместе с теми, кому они дороги. Теперь уже поздно.

***

Через пару часов после первой коротенькой записки на бумаге появилось послание, очевидно, заканчивающееся на следующем листе. Обычно почти каллиграфический, сегодня почерк Терезы стал размашистым, буквы скакали, не желая складываться в ровную строку. Я метнулась к стопке листов, хватая верхний, исписанный буквами разной высоты.

Тесс писала о том, что я совершенно не могла предвидеть, о том, что я никогда не видела. И все же меня не покидало ощущение, что я знаю, я словно держала этот таинственный камень в руках. Но в чем я точно была уверена — камешек и ветры, внезапно прекратившиеся, уступившие место дождю, связаны.

Мне было необыкновенно спокойно, словно я давно ждала, что прозрачный камень появится; сердце билось медленно и умиротворенно, как будто произошло то, чего я давно ждала. Точнее, будто началось то, о чем я мечтала. Это чувство буквально разлилось по телу, пугая меня до чертиков. Дальше начиналось что-то совершенно неожиданное, ненужное, странное. Захотелось остаться здесь, уснуть, переждать бурю, только бы не встречаться с тем, кто поселился внутри, с другой Лиссой, которой спокойно и радостно от начинающегося кошмара. От слов Тесс так и веяло страхом, подруга не знала, куда себя деть, что делать с камешком, лежащим в кармане. И в то же время, призналась я себе, она тоже до ужаса спокойна, довольна. Как будто Тереза всегда искала то, что теперь приятной тяжестью зарылось в складки платья.

Что бы отвлечься, прекратить этот ужас, я подняла второй лист. Девушка уделила не час и не два метке на предплечье Эрика, о которой я уже успела забыть — половина солнца с витиеватыми лучами и столб пламени, обвивающий ее.

Из еще более скачущих строк мой взгляд выхватил одно слово — Охотник. В голове, подтверждая, всплыли картинки — он стоит в тени коридора, только глаза едва мерцают. Всегда, где бы мы не встретились, я тут же сворачивала, лишь бы не встречаться с ним, а Эрик замирал, окидывал меня взглядом, и, спустя пару секунд, делал медленный, осторожный шаг, словно боясь спугнуть.

Тереза писала буквами, все увеличивающимися в размерах, о волшебниках, именующих себя Охотниками. Они отлавливают колдуний и убивают медленно, по одной, не совершая набегов вместе — только один на один. Единственный способ заметить их вовремя — метка чуть повыше запястья, черный рисунок, редко окруженный рунами. После этих строк Тереза добавила одно слово, говорящее само за себя: беги.

Я скомкала листы, боясь, что их кто-нибудь увидит, и поступила с ними также, как с другой бумагой, исписанной Терезиным почерком — сожгла. Подумав, вышла в сад, чтобы немного отвлечься, и тут же попала под струю дождя, сегодня кажущуюся спасительной. Вода словно смывала липкое ощущение удовлетворенности. Как я могу быть такой убийственно спокойной сейчас? Мне бы подумать, что делать с Эриком; парень оказался не

тем, кем бы мне хотелось. Бежать некуда, а просить помощи у Лины, с которой едва знакома, я не собираюсь. Остается не показывать, что я в курсе, до поры до времени вести себя как ни в чем не бывало. Я подняла голову и с удивлением обнаружила, что стою перед открытой калиткой. И стою не одна.

Несколько минут проведя в абсолютной темноте, я наконец вынырнула на свет, жадно глотая застоявшийся воздух. Наверно, я провела в забытьи больше времени, чем показалось, потому, что точно была уверена, что сижу на хлипком деревянном табурете со связанными ногами. Спасибо, что руки свободны; я потерла запястья и невесело хмыкнула, оглядывая помещение. Парень едва ли старше пятнадцати со всклокоченными волосами затащил меня в мансарду одного из старых зданий в центре города. Вокруг высились коробки, поставленные друг на друга, несколько перевернутых сундуков, поломанные стулья, на одном из которых сидела я, и кипы бумаг, настолько истлевших, что казалось, от малейшего дуновения они разлетятся в пыль. Но на все это не очень хотелось смотреть, пусть даже там и затаился один из тех, кто поднял меня сюда, потому, что всю западную стену занимали высокие решетчатые окна, сужающиеся кверху. По потускневшим и покрытым ржавчиной рамам и некогда изящной решетке я узнала здание старой школы с заколоченными окнами. Милосердные строители оставили стекла мансарды свободными от досок, и я могла подолгу стоять на улице, любясь витыми узорами. Только сейчас я оказалась по другую сторону в незавидном положении. Стоит подумать о побеге.

К тому времени, как дверь, которую я не заметила за высоким лакированным шкафом, открылась, я уже успела скользнуть взглядом по люку над особенно высокой горой коробок и примерится к путам на ногах. Но теперь я вскинула голову, надеясь встретится взглядом с моими тюремщиками.

В комнату зашли сразу двое — парень с кудрявыми волосами, которого я встретила у своей калитки, и коренастый мальчишка, недовольно растирающий костяшки пальцев. Все это мне уже порядком надоело, да и внутри помещения с каждой минутой становилось все душнее. В мозгу яркой искоркой пробежало слово «охотники». Тем скорее мне нужно отсюда выбраться:

— Что вам от меня нужно? — но парни, все еще стоявшие около двери, только тихо рассмеялись. Тот, что повыше, что-то сказал, выглянув в проем. В ответ, неожиданно громко, раздалось:

— Дайте пройти уже наконец! — знакомым низким голосом с хрипотцой. Оба моих стражника, заметно побелев, выскочили за порог, глухо стукнув дверь. Я решила воспользоваться одиночеством и тут же наклонилась, принявшись за узлы. Через пару минут я, поддерживая веревку ногой, выпрямилась; распутанная бечевка не упала на пол только благодаря чуть приподнятой ноге на случай, если кто-то решит войти. Я затаилась, решив немного выждать для верности.

Но и спустя пять минут никто не пожаловал в мансарду, зато с лестницы послышались звонкие удары и переругивающиеся голоса. До меня отчетливо донеслось только:

— Она моя!

Я, наконец решившись и все еще с трудом подавляя дрожь, скинула веревку, вскочила на ненадежно пошатывающийся стул и, подпрыгнув, толкнула люк. Сверху на едва высохшую голову плеснула вода, наверно, скопившаяся в нише люка. Я осторожно перешла на башню из картонных коробок и схватилась за край открывшегося отверстия. Подтянувшись,

ухитрившись вылезти из затхлой комнаты под дождь на половину, еще раз толкнулась об стену и выскочила наружу окончательно, поспешно хлопая люком.

На улице беспощадно хлестал дождь, выливая струи воды отвесно, под прямым углом. Ветра совсем не было, а теплая вода не давала замерзнуть. Я осторожно отошла подальше от люка, вскарабкалась на выступ, некогда бывший трубой, и свесила ноги в пропасть.

Все это как-то слишком. Слишком быстро, слишком ярко, неожиданно. Да много чего еще «слишком»! Я не просила дара. А теперь у меня на хвосте один Охотник, несколько ребят, что как влепят пощечину, так и голова с плеч; а впереди пропасть между домами, не оставляющая шансов на побег. Еще на мне Джеральдина, затаившаяся, словно перед решающим боем, карта с координатами где-то в Шотландии, камешек, решивший возникнуть перед Астроводом. В конце концов дома меня ждет Мика с кружкой шоколада. Все это слишком даже для меня! А что давит сильнее прочего — пути назад нет. Все уже решено за меня. Только я хочу выбирать сама, хочу быть кем-то определенным, а не пешкой в чьей-то игре. На глаза навернулись предательские слезы; только теперь мне уже все равно. Я куда-то плыву по течению, но сама не знаю, куда.

Я оглянулась на шум, стирая соленые ручейки, уже начавшие смешиваться с дождем.

Кто-то вновь открыл люк. Из черной дыры вылезли сначала молочно-белые, словно светящиеся в сумерках от туч, тонкие пальцы. За ними высунулась голова и я выдохнула — сегодня мне придется сражаться только со знакомым человеком. Эрик дергался, но его колени раз за разом соскальзывали с мокрого железа. Я, сама не понимая, что делаю, подошла поближе. Парень, почти оказавшись на крыше, упал вниз, едва успев схватиться за бортик. Снизу послышались неразборчивые ругательства

— Наверно, больно? — я присела на корточки и ухватила парня за плечо

— Что...что ты делаешь? — он рвано выдохнул мне в ладонь, которую я уже протянула к его спине. Впившись пальцами в мокрую рубашку, изо всех сил потянула извивающегося парня вверх.

Он попытался подняться, но не смог, с ужасом глядя на брюки. Нога подкосилась и Эрик снова оказался на мокром бетоне. Я подошла поближе, растирая онемевшие руки; от промокшей ткани на ноге струилась кровь, пробегая узким ручейком по крыше и, должно быть, стекая в один из желобов. Я рывком упала на колени, требовательно перевернула лежащего на полу, задрала ткань и провела пальцем вокруг рваного пореза. Послышался треск рвущихся нитей, я обернулась, увидев, как Эрик отрывает ровную белую полосу от рубашки и протягивает мне.

Самодельный бинт, чуть пропитавшись кровью в центре, остановил поток. Я устало оперлась на одну руку, протянув другую парню:

— Вставай, — но он медлил, закусив губу

Внезапно я сообразила, что, только что такой слабый, парень перехватил мою руку повыше локтя, другой притягивая к себе за плечо. Он со стоном приподнялся и вдруг впечатал меня затылком в бетон, заставив поморщиться и запоздало вскинуть руки, пытаюсь отстранить Эрика. Поздно. Я успела только почувствовать, как его ледяная рука легла мне поперек горла.

В медленные, тягучие две минуты я помню только темноту и яркие звездочки перед глазами; пальцы, сделавшись вдруг холодными лезвиями, давили на горло и грудь, мешая дышать. Я слышала хрипы, вздохи и стоны, не скоро сообразив, что это я пытаюсь вырваться из цепкой хватки. В последний раз открыв глаза, решила заглянуть в темные, расширившиеся

в темноте зрачки Эрика и заметила птицу за его спиной. Похоже, он прочитал это на моем лице, но было уже поздно.

Дрозд, пролетев куда-то пониже, скрылся. Но за спиной парня появился кое-то опаснее — Лина резким ударом сбила его руки с меня, перевернула Эрика на спину и прошептала что-то, заставившее его невнятно забормотать, постанывая. Очевидно, девушка случайно надавила на искаленную ногу. По лужам вновь заструилась кровь.

— Пошли, — я ухватилась за протянутую руку, с трудом поднимаясь, и последовала за фигуркой в сером платье к пожарное лестнице, едва заметной за пеленой дождя.

До дома я добралась словно в тумане, вновь переживая все, что так стремительно пронеслось словно мимо, оставив только синие отпечатки на шее, скрытые ото всех за кудрями.

Беги и спасайся

Проснувшись и уставившись в потолок, я долго силилась привести мысли в порядок. Через четверть часа вздохнула, поднялась и на ватных ногах спустилась на кухню. Мика сидела на последней ступеньке, обложившись книгами и тупо уставившись в пустой лист.

— Дурацкое сочинение, — пожаловалась она, бегая глазами по раскрытой странице. Я поморщилась, с трудом перешагивая через эти баррикады.

— И тебе доброе утро, — спустя пару часов, окружив себя еще и несколькими опустевшими чашками, мы отправили стопку аккуратно исписанных листов в ящик стола. Сестра, привстав на носочки, порывисто меня обняла и потащила куда-то за калитку, неразборчиво тараторя. Я успела только прихватить большой черный зонт, который, впрочем, перестал защищать от непрерывного дождя, стоило мне выйти на скользкий асфальт.

Щурясь от капель, ставших холодными, я заметила Лину, осторожно закрывающую дверь. Мика уже неслась далеко впереди, чтобы перехватить девушку. Я не сомневалась, что сестра знакома со всеми жителями города; судя по бесчисленным коробкам с выпечкой, с которыми она выныривала по утрам на улицу, скрываясь в горячей дымке, многие сочли ее за отличного друга. Я отошла под защиту хлипких деревьев, прижавшихся к заборам по обе стороны от дороги. Впереди Мика активно жестикулировала, что-то рассказывая Лине, чуть склонившей голову набок. Девушка внимательно прислушивалась, но будто больше к шуму дождя, чем к словам стоящей перед ней. Я проследила взгляд Лины и тоже уставилась в грозную анфиладу деревьев. Ветер, тоже вымокший до нитки, жалобно завывал, ковыляя по мокрому гравию, и в отместку отчаянно скрипел стволами.

На какое-то мгновение я увидела среди промокших листьев силуэт со знакомыми всклокоченными волосами. Дыхание сбилось, руки, дрогнув, сжались в кулаки. Силуэт лихо встряхнул головой и, словно усмехаясь, обернулся. Я не заметила, как подалась вперед, растирая онемевшие пальцы и недоуменно и яростно разглядывая кудрявую шевелюру.

Но затем фигура слилась с мутной водяной дымкой и мне пришлось признать, что человек привиделся. Кроны шумно раскачивались, встречаясь друг с другом и отталкивались, подаваясь назад. Под таким дождем некому гулять в дебрях парка. Я обернулась на двух девушек, стоящих под крышей на ступеньках каменного крыльца, и только сейчас заметила, что Лина громко мне что-то говорит, но слова на полпути смывает дождь. Я быстро приблизилась и взбежала по ступенькам; Лина приоткрыла дверь и впустила нас в короткую крытую галерею. Струи стекали по обе стороны, смешивая тучу брызг с пеленой дождя. Мика заинтересованно огляделась, взяла мой зонтик и, выскользнув из-под надежной крыши, затерялась в саду. Лина обернулась и повысила голос, чтобы перекричать стихию:

— Не находишь, что все это странно и слишком стремительно? Мика предложила немного отвлечь тебя, — я охнула и обернулась, словно рассчитывая встретиться с сестрой взглядом

— Она знает? — Лина рассмеялась и уверенно заявила:

— Ничего из того, что произошло вчера в мансарде. Но она волнуется, говорит, ты все меньше времени проводишь дома, а когда возвращаешься, все чаще запираешься у себя, — она опустила на ступени и поджала ноги — остается поверить ей на слово

— Что она задумала? — из прошлых походов сестренки стоило ожидать чего-то грандиозного и несколько незаконного.

— Все в порядке, — Лина правильно истолковала испуганную мину на моем лице — весь план праздника — мой, — я тихонько вздохнула, надеясь, что девушка не услышала

— Если все это ради меня... — она перебила

— ...даже не думай. Ты ужасно обидишь Мику и пару-тройку моих друзей, — она поиграла бровями и произнесла, наслаждаясь моим вновь вытянувшимся лицом — в полночь

Мика выскочила из зарослей шиповника у дверей, как чертик из табакерки и, сунув мне зонт, потащила к выходу. Все, что я успела услышать, показалось мне дурной игрой фантазии:

— Колдуньи любят темноту.

Я на всякий случай уточнила у сестры, когда мы брели по дорожке перед домом:

— Почему в полночь? Если это вечеринка ужасов...

— ...не портить веселье! — Мика слегка подпрыгивала, наслаждаясь предстоящим праздником.

Вечером, увидев меня на лестнице, сестра быстро подскочила ближе, преодолев десяток ступеней и велела потушить свет в комнате, чтобы не вызвать подозрение у домашних. Сама она очень скоро вышла из своей комнаты в пижаме и медленно спустилась вниз за стаканом воды. Впрочем, прежде, чем выключить большую хрустальную люстру, она подмигнула мне и кивнула на мой халат, расстеленный на кровати.

Оставшиеся пару часов я провела в полной темноте, зарывшись в одеяло с фонариком и книгой. И поймала себя на мысли, что на время забыть о карте и ребятах в мансарде гораздо приятнее, чем казалось вначале. Я подумала о Тесс, ощутив, как мне ее не хватает и неожиданно вспомнила Эвелину, показавшую мне все ходы в Астроводе, приносящую чай и молча сидевшую рядом. Но как бы не хотелось снова оказаться среди Колдуний, я должна избавиться от опасности. Все это — мое дело.

Ровно без четверти полночь я тихонько пересекла дом, осторожно переступив через вторую ступеньку, по опыту зная, что ее скрип поднимет всех обитателей на ноги. Только оказавшись на едва видной в темноте безлунной ночи дороге, я облегченно выдохнула. Я добрела до приоткрытой калитки Линоного дома. В темном проеме, чуть поблескивая чем-то, свернутым в моток, двигались две фигуры. Пока я добиралась до двери, огромный сверток перекечал под крыльцо. Мика, вся красная, несмотря на ледяной дождь, выскочила за дверь и тут же развернула меня в сторону центра города.

— А Лина?

— Догонит. Пойдем-пойдем-пойдем!

Я, едва поспевая за Микой, бежала по темным улицам, время от времени налетая на растворившиеся в пелене дождя столбы. Вздвогнув и скользнув взглядом по мансарде старой школы, я свернула в проулок, ведущий к центру города и закутку, торжественно названного городской площадью. Мика уверенно лавировала между домами и даже не старалась сдерживать восторг; сестра подпрыгивала, прикусывала губу, восклицала что-то, огибая каменные углы и не особенно заботясь, чтобы радужный зонтик защищал меня от дождя. Вымокнув под холодными каплями, я молилась, чтоб нужный дом вынырнул из тьмы поскорее.

Через две четверти часа, показавшиеся бесконечностью, мы прыгнули в подъезд за необъятных размеров мужчиной и собакой чуть больше размером надетого на нее поводка. Мика, на ощупь взбираясь по лестнице мимо шершавых бетонных стен, хранила

торжественное молчание.

Миновав несколько пролетов из невозможно высоких ступеней, я ощутила приятный холод на лице и оглянулась.

Сестра затащила меня на плоскую крышу, залитую дождем, с лужами в многочисленных ямках и впадинах. Мое лицо, снова открытое безжалостным струям, покрылось мерзкими мурашками. В небе не было ни одной звезды, луна, сдавшись, скрылась за особенно взлохмаченной тучей, так, что сразу за краем крыши разверзлась черная пропасть. Я, с опаской щупая поверхность крыши под ногами, приблизилась к молочному парапету, впрочем, не рискуя взяться за каменный бортик. Сзади послышался знакомый голос, и я с облегчением отступила к спасительной двери.

Лина, балансируя под тяжестью нескольких пледов и термоса, пыталась удержать над головой зонт.

— Ну, как тебе? — она обвела взглядом хмурую плоскость серой городской крыши.

— Ну и чья это была идея? — я недовольно трянула влажными волосами и покосилась на Мику, безуспешно попытавшуюся скрыться в дверном проеме. Сестра все же покинула открытую дождем крышу, напоследок глянув на меня в ответ. Такой ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

Лина уже вышла на середину и теперь пыталась закрепить устрашающих размеров зонт в лунке, сегодня переполненной водой. За зонтиком последовали пледы, из которых выкатились две кружки и выпал пахнущий яблоками горячий сверток.

— Романтичное местечко, — окрестила Лина едва мерцающий в темноте бортик вдоль края и лужи в провисающем материале, отражавшие только голубо-серые тучи. Девушка вытащила из кухонных полотенец пирог и ловко разломала его на шесть частей — три мне и три тебе — пояснила она.

Я, поспешив спрятаться под брезентовый зонт, теперь промакивала волосы, свернувшиеся в жалкие мокрые колечки. Некоторое время мы жевали, уставившись в темноту. Яблоки, все еще сочные после своего путешествия, ломались и обдавали горячим соком губы. Мурашки от холодных капель прошли, и я с удовольствием переделась в бесформенные кофту и штаны, принесенные Линой. Вдали, за несколькими кварталами крыш, мигало колесо обозрения, катая бесстрашных пассажиров. Я окинула взглядом небо и поняла, почему скучаю по Астроводу — жалкие обрывки туч, вместо звезд укрывшие небо, заставляли ярче вспоминать огоньки, словно парящие в прозрачной воде.

— Ты как узнала про дар? — неожиданно спросила Лина. Я пожала плечами и решила, что ничего не будет, если девушка узнает про замок.

Рассказ занял двадцать минут. Из красивой истории я утаила только Обитель и карту, свернутую в шкафу.

— Вот значит как, — Лина отхлебнула чай и воскликнула — сказка ведь, правда!?! Мое посвящение рядом с твоим и не стояло, — она улыбнулась и прикрыла глаза.

Я только криво ухмыльнулась и откусила пирог, мысленно обзывая мое «счастье» словами покрепче.

— Должно быть, скучаешь по звездам, — она обвела наше пристанище философским взглядом

— Какой у тебя дар? — невольно поинтересовалась я

— Обращаюсь птицей, — она демонстративно возвела глаза кверху, словно быть крылатым незаметным существом — это скучно

Вдруг она махнула рукой в сторону мокрых улиц, и я проследила ее движение, замерев от восторга:

— Кстати, про звезды

Словно повинувшись ее жесту, темные стены домов озарились мягким желтым светом фонарей всех размеров, подвешенных к стенам в самых неожиданных местах. У ближайшего крыльца раскинулся Млечный Путь, а вдали все загорались и загорались новые звезды, озаряя испуганные лица прохожих. Бесконечные созвездия образовывали карту звездного неба, как близнец похожего на небо над Астроводом. Собаки, очнувшись, лаяли на странные огоньки, прорезавшие влажную мглу.

— Как? — выдохнула я, бешено крутя головой

— Кассиопея, — усмехнулась Лина, указывая на образ созвездия в стороне — твоя сестра придумала — я повела плечом, вспомнив, что раньше Кассиопея была «нашим» с Микой созвездием. Мы знали только эту звездную фигуру, часто стоя на коленках в моей кровати и любуясь «нашими» звездами, пробуя эти слова на вкус.

— Насмотрелась? — Лина спрятала кружки и опустевшее полотенце в свой плед

— А что? — я поднялась и помогла свернуть зонт, подставив плечи дождю; девушка, охнув, вытащила из сумки непонятного цвета дождевик, кажется, в два раза больше меня:

— Уж какой был. Надевай, — она улыбнулась и тоже укрылась плащом.

По лестнице я спускалась почти бегом, силясь догнать Лину, запутываясь в непривычной одежде. В подъезде жалобно мигала лампочка и пахло квашенной капустой; моя провожатая выбежала, несколько раз повернув, в незнакомый проулок и стремительным шагом направилась к желтоватому кругу света вокруг фонаря, свисающего с перил:

— Похоже здесь. Да, — пробормотала она скорее себе и снова нырнула в подворотню.

Следуя за самых неожиданных форм светильниками, мы плутали по тем дорожкам, о которых знали только бродячие коты и дети, иногда протискиваясь между двумя кирпичными стенами там, где прохода и вовсе не было, каждый раз выныривая и жмуря глаза на островок света. Фонари, казалось, плавали в мокрой мгле и едва заметно мигали, приветствуя нас каждый раз.

Окончательно вымочив ноги и запыхавшись, мы вышли на многополосную дорогу, провожая взглядом последний фонарь из зажженных сестрой и Линой. Машины, не задерживаясь перед взглядом, проносились размытыми цветными пятнами, окатывая узкие дорожки тротуаров волнами дождевой воды и городской пыли. Лина остановилась, выравнивая дыхание, и, не дав мне опомниться, обогнула крыльцо и исчезла в черной пасти маленького подвальчика. Я успела только окинуть взглядом строение — длинные балконы, молочного цвета кирпич и шесть рядов окон, в мансарде круглых — и поспешила спуститься вслед за девушкой.

Тесный коридор, завешенный картинами и вырезками газет, давил спертым, мокрым воздухом, обволакивая легкие темнотой. Конец прохода потонул в темноте, и я ориентировалась только на Линыны шаги, на ошупь пробираясь в полутьме. Некоторое время косые струи летели мне в спину, отталкиваясь острыми бусинами от стен, но вскоре вода осталась только миллиардами мельчайших капель в воздухе. Картины не помогали определить, куда мы пришли, дешевые репродукции, иногда повторяющиеся, перемешались с патриотическими статьями, вырезанными из журналов и брошюр.

Судя по звукам, Лина свернула где-то в конце коридора и замерла, прислушиваясь к моим шагам. Я, припустив изо всех сил, наконец вынырнула из темноты и сощурилась от

режущего по глазам света, впечатавшись в расставленные Линой руки. Девушка только усмехнулась и быстро спустилась по лестнице, увлекая меня в просторный зал и подставляя приятному прохладному ветру.

Как только ярко-белая пелена спала, я смогла оглядеть комнату с высокими потолками, светлыми каменными стенами и несколькими окнами вдоль одной из стен. Я, не веря, подошла и обнаружила за вполне настоящим стеклом вполне настоящий лес и светлячков, освещающих темную уютную поляну, покрытую дикой земляникой и зверобоем. Оглянувшись, я заметила маленькую стойку и девушку за стеклом, перебирающую что-то в глубинах картонной коробки, несколько кресел и множество дверей, ведущих в комнату, завешенную шторой из живого плюща, комнату, погруженную в абсолютный мрак и пару комнат с танцующими отблесками на стенах. Из одного помещения доносились громкие голоса, что-то обсуждающие на языке рун. Я обернулась к Лине, водящей пальцем по одной из гигантских картин, совсем не похожих на те, что я видела раньше и уж точно не являющихся репродукциями. Лина, заметив мой взгляд, оторвалась от полотна и, смешно подвигав бровями и подойдя к стойке, протянула девушке два билета со значком, выведенным черно-белой краской — солнце, часть которого закрывает тонкий полумесяц. Девушка махнула нам рукой и одобрительно кивнула.

— Пойдем, — Лина указала на зал, уходящий глубоко вглубь помещения — уж прости, пришлось взять над тобой шефство. А то ведь так и останешься неучем — девушка усмехнулась, заметив, как я скривилась, когда она окрестила меня неучем.

На пороге я замерла, оглядывая необыкновенные фрески с самыми разными сценами, тянущиеся по всей площади стен, потолка и даже пола. Смахнув восторженное оцепенение, я принялась разглядывать картины под ногами, осторожно переступая по щербинкам

— Зал истории, самый скучный, — пояснила Лина и взяла меня за подбородок, поднимая голову к потолку — начало над дверью, — все же принялась объяснять она, несмотря на то, что зал был «скучным» — потом фрески на потолке, до другого конца, на стенах в порядке от дальней двери до той, из которой мы вышли, потом пол от твоих ног до второго порога. Это история Магов Ночи и Солнца, вырезанная вручную — я только молча кружилась на месте — да, это все очень красиво. Но мы не за историей пришли сюда, а времени в обрез. Мама вас обоих к утру может хватится, а я еще даже не начинала — и девушка потащила меня к выходу, а я попыталась вспомнить адрес, чтобы вернуться сюда днем, когда спадет дождь, но не смогла.

Пройдя насквозь несколько комнат, мы вынырнули в длинную галерею, в которой деревянные панели, покрытые темным лаком, перемежались со стеклянными арками, составившими сплошной стеклянный купол над редкими ночными посетителями. Я охнула, припустив к ближайшей панели, увидев на ней длинный меч из множества чешуек, подвижных, догадалась я. Оружие разных размеров и назначений заполнило помещение серебристым холодным светом. Лина, обогнув меня, прошла вдоль ножей, прикрепленных к стене кожаными ремнями, и вытащила тонкий кинжал с ручкой из слоновой кости — придется рассказать тебе про наше оружие, как бы ты у нас не пропала, любительница приключений — я поняла, что девушка намекает на случай на крыше школы и быстро подошла, вставая рядом — ты ведь знаешь, зачем нам руны? — я пробубнила что-то про разговор, понимая, что Лина не об этом — не только. Да, язык выглядит так, словно мы только общаемся на нем, да рисуем вязь в песке и пыли. Но руны помогают собирать в руновязь энергию как раз потому, что созданы не как язык — Лина подняла одну руку перед

собой, согнув в локте и нарисовала другой рукой круг, начав и закончив у локтя, подняла ладонь вверх, к запястью и плавно повела в сторону, добавив к кругу еще линию и дугу. Вдруг медленные движения закончила резкая черта внизу, рассекшая воздух с тихим звоном. Рисунок загорелся ярко-оранжевым, немного подпалив мой дождевик. Девушка со смехом потушила угольки — руна огня. Василиса, если кто-то согнул левую руку, скорее всего он попытается усилить свою магию и, возможно навредить тебе

— А если он рисует руну кинжалом? — я кивнула на острие, которое девушка все еще держала в руке

— То тебе конец, — заявила Лина, снова тихонько хихикнув. Помолчала, возвращая оружие в ножны, и спросила — какая у тебя стихия?

— Понятия не имею, — пожалала я плечами. Стоящая напротив снова вскинула руку и провела двумя пальцами вниз, нарисовала кривую, стремящуюся к противоположному углу рисунка, прямой линией увела руку в сторону и перечеркнула руну раскрытой ладонью.

По Лининым волосам сбежал ветерок, приподнимая пряди, нырнул вниз, залетел в рукав, едва слышно шурша тканью и оборвался, чуть задев подол дождевика, который Лина сняла и повесила на руку.

— Воздух, — конечно, ведь девушка способна становится птицей.

— Да, — Лина повторила рисунок медленнее и теперь ничего не произошло, только несколько прядей с ее растрепанной макушки перелетели с места на место — это руна стихий. Если интересно посмотреть, можешь повторить ее сейчас; смотри — девушка провела линию вниз и две волны вверх — это земля и вода — линия сверху — воздух и огонь — Лина повернула ладонь плашмя и «сожгла» весь рисунок. Я насупилась и отошла немного назад. Похоже, все равно придется рисовать.

Все мои движения выглядели, как бессмысленные дергания задумавшегося человека, до того момента, когда я вывела последнюю линию, изображая огонь — пальцы взмокли и по спине заструилась капля пота. Я тряхнула головой; не люблю жаркие помещения, в которых так и кажется, что сейчас задохнешься. Не опуская рук, расставленных для рисования, я недоуменно окинула взглядом восхищенное лицо Лины:

— Вода, — пробормотала девушка — вода.

Края бесформенных кофты и штанов вымокли и теперь с них капала вода, звонко ударяясь о каменный пол зала, по щеке сбегала одна бисерина за другой, оставляя мокрые следы. Я опомнилась и вскинула брови, не зная, как прекратить незванный потоп. Лина тряхнула головой и усмехнулась

— Прости, я тебя не предупредила, — девушка провела волну из руны стихий, но в другую сторону, чем она рисовалась в знаке. Я поторопилась остановить тугие струи, стекающие к двери зала и обратилась к Лине:

— У тебя брови в волосах потерялись, — и свои отправила туда же, чтобы заставить девушку ответить поскорее. Она вздрогнула и пробормотала:

— Обычно эта руна дается новичкам с трудом. Ты ведь заметила, что моя стихия пропала сама? А вот тебе вода готова служить дольше, если не всегда, пока ты не отзовешь ее.

— Ну и что это значит?

— Твоя мама точно не владеет магией? Может, она просто скрывает?

— А что?

— У тебя очень мощный источник энергии. Это и хорошо, и плохо. Со стихией и так не

просто совладать, а когда она обрушивается на неопытного мага, может и задавить в своей попытке помочь, — Лина чуть заметно напряглась — значит, будем заниматься усерднее, чем я планировала, — подытожила она

— У кого-то своих дел нет? — внезапно начала закипать я. Но действительно! Никто ее не просил таскаться за мной и поднимать настроение; все ее старания очень похожи на подвох, попытку войти в доверие — не знаю, что ты от меня хочешь, но я тебя насквозь вижу и без боя не сдамся — хорошего ты собеседника и место подобрала для этой фразы, укорила себя я — Лина гораздо опытнее, а выбор оружия в этой комнате у нее больше, чем достаточный. Но девушка только улыбнулась и, заставив меня вздрогнуть, протянула загнутый к низу кинжал:

— Видишь? — она продемонстрировала мне две пустые ладони — я безоружна; может, тебе так спокойнее. В любом случае, у меня действительно нет других дел, кроме как вооружить тебя и подготовить

— И кто так печется о моей безопасности, что приставил телохранителя?

— Скажу так — очень влиятельные люди. Придется смириться и признать, что моя помощь очень упрощает тебе дело, — я возмущенно выдохнула и окинула взглядом оружие в руке — ну так что? — Лина прошла немного вглубь зала с тем, чтобы вытащить из-под стеклянного купола набор метательных ножей. Я спрятала кривое лезвие в кожаные ножны и поморщилась — не люблю все, чем можно порезаться, а тем более убить.

— Значит, вода, — голос Лины, вернувшейся с шестью ножами, встряхнул меня, заставив немного попятиться. Ее слова про «влиятельных людей» все еще горели в мозгу яркой искрой — попробуй вот это, — девушка, как ни в чем ни бывало, согнула руку и провела волну сверху, посередине, опустила руку и резко подчеркнула руну так, что она загорелась мягким белым светом, бросая водные блики на каменный пол — руна воды, — объяснила Лина и я подошла поближе, невольно любуясь — теперь осталось направить энергию в оружие, — девушка перехватила рукоять и прикоснулась к рисунку, зависшему в воздухе; линии начали стекать тонкими струйками по лезвию, чуть уловимо подсвечивая грани, и прятаться где-то у деревянного ободка на рукояти.

— А если руну сразу вывести острием? — сама не заметила, как вернулась к доверительному тону

— Энергия заполнит оружие сильнее, до края — и лезвие засветится. Но сейчас тебе не нужно столько силы в ноже. Энергию нужно экономить и восполнять, хотя в твоем случае ее хватит на ближайшие лет пять

— А у тебя?

— Неделя в моем привычном темпе, и я займусь пополнением, — приподняв брови, ответила Лина. Наверно, мой вопрос затронул то, что не должен был, но я не извинилась — попробуй наполнить силой нож и метни в меня — сменила тему Лина

— Что?

— Метни его в меня. Давай, Василиса, не трусь — я, почувствовав, как напряглось где-то пониже ребер, нарисовала руну воды, пустив блики гораздо ярче Лининых, и осторожно приняла из ее рук нож — теперь просто коснись

Первая струя воды протекла тонкой ниткой и скрылась под моей рукой, позволив мне немного расслабиться.

Второй поток хлынул совершенно неожиданно, вновь окатив меня холодной водой, словно первого проявления стихии, после которого я все еще стояла насквозь мокрая, было

мало. Лезвие и рукоять резко похолодели, обжигая пальцы льдом, и я выпустила нож. Металл звонко взвизгнул и покатился по полу:

— Осторожно! — запоздало воскликнула Лина — ты как? Подожди минуту, — она вернула весь набор под купол — нарисуй руну огня

— Зачем? Я насквозь мокрая, но урок продолжается?

— Нарисуй руну огня, — повторил Лина, с интересом глядя на мои руки. Я нехотя послушалась.

Руна зажглась прямо перед моим носом, и я тут же невольно зажмурила глаза, прячась от слишком яркого свечения. Девушка молча протянула мне гибкий меч длиной с меня и я, кажется, поняла, что она от меня хочет. На всякий случай решила попробовать и прикоснулась кончиком к рисунку, согнув оружие пополам, стараясь совладать с длинным лезвием; не выдержала и открыла глаза.

Меч мгновенно раскалился до невероятной красоты цвета, а руна, казалось, ни на каплю не растеряла своего свечения. Я взмахнула мечом, любуясь на подвижные чешуйки и немного закрутила металлическую ленту, обводя вокруг себя рукоятью и увлекая за ней лезвие оружия.

Горячий воздух мягко прокрался под ткань. Не обжигая, но прогоняя любой холод, высушивая неугодные капельки на штанах. Меч ласково звенел, выводя теплую и уютную мелодию, обнимая все тело, от щиколоток до шеи, и плавно закручиваясь длинной спиралью. Как только ткань просохла и снова стала согревать ноги, я отпустила меч и тот свернулся серебристым, вновь остывшим, кольцом под ногами.

— Твои запасы энергии гораздо больше, чем мне сначала показалось — голос девушки, недоуменно-восторженный, сдернул меня с небес на землю — честно признаться, я в ступоре, чему тебя обучать. Ты словно уже училась у кого-то гораздо сильнее, чем мы, как будто знаешь, что нужно делать. В любом случае мы пройдем основное оружие, но что дальше, я не представляю

— Наверно, с меня хватит основ — не нашла что ответить я.

В этом зале мы еще немного рисовали уже известные мне руны, металы ножи, наполненные разными стихиями, но совсем скоро, гораздо раньше, чем я устала, Лина остановила урок и вывела меня на улицу, где солнце уже приготовилось встать, окутав город серым туманом, чуть подсвечивающим тротуары. Девушка позволила мне записать адрес и мягко толкнула в сторону парка, к моему дому. Обрато мы, на мое счастье, дошли широкими и хорошо освещенными улицами. Лина что-то говорила всю дорогу, пытаюсь скрыть свое удивление, но на самом деле только яснее показывала его. У кромки парка она оставила меня, пожелав спокойной ночи, от которой уже почти ничего не осталось.

Листья на аллеях истекали горячей влагой и по всему парку слышалось размеренное капание, перемешавшееся с шепотом крон и недовольством ломких веточек под ногами. Я брела, зная, что до того, как мама поднимется ко мне, я могу два с четвертью часа гулять по улицам и еще пятнадцать минут потратить на бесшумное проникновение домой. Вспомнила, что раньше развлекалась, залезая в комнату через окно, чем очень смешила сестру потому, что скалолаз я такой себе.

Неожиданно слева, в глубине парка, послышались два голоса — звонкий что-то выкрикнул, а второй, низкий и хриплый, недоуменно возражал, вкрадчивым тоном объясняя обладательнице громкого возгласа нечто, словно годовалому ребенку объяснял, как ходить.

Меня пробрала дрожь. После событий двухдневной давности мы с Эриком не

встречались, но я только сильнее уверилась в том, что метка Охотника на нем не зря, и тем более не искала встреч, заталкивая смутное ощущение поглубже — ощущение, что он всегда будет рядом, прилипнет, как банный лист. Тем не менее, я свернула с тропы. Кто бы ни была та девушка, он явно один на один с парнем, и единственный, кто может ей помочь — я.

Вскоре голоса раздалась четче, и я остановилась, не рискуя выходить на открытое пространство. Медля. Да и, кажется, девчонка не собирается сдаваться. Может, справится сама? Я тут же одернула себя, снимая мерзкое чувство, как липкую пленку. Что я несу? Ей нужно помочь!

Но только я приблизилась, рассчитывая неожиданно выйти позади Эрика, как раздалось невнятное бормотание, словно парень оправдывался. С какой стати он оправдывается? Я ведь знаю, что он никогда не опустится до такого. Что она с ним сделала?

— Ты ведь знаешь, что я не отстану, Эрик, — голос звучал устало, и все же пробирал до самых костей холодом острее, чем дождь. Девушка, удивив меня и Эрика, не стала заканчивать, а рыбкой нырнула в кусты, только, я могла бы поклясться, мелькнуло лезвие, серебристым зайчиком скрывшись в листве. Прозвучал непривычно и как-то странно дрожащий голос парня:

— Но Касс... — я покачнулась и над ухом раздалось тихое шипение. Чья-то теплая ладонь легла мне на рот, и я в миг забыла про стоящего в двух метрах, аккуратно, не тратя дыхания на бесполезные попытки кричать, принявшись выворачиваться из железного захвата. Но, на удивление в руку лег только клочок бумаги и меня выпустили. Некто, даже не щелкнув веточкой и не прощуршав листьями, исчез позади. Я вздохнула и было развернулась, но снова почувствовала руку на плече. На этот раз холодную. Впрочем, решила не сдаваться — Василиса? — Эрик, знатно растрепанный, в футболке и джинсах, выглядел, мягко говоря, непрезентабельно, и мина удивления на лице его не красила — что ты тут делаешь?

— А что твоя рука снова делает на моем плече? Помнись, в прошлый раз ты меня чуть не задушил, — я, изобразив презрение, скинула его ладонь, запустив мурашки, которые побежали от кончиков пальцев вверх по руке — его пальцы оказались не такими уж и холодными. С сетью тонких шрамов на большом и с маленьким пятнышком между мизинцем и безымянным, похожим на лист осины. Я поежилась и выпустила руку.

— Прости, — Эрик сник — я знаю, этого недостаточно, но прости-прости-прости, — я в шоке отступила от него, не в силах спросить, что вообще происходит. Эрик извиняется? — я честно не знаю, что на меня нашло. Ты ведь, можно сказать, спасла меня. Как будто кто-то морок навел, те ребята с мансарды, ты их лица видела? Ручаюсь, один из них владеет гипнозом. И только не знаю, как теперь Лине в глаза смотреть, я же тебя...

— ...пытался задушить. Да, — я отступила и вдруг почувствовала, как по телу разливается тепло от того, что Эрик вдруг показал другую свою сторону, себя, такого настоящего — растерянного, взъерошенного и извиняющегося.

— Я правда не хотел, короче, — он развернулся и побрел в сторону леса, заламывая руки.

— Стой! — неожиданно сама для себя выкрикнула, чуть поднявшись на носочках и заметила, с какой надеждой он обернулся — так ты думаешь, это они сделали?

— Да. Нет. Не знаю! — воскликнул он, но тут же поторопился перейти на мягкий тон, словно исправляясь — но я сам с ними разберусь. Не дал им развлекаться, вот и отомстили, сволочи

— Как будто тебе есть дело до моего мнения, — я решила быть осторожной и не

спрашивать напрямик. Да еще бы, он же Охотник, одернула себя, а ты стоишь с ним на расстоянии полтора метра и веришь ему!

— Ты о чем? Да какая разница, теперь-то, — он зарылся лицом в руки и до меня донеслось — такую девчонку проморгал!

— Что ты сказал? — лицо Эрика вытянулось, очевидно, парень не ожидал, что я услышу — Э-э-э... да... ничего, нет, ничего — я вдруг обнаружила что он выше меня на голову и сейчас я смотрю на него снизу-вверх, как будто того маленького расстояния между нами недостаточно для дрожи в кончиках пальцев и красных щек.

О чем ты думаешь?! — вопило сознание, стучалось в закрытую дверь и крушило все внутри — прекращай так смотреть на Охотника! Прекращай!

— Я слышала — я закусила губу и чуть наклонила голову в сторону.

Между плеч все еще летели осколки и обломки, но от этого только сильнее хотелось — Прекращай! — прикоснуться к его ладони.

Эрик усмехнулся и вдруг толкнул меня в грудь так, что я оперлась на расходящиеся в разные стороны ветки молодого дуба и шагнул следом, хватаясь одной рукой за ветку над головой, изображая, что сейчас упадет. Я рассмеялась и пихнула Эрика кулаком, сомневаясь, что он вообще почувствовал; но тот наморщился и потер место удара:

— Больно, — такое комичное выражение лица оказалось слишком близко с моим.

— Я думала, ты непробиваемый, прости. — я положила свою руку поверх его.

Положила свою руку поверх его — Лисса, что происходит? — и ощутила как будто знакомую уже сеточку шрамов:

— Что ты...? — Эрик, на этот раз по-настоящему, покачнулся и с ужасом посмотрел на мои пальцы, движущиеся по его руке вверх, к локтю — что ты творишь?

— П-прости, — я, заикнувшись, выскользнула из-под молодой дубовой кроны и припустила к спасительной аллее, ведущей на параллельную улицу. Только бы хватило дыхания, которое мозг так отчаянно забирал на мысли вроде:

Что это было, Лисса? Что? Это? Было? — а сердце отстукивало эти слова, впечатывая в черепную коробку каждый раз с новой силой. Калитка, чуть приоткрытая Микой, которая, наверно, вернулась пару часов назад, казалось, не приближалась. Из мысленной агонии меня выдернул чей-то голос:

— Привет, сосед! Эй? Все в порядке? — я затормозила, на лету чуть не врезавшись в чью-то живую изгородь:

— Д-да. Да, все хорошо

— Ладно, — парень с кудрявыми волосами, чуть смуглой кожей, отливавшей в предрассветной дымке чем-то голубо-серым, и зелеными глазами, дошел до начала парка и добавил — ты как будто с привидением там встретилась — заглянул на аллею и усмехнулся, а я подумала, что Эрик в мятой футболке действительно был похож на приведение. Уж не выдумала ли я все? — Кстати. Ты тут белую и пушистую нечисть не встречала?

— А ты уверен, что нечисть белая и пушистая?

— Во всяком случае, наш кот альбинос до последнего волоска, а в душе эта живность тот еще чертяка. Только его хозяйка страшно расстроится, если узнает, что он еще не вернулся со своих ночных походов; видите ли, сегодня по какому-то французскому календарю День Кошачьих Улыбок. Клянусь этим чудищем иноземным, она все выдумала, — парень почесал в затылке, еще больше продемонстрировав мне кудрявую шевелюру, и с тихим вздохом направился к парку, вдруг вскрикнув и попятившись.

Мимо него, приняв самый независимый вид, продефилировал белоснежный кот, зажавший в зубах мышь.

— Ну конечно, — пробормотал паренек и скрылся вслед за котом на ближайшем перекрестке. Я усмехнулась и закончила свой путь, развернув по дороге клочок бумаги.

На нем, отвечая сами за себя, значились только три слова:

«Беги и спасайся».

Продолжение следует...

С этой главы публикации будут каждые две недели по понедельникам. Спасибо за терпение

Выглянув в окно, я наконец обнаружил источники этого несносного звука — весело переговариваясь, по улицам, не выбирая дороги, струились ручьи, сложившиеся из бесконечных луж. Собирался уже было захлопнуть створку и вернуться к книге, как заметил чей-то силуэт, упорно продирающийся сквозь пелену дождя, и распахнул окно по шире — по тротуару брела Василиса, прекратив бороться с дождем и только провожая ручьи взглядом.

Распахнув калитку, девушка заметно оживилась; чуть слышно хлопнула дверь, опрометью кинувшись к парадному входу и, переступая с ноги на ногу, принялась стучать в дверь с такой силой, словно хотела выбить ее за то время, в которое я спускался по лестнице. Только успев распахнуть несчастную створку, получил в лицо:

— И что это было?! Черт тебя подери, что это было? — приподняв брови, я отошел и выпустил девчонку внутрь. Дверной проем с оглушительным грохотом закрылся, и я отступил назад еще раз, обдумывая ответ:

— Прости... я напугал тебя? Честно, прости, прости, пожалуйста. Я не должен был. Знаю, этого мало, но я не могу ничего доказать. По крайней мере сейчас, — кажется, девушка смягчилась:

— Я не про это, Эрик, — пауза повисла в воздухе и мне захотелось поскорее ее заполнить:

— Да, я понял. И за это прости, — и пробурчал себе в ладони что-то, что должно было заставить ее покраснеть. Сработало

— Мы так и будем здесь стоять? — обычно дальше подобного не заходило и я, немного растерявшись, направил девчонку сразу в отцовский кабинет.

Вместе с ней оглядывая стены, я старался смотреть ее глазами, как учил отец. В этой комнате все было пропитано им. В моей жизни все пахло его запахом — сигарет, металла и огня.

На простых коричневых обоях висело только то оружие, которое папа особенно ценил. Все остальное, второсортное, я знал, лежало между книг, в больших картонных коробках для переездов. Все пространство заполняли книги в кое-где истрепанных и рваных обложках, с помятыми листами; он любил старину.

— Вы были близки с ним? — девчонка медленно поворачивалась, оглядывая кабинет, приподнимая взглядом то патроны, то стопку книг, то единственные семь листов документов с отцовской работы

— Больше, чем близки, — я скривился, надеясь, что девушка не заметила. А как еще назвать совместные набеги на город? Здесь все провоняло Охотниками. Я посильнее натянул на запястье рукав водолазки и тут же одернул себя — никогда не показывать ей, что мне есть, что скрывать — так что? Хочешь кофе? Сок? Шоколад? — девушка тихо рассмеялась и покачала головой

— Ничего не нужно. Я ценю, что ты доверил мне это место. Здесь просто невероятно.

— Любишь оружие? — хотел пошутить, но в голове воцарилась звонкая пустота

— Не особо. Но, ручаюсь, в этом кабинете готова полюбить, — я вдруг осознал, что она подошла ближе, гораздо ближе чем вчера. Теперь ее плечо касалось моей руки неожиданно низко, подкупающе демонстрируя ее маленький рост. Черные кудряшки покачивались от далекого сквозняка, щекотно пробегая по спине, словно трогая сквозь ткань. Она закусила

губу, с интересом скользая взглядом по книжным полкам.

— Пойдем покажу, — неожиданно, чуть не заставив себя самого подпрыгнуть, обратился к ней. И направился к ножам в каменных, костяных и кожаных ножнах.

— Это метательные?

— Нет. Не все, — достал самое изящное и отметил, как загорелись ее глаза

— Дашь мне? — ее рука и теплые пальцы, на миг введя меня в ступор, забрали оружие. Девушка любовно повертела его в руке и, немного отступив, сделала то, чего я не ждал. Не в отцовском кабинете.

Василиса нарисовала волну, еще одну, подчеркнула — и кончик, загоревшийся в самом начале, с готовностью окатил ее рукав волной. Девушка нахмурилась и снова вскинула руку:

— Ч-что ты делаешь? — я подскочил и, прежде, чем она успела высвободить свою силу снова, забрал нож

— Напугала тебя? — она улыбнулась и, не дав мне опомниться, нарисовала влажной рукой руну огня. Край рукава в миг высох, забрав воду и из остальной ткани. Загасив руну, она обернулась, чуть не врезавшись в меня лбом — не волнуйся.

Я открыл было рот, но решил, что она все равно не расскажет мне, откуда у простой колдуньи такой запас энергии, и вместо этого сменил тему:

— Так зачем ты пришла? — она помолчала, поведя плечами и, вдруг опустившись до шепота, пробормотала:

— Это странно, — посмотрела вниз, оглядывая носы кроссовок.

— Что такое?

— Пришла просто увидеть тебя... — девушка подняла глаза ко мне, словно ища доказательства тому, что ведет себя неожиданно. И я с неприязнью подумал, что даю ей это и тут же велел лицу принять выражение потеплее. В конце концов, она пришла ко мне сама.

— Нет, все в порядке, правда. Это здорово, что ты пришла, если честно, — ее рука на моей ладони сжалась, посылая вверх теплые мурашки.

Точнее, так показалось. Глянув на водолазку, я удивлением заметил капельку, упорно взбирающуюся по ткани вверх, игнорирующую все законы физики. За ней поднялись еще несколько, оставляя за собой мокрый след улитки. Я выпустил руку Василисы и указал ей на мою влажную одежду:

— Ты чего делаешь?

— Ой, прости, — она рассмеялась и, выглянув за дверь, уточнила — у вас фен есть?

— А как же твой фокус с рунной огня?

— Боюсь тебя поджечь — девушка снова хихикнула — а так безопаснее будет.

Когда она ушла, я не вернулся в отцовскую обитель, а заперся у себя. Комната по соседству казалась испорченной, протухшей. Я, поморщившись, подумал о лужице, которая может испортить паркет, но вытирать не стал. Просто не мог снова зайти туда и увидеть папино оружие, побывавшее у нее в руках. Но и думать о внезапных потоках на моей одежде тоже не мог — неожиданно высвободившаяся энергия «отметила» меня. Значит, сказал бы отец, девчонка не равнодушна к тебе. Я снова скривился.

А если бы твоей стихии было бы так много, что она бы высвобождалась от переизбытка чувств, подпалил бы ты краешек ее рубашки?

Самой частой его фразой стала «мы что-нибудь придумаем». Только и верить оказалось сложнее всего ей.

Он приходил с моим любимым чаем с кухни в те дни, когда я «болела» у себя в комнате, не высывая лишней раз носа за дверь. Не прикасался, разве что случайно, словно соблюдал дистанцию, которую я предложила сама; и тяжелее всего было как раз из-за этого расстояния.

Мы много говорили, много про камень, много про бесконечные дожди; ая больше думала про Василису. За несколько ее дней в Астроводе я успела довериться новому другу и на все робкие предложения внутреннего неусыпного противного голоска написать девушке теперь продолжала заявлять, что верю в нее. Не хочу беспокоить подругу, которой и без того несладко. Если бы я только смогла оказаться рядом!

С этими мыслями выглянула в окно, на песок, который больше не держал в себе воду, а отпускал ее в ручейки, заполонившие все пространство внизу. Только догадываясь, как там холодно, я вывела руно огня. Огонь — совсем не моя стихия, но еле заметный рисунок дарил тепло хотя бы для озябших ладоней. Небольшой запас энергии, которым поделилась со мной Лили, почти иссяк, оставив только воспоминания о своей обладательнице. Последнее время девушка ведет себя, словно марионетка, как будто во сне завтракая, работая, занимаясь. Мы не разу не пересекались и, думаю, это заслуга моей матери. Они что-то знают, но не за что не поделятся, в этом можно быть уверенной. Я вздохнула, потушила руно и, поплотнее укутавшись в шаль? подошла к двери, прислушалась к пустующему коридору. Там действительно никого не было.

Уже пару недель мои вылазки из комнаты ограничивались помещением, до которого вел пустой, все время поворачивающийся влево коридор. Комнатка находилась с противоположной стороны башни и ее окна, на мое счастье, выходили на дорожку между рядом деревьев и полем, ведущую к Аарону. В надежде, что сегодня он наведается в замок, я просиживала здесь часами, захватив книгу, или травы, которых он принес до начала дождей несколько корзин. Пахучие листья надо было аккуратно засушить целиком, или измельчить и отправить на кухню, или втиснуть в переполненную их сородичами книгу, если растение оказывалось достаточно редки, чтобы стать гербарием.

Здесь это совершенно ненормальное спокойствие наконец улетучивалось, оставляя грусть, и волнение, и страх. В моей же комнате, несмотря на то, что злополучный камень я спрятала под матрасом, на ночь перекладывая его в кипу старых платьев в шкафу, я была абсолютно умиротворенной, готовой пойти и сделать то, что мне повелит голос. Я не понимала, откуда знаю про голос, который появится, когда придет время, и от этого жуткий холодок внутри становился только сильнее.

Облегченно выдохнув, я следила за медленными движениями Аарона, бредущего по дороге. Но скоро спокойствие, пришедшее от его появления, сменилось на странное чувство — словно я ждала его ежеминутных зевков, словно сонных движений и мелких шажков. Только через двадцать минут скользя в двери замка, парень заставил меня несколько раз подскакивать и приниматься мерить шагами комнату, невероятно медленно поднимаясь по бесконечным лестницам. Минут через тридцать с его первого шага по дорожке, в дверь постучали — условные три, один и два удара.

— Да, да, Аарон, пожалуйста, пожалуйста, входи! — я, дрожащими пальцами поднимая щеколду, шептала это, зная, что он не слышит. Но на голос по громче не хватало сил

— Привет, — с порога, еще не прикрыв створку, он взял меня за руку, другой оперевшись на каменную стену, возвращая посеревавшему лицу более бодрое выражение. Руша те несколько десятков сантиметров между нами, которые уже стали чем-то вечным.

— Что-то случилось? — да, черт, да, Тереза что-то случилось. Но Аарон ответил неожиданно мягко:

— Уже гораздо лучше. Смотри, что у меня есть, — он протянул мне толстый фолиант, исписанный изящным почерком переписчика — это все, что мне удалось найти про город и его хранителей

— Что, прости? — я приняла том, заметив, как парень оживился от моего прикосновения

— Я не хотел говорить, пока сам во всем не разберусь, — так на него похоже — это все — про Обитель страха, — я вздрогнула, вспоминая название на карте, которую Лисса показала только мне. Обитель страха. Будь она здесь, позволила бы рассказать ему? Наверно, да. Нет, нет, не в коем случае. Это ее дело.

Ты действительно веришь, что она справится сама? Какой бы сильной Василиса не была, что она может? И все же, она рассказала только мне.

— Я знаю, о чем ты

— Что? Мы же...мы не говорили, я не говорил тебе, — он помялся и добавил — до последнего не хотелось верить.

— Я понимаю, но Василиса уже рассказала мне. Она моя подруга и она знает, что меня не нужно беречь от потрясений, — и тут же пожалела о сказанном, заметив его прикушенную губу — прости. Прости, я не в том смысле, правда

— Так вот, — холодно напомнил Аарон

— Да, так вот. Она нашла в подземельях карту с координатами и старается... — я поперхнулась, закашлялась от какого-то резкого запаха, тут же почувствовав руку Аарона на своем плече, тоже кашляющего. Запах, похожий на смесь тухлятины и старого помета, неожиданно исчез, позволив мне закончить — ...старается все разузнать из своего времени. Ох, что это было?!

— Уснули.

— Что прости? — но Аарон только вращал глазами, потом спохватился, выглянул в коридор и охнул, заметив небольшую тень у нашего порога:

— Уснули. Посмотри сама, — он указал на грудку чего-то непонятного, лежащую сразу за дверью. При ближайшем рассмотрении грудка оказалась спящим мальчиком — его послали удостовериться, что ты все еще больна. Тереза, ты понимаешь, что происходит?

— Ну, если кроме того, что мальчишку отрубило прямо у нашего порога

— Да, если кроме этого. Василиса тебе не рассказывала?

— Боюсь, она сама не знает, если ты про то, что выписал сюда, — я кивнула на беспризорную книгу, оставленную на кушетке у окна

— Да, очень похоже на правду. С ней рядом есть кто-нибудь, кто в курсе?

— Думаю да. Но, думаю, он не настроен помогать, — я поежилась, вспомнив Охотника — скорее, он настроен ее убить.

— О Боже, Боже, Боже, помилуй! — Аарон завертелся на месте, зарывшись в ладони носом

— Почему тебя так волнует ее судьба? Она же даже в другом времени?

— Да потому, что она Хранитель! — пауза повисла в воздухе. Я, не зная, куда себя деть,

закрыла дверь. Подошла к окну. Села. И решила уточнить:

— Кто она?

— Да, прости, я забыл. Вот, давай расскажу — он сел рядом и взял в руки фолиант — хотя бы это в моей власти.

— Начни с Хранителей, пожалуйста, — я опустилась на противоположный конец кушетки, со страхом поглядывая на дверь

— Хорошо. Обитель страха — это город, так я понял, — он покосился на свои записи — чтобы его пробудить, нужны четыре хранителя, принявших четыре камня. Наши способности, да и магия в принципе — от природы, от стихий, ну, ты поняла...

— ...У меня воздух, так? — я заволновалась, сама не зная, от чего — я перемещаюсь во времени. Предположим. Тогда остается вода, огонь и земля. Ты говоришь, Василиса — Хранитель?

— Помедленнее! — воскликнул Аарон, усмехаясь — да. Какая у нее способность?

— Мы...мы сами не разобрались, почему...это странно — замялась. Потом все же решила — она тоже ходит назад, да и вперед, во времени

— М-да — Аарон потер лоб, распахнул книгу, сморщился и закрыл ее — нет, у меня нет объяснения. Пока. Но я выясню, не волнуйся

— Так что с Лиссой?

— Видел я твою подругу. Думаю, вода

— То есть дождь она должна прекратить?

— Ага. И если девочка не додумается взять камень, то планету так и зальет водой, и никакого города не будет. Хотя, думаю, камни притягивают вас к себе, чтобы облегчить задачу. Надеюсь, она не напугается — я только насупилась, чтобы показать, насколько уверена в Лиссе. Она справится — так ты говоришь, рядом с ней кто-то из Охотников?

— Именно, — тут же переходя на доверительный тон — Василиса видела метку.

— Значит, Хранителя огня мы, скорее всего, нашли. В легендах часто повторяются про двух парней и двух девушек. Остается еще один парень

— Ты не задумывался над тем, что тоже станешь Хранителем? — я просто заполняла пустоту, стараясь не думать об уснувших девушках на всех этажах замка

— Исключено, — Аарон помотал головой, словно тоже отгоняя нежелательные мысли — я ведь безымянный, — я охнула, не зная, что сказать — и у меня есть способ определить Хранителей. Точнее, был. Когда все уснули, не подумала, почему осталась бодрой?

— У меня есть камень стихии?

— Да. В общем, вы в этом мире как избранные. И когда я подошел к тебе, сонливость пропала, и чем дольше мы вместе, тем легче мне становится. Если бы я был одним из вас, то мне не потребовалось бы время рядом с тобой.

— Хорошо, конечно, но что мы будем делать? — я все же осмелилась заговорить, понимая, что мы тут продержимся не больше пары дней.

— Ждать, — Аарон, молча согласившись со мной, навалился на каменную стену и прикрыл глаза.

***

— Помощь? — Эрик, гораздо собраннее, чем в нашу «парковую» встречу, подошел сзади, закатывая на ходу рукава рубашки.

— Не помешала бы, — я покорно отошла в сторону, улыбаясь. Стоять по щиколотку в воде, покрывшей все улицы, и пытаться вытащить из багажника ящик яблок, было действием не из приятных. Парень же легко снял дерево, пропахшее домашней выпечкой, и дотащил до калитки, ссыпав в несколько ведер — спасибо. Теперь я сама.

— Ну нет, понесем вместе; не оставлю же я тебя мокнуть с этим, — он подхватил сразу три ведра, оставив мне маленькое пластиковое, и теперь дожидался на середине бетонной дорожки к дому.

— Привет, народ! Чем занимаемся? Помощь? — подойдя и оперившись на соседний забор, на нас смотрел парень, вчера искавший пушистое чудо у моих ворот. Я мотнула головой, но все же решила ответить:

— Почти закончили, спасибо.

— Ты-ы-с-с, — из-за спины раздалось шипение Эрика, в котором смутно читалась слово «ты?!»

— И тебе здравствуй, — паренек подошел ближе — Джейд, — повернувшись ко мне, он шуточно поклонился, тут же вернув вмиг заледеневший взгляд Эрику.

— Говорила же, что не отстану, — с угла улицы к нам медленно приближалась девочка из парка. Веселая собралась компания. Я поставила ведро с яблоками на пол.

— А этого зачем привела? — Эрик заметно смягчился с появлением девушки — Касс?

— Не смей! — воскликнул Джейд, угрожающе приблизившись к стоящему напротив — Как ты ее назвал?

— Эрик, я же просила. Кассандра, — девушка устало заправила прядь за ухо.

— Предположим, Кассандра — с нажимом произнесла последнее слово, Эрик снова обратился к грозного вида парню — брат-то твой дома посидеть не мог?

— Как ты с ней разговариваешь?!

— Эрик, тебе нашей прошлой встречи не хватило?

— Как хочю, так и разговариваю, придурок амбарный!

— Хватит ссориться, девочки, — выдохнула я, силясь хоть как-то разрядить накалившуюся обстановку — Эрик, что происходит? — обратилась к единственному знакомому человеку.

Все, стоявшие у моей калитки, вздрогнули и замолчали. Я поёжилась от произведенного эффекта, заставив себя глядеть только на Эрика.

— Видишь ли... — вздохнул парнишка, как внезапно...

Запахи пропали. Пахучее ведро с яблоками больше не напоминало о маминых булочках. Тонкий шлейф льда и цветов — духи Кассандры — не щекотали ноздри. Сама девушка побледнела и подошла ближе. Где-то вдаль раздался оглушительный треск и все прекратилось

— Мы можем зайти под навес? — Джейд, взяв девушку за руку, уставился на меня. Дождь не прекращал хлестать.

— Д-да, конечно, — и я побежала вперед, туша пожар вопросов в голове. Что происходит?

Я усадила ребят на уличные стулья, обитые клетчатой тканью, снова и снова замечая косой взгляд на себе — Кассандра о чем-то словно переговаривалась с Джейдом, иногда отрываясь от их молчаливого спора и недовольно посматривая на меня. Но, на удивление, слово взяла она. И начала с места в карьер:

— Обитель знаешь? Обитель страха?

— Да...э-э-э, подруга рассказала.

— Отлично, — весь оставшийся ее монолог, расплывался и бился тяжелым молотом в мозг. Слова девушки про возрождающийся город, бушующие стихии, уснувших людей казались прекрасно отрепетированным розыгрышем.

— Так вы не знаете, как остановить дождь? Ветер же остановился?

— Нет. — Кассандра смотрела на меня, не мигая, отчего я смутилась — я думаю, все это неконтролируемо. И так, как у нас пока нет плана, предлагаю выбрать место, чтобы переждать ливень.

— Постой — я нахмурилась — а почему мы не уснули?

— Мы с Джейдом считаем, — она снова переглянулась с парнем — что один из вас, — она недовольно кивнула на Эрика. Бедняга сжался и пытался быть совершенно незаметным, что с его ростом оказалось трудной задачей. Я метнула в него вопросительно-изумленный взгляд. С каких пор Эрик прячется? — один из вас с Эриком почему-то не поддается сну, который призван убрать лишних игроков с поля, — а я словила на себе молчаливое предупреждение, которое было отправлено Кассандре. Мы тут что, в гляделки играем?

Вдруг до меня дошло, что сказала девушка. И тут же в голове ярко загорелось: «ну конечно, это я не поддаюсь сну! Карта ведь досталась мне»

— А мы не засыпаем, потому, что находимся рядом с вами, — закончила Кассандра

— Кратко и по делу, — оценил Джейд, поднимаясь — прошу меня извинить, но озвучу неприятную правду. Мы теперь от вас не отлипнем, — но его взгляд был прикован ко мне — так, что придется нам совместными усилиями искать убежище

— Я пас, — заявила Кассандра

— Ты чего?

— Прогуляюсь и осмотрюсь. Убедиться, что все уснули. Думаю, их эффекта хватит на часок, — я поняла, что «их» она произнесла исключительно для меня, а все сидящие на этой террасе про себя исправляют ее слова на «ее», но смолчала.

— Только давай скорей. Не хватало еще тебя искать уснувшую где-нибудь в парке, — он проводил ушедшую взглядом — есть идеи убежища? — заметно оживившийся Эрик предложил:

— Мансарда старой школы подойдет?

— И как мы туда попадем?

— У меня есть ключ. Мы встречались там раньше с парнями, но раз все уснули...

— Годится. Дождемся Касс и в путь, — а я снова смолчала. И услышала слова Джейда:

— Та за котом небось пошла. Как бы не пропала нечисть заморская, — сказанные под нос.

Спасибо за прочтение! Напоминаю, что взяла за расписание публикаций каждый второй понедельник.

У этой главы пока нет названия — и я прошу помощи у читателей.

Хороших книг.

Проснувшись, я не сразу поняла, где оказалась. Зажав рот рукой и стараясь не издать не единого звука, отползла в темный угол, навалилась спиной на пыльные картонные коробки. Паркет елочкой, блестящий спустя столько лет, заставил очнуться и оглядеть мансарду. Судя по хмурому небу, видимому сквозь не заколоченные окна, дождь не прекратился.

Затхлая комната угнетала, и я поднялась на ноги в поисках ребят. Но, не обнаружив никого, решила спуститься по винтовой лестнице в старые классы.

Из комнаты дальше по коридору доносились приглушенные голоса. Я преодолела последний пролет и пробежалась на цыпочках, вспомнив, какой скрип мы подняли вчера вечером. Остановившись у прогнившей двери, я отметила еще редкое мяуканье. Значит, парочка здесь. А хриплый голос Эрика я теперь ни с чьим не спутаю:

— Вода затопила первый этаж. Мы здесь заперты, — Джейд вздохнул и, скорее всего, обвел взглядом присутствующих. Голос Охотника раздался из глубин комнаты:

— Не сказать. Если бы ты внимательно осмотрел класс под нами, то обнаружил бы лодку на четверых, коротышка, — послышалось возмущенное шипение — я не разобрала, Кассандра это или ее кот:

— Заткнись, чертя кусок, — Кассандра стояла у самой двери — Пока девчонка не нашла камень, мы по любому здесь заперты. На твоей лодке далеко не уедешь и, как ты имел ум заметить, вода повсюду. Нам некуда податься, — я замерла, растирая онемевшие пальцы и все же решила зайти.

— Если бы вы догадались поднять меня раньше, — тут я споткнулась об белое пушистое нечто, разлегшееся посреди комнаты — то узнали бы, что я до сих пор не чувствую камень, если такое вообще должно быть, поэтому выход один, — Джейд, не удосужившись дослушать, вставил:

— Подслушивала?

— С подругой говорила, — не хотелось признаваться, что я стояла под дверью. И, к тому же, Тесс действительно написала мне что-то, что по длине было не больше записки. Подруга была вне себя от страха и выдавила только, что мне нужно найти камень воды, чтобы остановить дождь.

— Так? — Кассандра, оттолкнувшись от стены, которую подпирала, сделал пару шагов от нетерпения

— Выход один — мы садимся и плывем до тех пор, пока камень не будет найден

— У нас не так много припасов, — Джейд тоже подошел ближе, растирая виски. Мне польстило, что парень готов согласится, и я добавила:

— Я знаю несколько хороших продуктовых. Если выйдем сейчас, то еще успеем до того, как их затопит

— Предлагаешь воровать? — подал голос Эрик. Кассандра, скривившись, объяснила:

— Оставим деньги в кассе.

— Решено. Где лодка? — я обратилась к Джейду, рассудив, что меня слушает только он

— Веди, — тот, даже не глянув на Эрика, первым вышел из комнаты. Кассандра подхватила кота и выскользнула наружу, почти бесшумно ступая по старому паркету. Я пулей выскочила из класса, только бы не оставаться наедине с Эриком, и в два счета догнала Джейда.

***

Скрип несносных весел выводил из себя. Еще больше раздражали смешки со стороны девчонок — народ застыл в самых странных позах; наверно, они просто старались не думать о тех, кто уже погрузился под воду и теперь обрастает водорослями.

Касс отвернулась и разговаривала с придурковатым братом. Тот, кстати, взял в напарники по работе веслом девчонку — догадался своей одной клеткой мозга, что оставлять ее со мной чревато — отыграюсь. Бедняжка в нашей компании не больше, чем пешка, горячая картошка, которую мы перекидываем из рук в руки. Снова напомнив себе держать спину прямо и сохранять беспристрастный вид, я примерился к веслу — наша с Касс очередь махать деревяшкой близко, да и просто не хочется примериваться к разговору с девчонкой. Но и оттягивать его нельзя — она нарушила правила.

***

Кот, небрежно смахнув хвостом мой ужин — лапшу в коробочке — забрался на колени к Джейду. Парень наморщился и, ухватив любимца Касс за котячью шкуру, пересадил к хозяйке:

— Ах ты ж, зверюга иноземная, — прежде, чем я успела что-нибудь сказать, парень нырнул под скамейку, куда закатилась коробочка, и вытащил ее, немного помятую, сняв воображаемый волосок — Сириус, осторожнее. Похвали Василису, что она успела закрыть свое продовольствие крышкой — и протянул мне контейнер, словно ничего не произошло.

Ничего и не произошло, Лисса!

От его шершавых пальцев по телу побежали мурашки, концентрируясь где-то в затылке.

— Спасибо. Как, говоришь, его зовут? — я судорожно хваталась за внимание парня. В этой «веселой» компании больше никто не обращал на меня больше внимания, чем на пушистую нечисть.

— Сириус. Кассандрина идея, — девушка нахмурилась и пробормотала:

— Умолкни.

Сириус совершенно не походил на хозяйку, а та и вовсе делала вид, что он не ее кот. Впрочем, зверюшка, совершенно не обескураженная обращением со своей белоснежной шерстью, привычно свернулась на коленях Кассандры, мешая ей есть. Но девушка терпела, украдкой поглаживая кота. Если бы мы были такими же искренними.

Джейд усмехнулся и потрепал живность кошачью, взерошив заботливо приглаженные Кассандрой шерстинки:

— Не дуйся, сестренка. И не переборщи с соусом, он острый, — я замерла, тут же одернув себя и немного расплескав обжигающе-горячую лапшу на свитер. Не выдержала и выдохнула:

— Ч-черт, — справа в мой локоть врезалась влажная ткань. Джейд собрал начинку, отправив ее в большой бумажный пакет. Мурашки превратились в румянец. Я молилась, чтоб он не поднялся выше шеи. Парень снова улыбнулся и вернулся к беседе вполголоса с сестрой.

Только сестра.

Захлопнись, Василиса. Лапша закончилась слишком быстро и улыбку стало бы

невозможно скрывать, если бы хмурый Эрик, ведущий лодку в одиночестве, не пробубнил скорее Касс, чем нам:

— Приплыли. Выгружаемся.

Лодка медленно зашла под штору из плюща, идеально уместившись в проем балкона в старом недостроенном доме стиля барокко. Дом зарос всем, что умело расти по вертикали, цепляясь за крошащийся кирпич. Деревянный нос ткнулся в порог из бетона, и мы выскользнули в маленькую комнатку, на четверть заполненную водой. Высокие сапоги ярко-желтого цвета бросали блики на дождевую воду и хлюпали, звенели, урчали; недостроенный дом множил изданные нами звуки так, что нам казалось — в соседних квартирках кто-то ходит.

— Если подняться на этаж выше, сможем даже поспать, — Джейд вышел последним, согнувшись под несколькими рулонами — пледы и спальники быстро разошлись по рукам.

Спать на бетонной крошке оказалось холодно и сыро. В голову лезли образы последних дней и с особой болью — Лина. Нашему первому уроку суждено было оказаться последним и теперь я понятия не имею, к кому обратиться — этим людям я не признаюсь в том, какой я новичок в магии.

Разве что Джейду.

Остаётся только практиковаться в уже изученном. Написать Тесс тоже нет возможности — чернила и пучок разношерстных перьев остались в комнате. Мне слишком жутко было подниматься мимо уснувших матери и сестры. Слишком.

На глаза навернулись соленые слезы, но я только сморгнула их, всхлипнув случайно. Из темноты, неожиданно близко, послышалось:

— Плачешь? — голос принадлежал девушке

Жаль, что не парню

— Нет, насморк, — соврала я, быстро и украдкой вытираясь рукавом. И вовремя.

В сыром помещении, совсем недалеко от меня, зажегся карманный фонарик. Кассандра поднялась и направила луч света на парней:

— Спят. А у тебя чего? — девушка выглядела абсолютно бодрой, словно и не собиралась сегодня отдыхать. Она отодвинула одеяло, и я заметила то, что видеть не хотелось. Серебряный блеск ножа. Нет, только не сегодня. И я решила быть храброй:

— Зачем тебе? — указала на оружие, а сама приготовилась вытащить свое. Конечно, стащить кинжал из музея оказалось проще, чем я думала. Как будто кто-то хотел, чтобы я его взяла.

— Ты разве не заметила? — Кассандра, казалось, даже не подумала прикончить меня за то, что я узнала ее тайну. Только кивнула на Эрика.

— Да. Да, я в курсе. Но ты думаешь, он решится на...?

— На меня — нет. У нас с парнишкой старые счеты. А на тебя — запросто, — она тряхнула головой, лучик света заскакал, и я разглядела веснушки, тщательно замазанные косметикой. Тот факт, что у непробиваемой Кассандры есть веснушки, почему-то меня рассмешил:

— То есть, ты меня защищаешь тут? — она скисла, и тут же нахмурилась:

— А ты чего лыбишься?

— Они классные, не замазывай. Я серьезно, тебе идет, — и тут же прикусила язык, рассчитывая на колкость. С нее станется

— Думаешь? — Кассандра вмиг растеряла свою холодность — действительно, может

быть. Меня на «ты», пожалуйста — я немного опешила от ее непоследовательности, но кивнула:

— Хорошо. Касс, — попробовала имя на вкус.

Говорят, у некоторых людей к ночи пропадает маска. Наверно, Касс из таких. Засыпая, совершенно усталая и странно счастливая, я пообещал себе, что и правда встану к рассвету — Касс согласилась поучить меня, сохранив все в тайне. И усмехнулась, представляя, как завтра нам придется усердно возвращать холод на лица.

Вода, громко звеня ручейками, затопила третий этаж. Лодку перевели повыше, привязав к расшатанной оконной раме, и теперь стена плюща не скрывала деревянное суденышко — да и не от кого было прятаться.

К обеду солнце, соизволившее выйти, сделало дождь грибным. Золотистые зайчики, отскакивая от воды, кидались на стены, зарывались в волосы и мешали смотреть на запад, на их источник. То, что вчера вечером казалось не подвластной свету толще, мутной и зеленоватой, сегодня оказалось прозрачным слоем, почти не искажавшим городские улицы, оставшиеся под нами. Поначалу я боялась глянуть вниз, в страхе заметить застывшую фигуру, укрытую склизкими водорослями и илом, но люди исчезли с улиц. В опустевших магазинчиках стояла гулкая тишина. Люди не просто уснули — растворились в воде, в воздухе.

Я сидела, навалившись на холодную бетонную плиту, и украдкой повторяла руну земли — кривая линия, изгибаясь дугами, заполняла половину расстояния от запястья до локтя и — резкая прямая внизу, подчёркивая рисунок. Я старалась делать это без усилий, чтобы не засыпать наше обиталище песком, но от руны все равно летели мелкие песчинки и камешки, оседая на свитере. С воды потянуло холодом и я поежилась, отталкиваясь от камня и укутываясь в ткань посильней. И поймала на себе взгляд.

Эрик кинул, чуть не попав мне в лицо, огромный клетчатый плед, способный укутать нас обоих. Я прогнала мысль и с благодарностью залезла в него. Солнце дарило только зайчики, обжигая кристально-чистым холодом.

Плед пах лаком для кожаной обуви и почти неуловимо щекотал нос запахом хвои, вперемешку с металлом. На обратной стороне век всплыла колючая водолазка и его грубая рука, испещренная шрамами.

Я поежилась и оглянулась в поиске спасителя, с надеждой выискивая Касс взглядом. Может, она вспомнит, что должна о чем-то рассказать? Пусть хотя бы просто насмешливо скривится и покажет, как правильно рисуется руна.

Но тесную комнатку с каплями дождевой влаги на холодных стенах разогрел до предела вошедший Джейд. Окинул помещение взглядом, нахмурился, согнулся и уперся спиной в лоджию:

— Хочешь? — я не сразу сообразила, что он держит в руках стаканчик. Сил хватило только на кивок.

Холодный чай вернул кристально-чистый озноб на руки, укутанные пледом, и я привычно представила бескрайнюю пустошь. Я — ветер. Эта картинка окончательно успокоила сознание, я рискнула открыть глаза.

Маленькая девочка в темно синем платье. Корсет на шнуровке, неумело завязанный, волосы собраны высоко на макушке и спрятаны под шляпку. Девочка подбирает подол, запутываясь в бесконечных слоях ткани, и торопливо устремляется за матерью. Женщина уже остановилась, обведя взглядом простор, колышущийся на ветру. Фиолетовые и

коричневые пятна мельтешат вокруг, а подниматься в гору все труднее. Мать улыбается и подхватывает малышку на руки. Ей не больше шести.

С холма видно далекое море, где-то в стороне останки средневекового замка. Сегодня нет туристов. Сегодня никого нет:

— Только ты и я. Неужели не здорово? — женщина наклоняется к запыхавшемуся ребенку:

— Устала.

Но оно того стоило. Девочка почти сразу забывает о ноющих ногах и восхищенно смотрит с высоты. Бесконечное море вереска смягчает реальность.

— Мама, мы на небе? — малышка чуть подпрыгивает. Ровно на столько, насколько позволяет этикет.

— Почти, — мать смеется, подхватывает девочку на руки, и они кружатся. Пустота нескончаемой преградой разливается между ними и миром. Ощущение бесконечного счастья и бабочек в животе.

Они опускаются прямо на вереск, не боясь запачкать платьев. Едят булочки с вареньем руками и вытирают влажным полотенцем, проливая сладкий чай. Мама что-то делает руками так, что невероятной красоты рисунок загорается в воздухе. Травинка зажглась, тут же истлев, повергая девочку в восторг. Мать двигает ее неумелыми детскими ладошками.

Они рисуют руну стихий.

Внизу, среди вереска собирается болотце. Мать успокаивает девочку и терпеливо смотрит ей в глаза. Еще немного.

Шляпу унесло ветром, но женщина обещает еще семь шляпок, с лентами и цветами. Только жди.

Кончики трав исходят огнем. Невыносимо чадя. Небо застилает дымом. Потерпи чуть-чуть. Нет, мы не сгорим.

Пожар действительно потухает, присыпанный землей, песок летит в глаза, и мама позволяет опустить руки. Девочка хнычет, устраиваясь на коленях. Небо очистилось от смрада, передав его всего на материнское лицо:

— Все четыре, — ее хватает только на измученный выдох.

— Лисса! Лисса, очнись! — шепчущий хриплый голос возвратил меня в недостроенную квартиру. Эрик наклонился так, что я почувствовала его холодную ладонь на щеке и позволила себе еще полежать так, с закрытыми глазами. Страшное видение испарилось, его сдул, как пепел, аромат хвои. Женский голос что-то бормотал, гремели стеклянные стаканы. Кассандра рыкнула на кота, и я вздрогнула, поднимая веки.

— В порядке, — вздохнул Эрик, тут же отстраняясь, словно не поправлял мою прядь только что, и сказал по громче — она в порядке.

— Василиса, что же ты делаешь! — всплеснула руками Кассандра, виновато поднимая пушистую зверюгу на руки — нельзя же так! Что случилось? Мы перестарались на занятии?

— Нет, — я, удивляясь своему шепоту, который должен был быть громким уверенным голосом, поднялась на локтях, силясь принять вертикальное положение — нет, — уже увереннее, хорошо — это не обморок.

— Ты что-то видела?

— Да. Вроде, но я не помню точно. Девочка в синем платье вроде была, на манер средневековья, — вру, глядя в глаза Эрику. Так легче — может, морок?

— И я так подумала. Только не кому, — Касс повела плечами, подтаскивая одеяло и опускаясь на него — ладно, ты отдыхай. Джейд ушел за обедом на нижний этаж

— Сколько же я провалялась? — я испуганно обвела взглядом каморку. Нет, свет из лоджии все еще с запада:

— Минут пятнадцать, не волнуйся. Просто надо было его куда-то отослать, — остаток ее слов я поняла по смешным морщинкам около глаз. И этот остаток мне не понравился.

Видение кружилось перед глазами, стоило их закрыть. С каждым разом спальники все меньше защищали от холода и казались все тоньше. Наши с Касс тренировки мы перенесли на пару часов позже — все из-за того, что ночь больше не была безопасным временем.

Кассандра говорила, что мы Колдуньи Ночи из-за того, что в темноте мы — настоящие и мы не боимся этого. Все люди в темноте теряют рассудок, забывают о справедливости и помощи. Остается только страх и инстинкт. Все, что происходит ночью, когда мгла защищает от правил — происходит из страха; сильные идут на слабых их страха, а те не защищаются потому, что надежда уходит вместе с моралью и законами. Только Колдуньи не боятся себя настоящих, себя в темноте; они стараются любить то мелочное, то, что глубоко внутри, то, что открывается ночью вместе с тем, что показывают днем. С волшебниками в точности до наоборот.

В попытке казаться сильными, неприступными, они скрывают недостойное глубоко — и чем глубже что-то скрыто, тем сильнее успевает стать до наступления Ночи. На словах все так просто, но оказаться один на один с противоположностью на деле куда сложнее.

Ночи проходили в полной тишине. Ни одного слова, более того — ни вздоха, ни шуршания одеяла. Только магия и блеск лезвий — холодные зайчики на стенах, потолке, случайных крошках. Никто не спал — это я поняла на четвертый день.

Кассандра, похоже, расположилась за нишей. С наступлением абсолютной темноты спальники перемещались и больше нельзя было сказать кто и где находится. Подругу я определяла по длинному, колкому ножу, который сверкал редко, словно случайно, но работал безотказно. Я не могла разгадать, кто нападает и трусливо пряталась — это вошло в привычку в конце недели. Просто прятаться — за арматурой, брошенной на пол, под выступающей лоджией — и отчаянно сжимать в руке клинок, до скользких от пота пальцев, до дрожи. Иногда глаза смыкались, и я дремала — может, пять минут, а может — пару часов. И из ран за эти внезапные отрезки времени, когда я выпадала из реальности, остался только поверхностный порез на пальце, сделанный невнимательным движением. После того случая я поняла.

Я пешка в этой молчаливой темноте. Я не нужна им — ни мертвая, ни живая — им нужно только негласное обладание, победа, но не девчонка, спрятавшаяся глубоко в темном углу. Меня можно запугать или окружить заботой, главное молча дать понять, что перечить опасно. И им этого достаточно.

Поэтому, сидя в клетчатом пледе и наблюдая за взмахами длинного клинка и чуть загнутого, я раз за разом прокручивала картинку чьего-то искусного морока. Точно уверенная, что это не Эрик, я представить не могла — или не хотела — кто мог бы это сделать. Но девочка в синем платье не желала уходить, и мы разговаривали по ночам. Я чувствовала, что это новый морок, но разговоры с малышкой заставляли сердце сладко замирать и я поддавалась. Мы говорили о том, что я не доверяла никому — о том, что было «раньше». Все, что было до битвы за Астровод, теперь казалось прошлым веком; и мы говорили, бесконечно долго, а она с каждой минутой все теплее прикасалась, предлагая

горячим слезам течь, прокладывая дорожки по щекам, мокрые и соленые. Падать, глухо ударяясь об бетонную пыль. Я знала, что на утро это будет заметно, но с девочкой мне было наплевать. Потому, что она так напоминала то время, когда спрятаться было действительно достаточно. Просто забиться в темный угол — и всем снова будет все равно. И она понимала меня. Молча принимала все, что я выливали беззвучными словами, раздающимися только в моей голове и говорила то, что я хотела услышать. Она пожалела меня.

И раз за разом я откладывала разговор с Касс — как бы ни было горько лишится ее доверия, я не могла рассказать о малышке потому, что знала — от этого она исчезнет. Та, кто всегда рядом, единственная, кому не все равно. И я решила поговорить о другом, отвлечь подругу на какое-то время.

С сожалением проводив взглядом ночную гостью в темно-синем платье с золотой каймой, я осторожно выглянула в незастекленное окно. Сквозь завесу из плюща и неизвестных мне лиан проглядывало светло-розовое небо. В комнате, за моей спиной, раздался звон, преследовавший меня всю ночь, и я втянула голову, снова прижавшись к стене. Свет еще не заполнил «спальню», но ребята уже разошлись по расстеленным постелям из пледов и спальных мешков. По сверкающим кончикам я поняла, что оружие убрано. Через четверть часа свет выльется на безликие стены и притворявшиеся спящими «проснутся». Я свернулась клубком и приготовилась ждать.

— Касс? — девушка вздрогнула и поперхнулась сэндвичем из полиэтиленовой упаковки:

— Мм? — отбросила прядь волос назад, и я отрешенно проследила, как они зацепились за вязаную кофту.

— Не здесь. Давай на верхний этаж, — прошептала, почти не размыкая губ. Кассандра облегченно кивнула и неожиданно громко заявила:

— Да, я дам тебе расческу. Только скорей верни, а то я сама как чучело, — и многозначительно кивнула на Эрика, подошедшего слишком близко. Парень отшатнулся и принял абсолютно независимый вид. Усмехнувшись про себя, я выдавила:

— Хорошо, спасибо, — и выскочила в пустой коридор, смягчая шаги, чтобы Эрик не услышал.

На последнем, седьмом этаже, Кассандра разбила замок, сдерживавший люк, и у нас появилась возможность иногда сбегать сюда, чтобы перевести дух. Немного расслабится перед тем, как провести еще день и еще одну бессонную ночь, не смея что-либо признать. Если кто-то осмелится играть в открытую, боюсь, мы просто поубиваем друг друга раньше, чем все кончится.

Я вздрогнула и упала, больно ударившись плечом о водосточную трубу. Осторожно перекатилась ближе к центру плоской крыши, боясь упасть с края, и поднялась. Выдохнула. Только кот.

Сириус, важно распушив хвост, добрался до выемки около дымохода и свернулся клубком так, что стал похож на единый комок белой шерсти. Я рассмеялась; смех скоро перешел в истерический и, смирившись, я просто опустила рядом, зарывшись носом в колени. Пушистая жидкость перетекла к моим ногам и сочувственно поймала слезинку. Пространство просто схлопнулось, оставив меня и Сириуса в абсолютной темноте.

Похоже, в этот раз я знатно затянула с публикацией. Спасибо, что подождали, обещаю,

следующая часть выйдет вовремя.

Хранительница Воды

— Василис? Василисааа? — Касс стояла на коленях и поглаживала кота, стараясь не прикоснуться ко мне — Лисса? Ты как?

— Прости, — я поднялась, вытирая слезы. Здесь, под дождем, перемешанным с солнечными лучами, заметила, что глаза Касс тоже покраснели. Значит, я не одна не выношу бессонных ночей — я хотела поговорить, — сразу с места в карьер потому, что сил на предисловие нет — у вас есть план?

— Я тоже устала, — она под села, так, что наши плечи соприкоснулись. И я поняла, что девушка ждет, молча спрашивая разрешения. Вздохнула и улыбнулась, чувствуя, как она расслабляется и оседает, сильнее облакачиваясь на кирпичный дымоход — да, Джейд вроде все продумал, только не все мне рассказал

— Скажи, что знаешь, — не решаясь заглянуть подруге в глаза, я протянула руку к Сириусу, развалившемуся и подставившему живот дождю.

— Джейд считает, что ты — хранительница воды, — я кивнула. Ничего нового — а Эрик — огня, — Кассандра замолчала, ухватив мою руку. Молча ответила ей тем же и проглотила мысль. Это трудно принять, но я ждала чего-то и хорошо, что это что-то пришло:

— Дальше.

— Получается, ты должна найти свой камень, а Эрик — дойти с нами до конца. Джейд думает, огонь будет в самом конце, — Касс вздохнула, решаясь — потому, что дело идет к битве. А где война, там огонь. Поэтому Эрик еще жив — без него не открыть городские ворота, как без четвертого Хранителя, — еще одна мысль, которую нужно просто проглотить. Я заметила, что тереблю пуговицу на рубашке и заставила себя отнять руку — поэтому мы ничего не предпринимаем. Понимаешь, Джейд не ночует здесь, — теперь мои брови рисковали потеряться в волосах, но я смолчала — он ищет твой камень — говорит, так быстрее. Но я думаю, он боится вывезить тебя из каменного дома ночью.

— Я так ценна? — усмехнулась я, не выдержала.

— На самом деле не из-за этого. Но я тебе ничего не говорила, — Касс усмехнулась и лукаво прищурилась — так вот. А я с каждой ночью все активнее напоминаю себе, что Эрик нужен, чтоб все кончилось. Так бы давно убила

— Значит, мы ждем, пока Джейд разыщет камень воды? — я оправила полу рубашки и подвернула штанину. Все что угодно, лишь бы занять дрожащие руки.

— Ага. Только вот загвоздка, — между водой и огнем остается земля, а ее Хранителя мы не нашли, — я вздрогнула и выпрямилась. Воспоминания об Астроводе, преследовавшие меня с начала нашего путешествия, снова проплыли на обратной стороне век:

— Зато, кажется, я нашла

Время до вчера, когда Джейд согласился поговорить, тянулось бесконечно долго, напоминая уже приевшуюся лапшу быстрого приготовления. Мы пообедали, немного занимались, стараясь не шуметь, но я все равно умудрилась облить водой и без того вымокшую под дождем Касс. Что же, обливать окружающих водой входит в привычку.

Дождь даже прекращался, дав нам час времени на крыше без надобности укрываться под зонтом, но потом зарядил вновь. Мы выпили полный термос черного чая, но все еще хотели спать, а кофе у нас не водилось. Наконец наручные часы показали пять вечера.

Учитывая грозовые тучи, темнело к половине седьмого. Если что-то делать, то сейчас.

Когда Джейд, с трудом протиснувшись в потолочный люк и заставив меня вспомнить то, чего вспоминать не хотелось, подошел к нашему убежищу — пледу с невероятно огромным пляжным зонтом по другую сторону дымохода — я уже успела перебрать в голове все варианты разговора и дважды решить, что не так уж и хотелось. Может, не стоит геройствовать?

Касс, наверно, почувствовав мое напряжение и начала разговор сама, дав мне отсрочку:

— Забирайся, — несколько тягуче-длинных секунд, пока парень, согнувшись в три погибели, старался пристроиться с краю — что Эрик?

— Удалось выслать посмотреть пробоину в дне, которой нет, так, что времени у нас критически мало, — Джейд вздохнул и не выдержал — уткнулся в ладони лицом.

— Хорошо, тогда сразу к делу. Ты нашел камень? — Кассандра осторожно погладила брата по плечу.

— Кажется, но я ничего не могу понять. Василиса должна оказаться там сама, может, камень откликнется, — Джейд пробормотал это, стараясь не смотреть на меня. И я не выдержала:

— Могу я побывать там сегодня? — непонимающие глаза, уставившиеся прямо на меня, заставили немного замяться — а тебе не надоел этот всемирный потоп, Джейд? Чем скорее, тем лучше. И потом я, кажется, нашла Хранителя земли

— И где он? — парень заметно оживился

— Правда в том, что Аарон в другом времени. Я не могу рассказать всего, но почти уверена, что это он, — в голосе проскользнула обида; но ведь брат с сестрой далеко не сразу решились говорить на равных — не удивлюсь, если что-то они все-таки утаили

— Это ничего. Если ты знаешь его, ты знаешь, как к нему переместится?

— Думаю, да. Но совершенно не понимаю, где искать камень земли, — Джейд сник, но все же придвинулся ближе, чтобы шум дождя не заглушал его слова. Запах хвои смешался с запахом мокрого кирпича.

— Давай я добавлю еще немного к тому, что ты знаешь. Может, сообразишь чего-нибудь.

Обитель страха — это город, по-моему, находится вне времени. Он — логично — как наши страхи — силу Обители можно использовать на благо и во вред, можно открыть его темную сторону и светлую. В прошлый раз, когда его задействовали, Хранители сговорились использовать Обитель страха для разрушения — что с ними потом случилось я нигде не нашел; думаю, всех перебили. Никто точно не знает, что происходит внутри города, но, чтобы в него войти, нужны четыре Хранителя — город вне времени и пространства, как наши страхи, а значит, Хранители и камни действительно могут быть разбросаны по планете и временам. Его врата задуманы как способ безопасно пройти в город, если Хранители договорятся между собой. Только Обитель имеет дурную привычку выбирать одного так, что он в итоге и оказывается Ахиллесовой пятой для своих спутников и им остается не широкий выбор — либо отступить, либо идти войной на предателя. В этот же раз мы имеем Эрика — очевидно, он окажется на темной стороне — и Джеральдину, с которой — я боюсь — он держит связь. Поэтому нам никак нельзя играть в открытую. Джеральдина вычитала где-то — не уверен, но все указывает на это — что одного Хранителя — обычно предателя — пару раз заменяли кое-кем, как разменной монетой. Безымянных знаешь? — я, едва переводя дух,

вставила:

— Да. Тебе это не понравится, но Аарон из безымянных.

— Плохо — Джейд выпрямился, оправив брюки, и почти неслышно простонал — это очень плохо, ведь Джеральдина знает его, знает, как его сломать. Пока одни проблемы, как видишь — он отдышался и вытер холодную морось с носка ботинка — сила одного Хранителя может быть заменена четырьмя безымянными — людьми, прошедшими через жесточайшую форму страха. Для трех Хранителей — тебя, Хранительницы ветра и твоего Аарона — я насупилась, но ничего не сказала — она собирает двенадцать безымянных. И я уверен, соберет. Тем скорее нам нужен твой камень и камень для последнего Хранителя — вам нужно овладеть стихиями, чтобы противостоять, а в ремни и так не много

— И выбора у меня нет?

— Совершенно верно, уж прости. Поддержим, чем сможем, но на сцену вы выйдете вчетвером. Иначе не бывает, — Кассандра молча положила руку на мое предплечье. А я представила, что мне придется убить Эрика — и зажмурилась. Каким бы он не был, пусть даже последователем Джеральдины, пусть даже Охотником, пусть перебил Колдуний в моем городе — он того не заслуживает. У него тоже не было выбора, я уверена, и я не подниму на него руку — тем более с оружием. Но вслух ничего не сказала. Только вздохнула и решила закончить неприятный поток новостей:

— План?

— Короткий. Сегодня Касс останется с Эриком, а мы — уйдем к тому месту. Если все просчитано правильно, он и не догадается, что ты не ночевала в доме. Это опасно, не скрою, но...

— ...Выбор уже сделан, — я кивнула парню на люк. Если все уже решено мне остается плыть по течению, смириться и делать то, чего от меня ждут. Не геройствовать — наущала я себя. Спасибо на хлеб не намажешь, а ставка у нас — наши жизни. И жизни моей семьи — о тысячах других людей просто думать не хотелось. Как же я скучаю по маме.

Девочка в синем сегодня не придет — а значит, не придут и воспоминания о сестре. И все это слишком быстро, слишком неожиданно, просто перебор.

Касс сжала мою руку в последний раз и тоже выскользнула в люк. Быстрый вдох, я подошла к краю. Дождь забрался под воротник, вымачивая рубашку насквозь, и в мозгу пролетела мысль о зонтике. Яркой искрой разбилась о большое и черное, бесформенное. Интересно, с каким страхом войдут в Обитель другие? Я поняла, что мы с Эриком боимся одного и того же и перед глазами пролетела сеточка шрамов, колючая водолазка. Пальцы вдруг потеревали и сжали воздух, словно его рукав. Быстрый выдох.

Перед глазами все закружилось. Мы оба боимся смерти — нам не оставили других страхов, все решив еще вначале. Поэтому он напал тогда, на крыше школы — парень боялся умереть из-за меня, он заранее знал, что нас натравят друг против друга. Я готова его простить — это было не его решение, не Эрика, а его отца, других Охотников. Зло скривилась, понося этот культ истребления Колдуний. Его метка в виде половины солнца, очевидно, символ. Парню некуда от этого деться — этот страх, эти фальшивые желания вошли медленно, притворяясь истиной — я знаю. Мы оба прошли одно и то же.

Что ты, черт побери, творишь?

Я, словно очнувшись, в ужасе отступила от края крыши, помотала головой и опрометью кинулась к спасительному люку. Проскальзывая внутрь, по обветшалой лестнице, тонула в мурашках. Холодный дождь забрался всюду.

Мимо разъяренного Эрика проскочила с трудом, добралась до спальника и вытащила потертые джинсы и гигантский свитер, в котором — так давно — выгружала свежие яблоки, привезенные с рынка. Не так хотелось бы найти камень воды, но та одежда, что пускает ручейки по запястьям, не успеет высохнуть. И я метнулась в соседнюю комнатку, совсем тесную, не больше чулана, на ходу стаскивая прилипшую к телу рубашку.

Когда темнота укрыла каморку, и я услышала привычный звон лезвия, вызывающий дрожь, его шершавая ладонь просто легла поверх моей — он знал, что этого будет достаточно.

Пройти, прижавшись к бетонной стене, щупая носком пол, чтобы не наступить на кусок железной проволоки или кирпич, чтобы не выдать себя, оказалось куда труднее, чем мы думали. Каждый шаг давался с трудом, капельки холодного пота стекали по лицу, по дорожкам, образованным слезами. Я не чувствовала онемевшие кончики пальцев и только сжимала их сильнее, снова и снова, как мантру, повторяя: шаг, остановка, проверка, шаг, остановка, шаг. В дверной проход нырнула рыбкой, с трудом сдерживая стон облегчения, перекатилась на спину.

Его рука на моем запястье.

Заткнись!

Я схватила Джейда выше локтя, поднимаясь и помогая ему не упасть. Мы добрались до лестницы, то и дело оглядываясь, и он первым ступил на скрипящую ступеньку, сколоченную из старых досок. И снова шаг за шагом, проверяя носком кед, поддерживая друг друга. Мы спустились на четвертый этаж, уже затопленный выше середины и Джейд указал мне на деревянный нос лодки, выплывший из тьмы. Парень осторожно повернул ее боком к нам и помог залезть, не производя слишком много шума. Как только я оказалась полностью внутри лодки, не выдержала и повалилась на выстеленный шерстяным пледом пол, обхватив колени. Джейд, кажется, тоже с трудом держал себя в руках, но весло взял и быстро, с тихим шелестом раздвигая воду, вывел нас на безопасное расстояние. Я поднялась на колени и выглянула за борт.

В темноте не было до конца понятно, где кончалась вода и начиналось небо, так, что мы словно парили в воздухе, иногда отталкиваясь веслом. Я, как зачарованная, рассматривала полузатопленный город, поросший мхом и лианами, опустевший до неузнаваемости. И вдруг поняла.

— Дождь прекратился? — Джейд в изумлении подставил руку ветру. Но ни одна капля не осела на раскрытой ладони.

— Что это значит? — я высунулась из лодки, рискуя ухнуть в темную бездну воды и вся напряглась, силясь ощутить уже такие привычные капли на спине, руках, волосах.

Но воздух замер, идеально спокойный и не колеблемый дождем. Тучи скрыли небо, полностью оградив нас от какой-либо смены картинки. Казалось, будто мы не двигаемся, хотя дома проплывали мимо, как и должны были.

— Думаю, это к тому, что мы все делаем правильно, — Джейд с уверенностью удвоил силу и лодка понеслась во весь опор, чуть не загребая носом воду.

Я вернулась на сиденье и в задумчивости проводила взглядом одинокий фонарь. Что бы все это ни значило, я только возьму камень и вернусь назад. Все ради того, чтобы все это прекратить, вернуть в нормальное русло. Хотя где мы и где «нормально»? Я усмехнулась и заставила себя перевести взгляд с Джейдовой спины на всплески его весла и мутную воду.

Мы бесконечно долго протискивались между высотными домами, огибали торчащие из воды деревянные балки и плавучие острова из пластиковых стаканчиков. Парень молча работал веслом, время от времени трясая головой, словно пытался прогнать назойливые мысли, и кусал губы. Я молчала, ежеминутно задерживая дыхание и, кажется, в конце концов просто забыв дышать.

За нами, в водной ряби, которую мы оставляли за собой, мигнул огонек. Я пожалала плечами и обернулась на Джейда, проверить, не хочет ли он поговорить. Очевидно, не хочет.

Консервная банка снова мигнула, подставив бок неверному свету луны, спрятавшейся на половину за куцые тучи. Я с грустью подумала о оставшихся под водой. Хотя нет, под водой нет ни единого человека — но как-то понятнее считать, что они под водой, чем признать, что население просто испарилось с лица Земли. Хоть бы хранителем земли действительно оказался Аарон — иначе парень уснет и тоже исчезнет. А о Тесс думать совсем не хотелось. Противное чувство вины, до холодного пота и сжимающихся внутренностей, проедало меня в те минуты, когда девочка в синем не показывалась. Я устало выдохнула, глядя, как консервных банок, озорно светящих боками, стало три.

Стало три?

Вздрыгнула и перегнулась через бортик лодки, но зрение у меня явно осталось в порядке. Одна жалкая банка вдруг разделилась на три жестяных огрызка, которые лихо подскакивали на волнах и плыли за нами.

Плыли за нами?

Я снова обернулась на Джейда, но он сидел, еще сильнее съежившись и явно ничего не замечал. Пока парень в безопасности, у меня есть время разобраться самой, что за чертовщина происходит — банки увеличились в размерах, как и блики, отбрасываемые ими на воду. Стало казаться, что металл светится изнутри, а не отражает свет луны. Металл ли это вообще? Банки упорно плыли за деревянной шлюпкой, не показываясь на поверхности. Я на всякий случай нащупала рукоять под свитером, другой рукой нервно теребя косу. Как же надоела вся эта мистика.

Кажется, мусор стал приобретать совсем ему несвойственную форму и теперь уже отчетливо светился золотым, выхватывая из мутной мглы фасады и крыши киосков, увитые скользкими растениями. И, кажется, я разглядела в воде светящийся рыбий хвост, стремительно увеличивающийся. Джейд сзади вздохнул, весло скрипнуло, заставив меня вздрогнуть.

— Уже скоро, — очевидно, парень ничего не заметил. Но золотые рыбки не отставали, держась на расстоянии. Я набрала побольше воздуха:

— Джейд? — кашлянула, чтоб отвлечь попутчика от его мыслей — что это?

Он осторожно приблизился к борту и перевесился, вглядываясь в мутную воду. Огоньки погрузились еще глубже, еле заметно подмигивая.

Вдруг, один за другим, со дна выплыли три золотистых карпа, по пути осветив заросшую тиной неоновую вывеску. Я перевела взгляд с жуткого зрелища скелета вывески на рыбок. Джейд нахмурился и протянул руку в сторону теплого света, лучами лившегося на нашу шлюпку.

— Они что, надуваются? Кто это делает? — я взволновано схватила парня за вытянутую руку, привлекая ее к себе, чтобы чей-то морок не пробрался в суденышко.

— Не думаю, что это человек. Скорее карпы — знак, что мы на верном пути. Осталось три поворота и недостроенная высотка. Отпусти меня, — последнюю фразу он прошептал

почти неслышно, высвобождая руку. Я резко разжала пальцы, отстраняясь и глубоко вдыхая. Стоит вернуться к реальности. Тряхнув головой, я отошла к заднему сиденью и встала на него коленками. Карпы правда росли, освещая залитую водой магистраль под нами. Шести полосная дорога странно смотрелась без единого шофера или пешехода. Светофоры замерли, судорожно мигая то красным, то зеленым. Откуда-то с моря прилетел рыбный дух. Я, сама не отдавая себе отчета, зачерпнула ладонью воду. Морской солоноватый вкус заполонил рот, и я выдохнула — море успокаивало. И волнение, страх от появления странных рыб со сверкающей чешуей, словно смыло. Осталось только спокойствие и удовлетворение; вернувшись на сиденье, я восторженно наблюдала, как в конец разросшиеся карпы, подсвечивая теперь целые анфилады домов не хуже прожектора, лениво пересекали улицу, проплывая то совсем у самого асфальта, то выныривая почти на поверхность и качая лодку на волнах. Мы трижды свернули, попав в узкий проулок, до самых крыш создавших его домов залитый морской водой. Джейд отбросил весло и вглядывался в темень. Тот дом, над которым намерился проплыть парень, рыбы оставили в полном мраке.

— Боишься за киль? — я вспомнила кое-какие познания, оставшиеся со школьной экскурсии в городской порт — словно в прошлой эпохе было.

— Да, не остаться бы без дна. Может, Богиня Воды и справится самостоятельно, а я вот тонуть не собираюсь, — я только усмехнулась. Сил не хватало на слова.

Парень с опаской взялся рукой за весло.

Мне пришлось зажмурится потому, что карпы, которым, казалось, уже некуда было расти, в одно мгновение увеличились в несколько раз, выкинув в небо столбы света. Гигантские рыбины поднялись со дна и примостились сразу за кормой — одна прямо передо мной и две с обеих сторон; карпы стали медленно двигать хвостами, лениво покачивая мутную воду. Волны поднимались, заливая верхние этажи домов с соседних улиц, но нам передавались лишь мягкие толчки, двигая лодку совсем не в ту сторону, в которую собирался Джейд. Впрочем, тот согласно опустил весло на дно лодки и с восхищением наблюдал за карпами с блестящей чешуей.

— Распусти волосы, — неожиданная реплика разрешила медленные и умиротворенные мысли

— Что прости? — я, покачнувшись, обернулась и тряхнула головой, освобождаясь от странной дремы

— Тебе так лучше, с распущенными. Разве Хранительница хочет встретить свою стихию с хвостиком и в растянутом свитере?

— А у тебя есть другая одежда? Знаешь, я бальные платья в карманах не ношу, — мы словно держали дистанцию, следуя негласному правилу, прикрывались сарказмом.

И все же я распустила хвост, с наслаждением ощутив мелкие кудри на лбу и плечах. Золотой свет от рыбин игриво скакал в волнах, желая грязную воду вперемешку с городской пылью почти прозрачной. От карпов словно исходило тепло, и я с облегчением сняла неудобную одежду, оставшись в джинсах и рубашке. Джейд пару раз с приглушенным смехом убирал мои волосы с лица, но не жаловался. Наконец эта качка, не успев надоест, прекратилась.

Карпы взмахнули плавниками, на этот раз увереннее, и устремились к лодке, гоня за собой гигантских размеров волну воды. Я инстинктивно прикрыла голову руками, но водопада не последовало — волна вкрадчиво подхватила лодку и погнала вглубь улицы, заменив осторожные толчки. Рыбы продолжали держаться в отдалении, позволяя себе

маленькие шалости, от которых нас подбрасывали очень немаленькие волны — карпы то подпрыгивали, глядя умными глазами прямо на нас, то заплывали под навесы магазинов, то менялись местами, бросая золотые блики на воду. Я, улыбаясь, загребала теплую воду в пригоршню и смотрела, как она струится сквозь пальцы. Чтобы там не ждало меня впереди, я дома.

А впереди посреди четырех полосной дороги лежало нечто, темным силуэтом до дрожи напоминающее гигантского человека. Каменной статуи невероятных размеров, очевидно, не было здесь до начала потопа. Но карпы уверенно толкали нас прямо к изваянию — мне ничего не осталось, чем с опаской выглядывать из-за борта лодки. Спасибо, что человек не живой.

— Это оно, как думаешь? — парень приподнялся с места, вместе со мной вглядываясь в статую. Я снова ощутила приятное тепло в груди — спокойствие погружало в приятной дрему, которую приходилось то и дело смахивать, встряхивая головой:

— Нас привели к этому изваянию три гигантских карпа. Думаю, это оно, — я обернулась на рыб, словно спрашивая, что теперь делать. Лезть в воду, даже теплую морскую, не сильно хотелось. Но карпы только мигали огромными глазами на выкате и шевелили хвостами.

— И что это значит? — Джейд глянул в сторону магических существ, не особо ожидая помощи. Опустившись на скамейку и уставившись в пустоту, я прислушалась к заснувшему городу, положившись на случай. Я не чувствовала чьего-то присутствия, но камень однозначно затаился рядом; вообще странно было думать о камне, как о ком-то живом, но это казалось самым логичным. Мой попутчик только украдкой наблюдал за происходящим, делая вид, что занят с треснувшим веслом. Ветер осторожно перебирал распущенные волосы, оседая солеными капельками на губах. Веки медленно опустились под теплым светом от умных созданий в воде. Откуда-то доносились шорохи шевелящихся лиан и звуки лопающихся пузырьков на поверхности воды. Внезапно что-то вспыхнуло, резанув ярким светом, и все вокруг погрузилось в полутьму.

Я распахнула глаза и соскочила, подойдя к краю лодки. Карпы исчезли, словно лопнув, оставив после себя только миллиарды светящихся золотым звездочек, поднимающихся с самого дна, зависающих вокруг нас.

— Смотри, они собираются у статуи, — Джейд отбросил весло и тоже высунулся за борт.

Кучка искорок действительно облепила каменную статую на дорожной магистрали, мигая и приглашая окунуться в ласкающую берег воду.

— Похоже, все же придется искупаться, — под изумленным взглядом парня я взобралась на узкий бортик, балансируя на кончиках пальцев. Не мешало бы снять рубашку и брюки, но не при таких обстоятельствах.

И рыбкой нырнула в воду. Нежная, чуть соленая, она расступалась, скользя сквозь пальцы, согревала и манила вниз, на дно. Страхи словно оставались в верхних слоях воды вместе с потребностью в дыхании. Легкие освободились от воздуха и тело будто стало в два раза легче. Я без труда в несколько гребков достигла разлинованной дороги, дотронувшись до асфальта, чтобы убедиться — все по-настоящему. Все так, как должно быть.

Статуя женщины с пухлыми губами и добрым выражением лица притягивала к себе, и я поспешила приблизиться, зависнув над ней. Опущенные веки, вытянутые вдоль тела руки, тело покрыто лишь сеткой из водорослей, извивающихся и совсем не противных. Я снова

оглядела изваяние с головы до ног и наконец заметила.

В районе груди женщины мягким голубым светом зажглось что-то маленькое. Я принялась раздвигать растения дрожащими пальцами, чувствуя, как они расступаются, освобождая заветное место. Когда каменная кожа освободилась от зеленого покрова, мне открылся прямоугольник, который наверняка был задуман, как подвижный, как тайник, призванный хранить нечто очень ценное.

Выдвинуть ящичек стоило мне немалых усилий. Кажется, выемка внутри заполнилась водой, а тяжелая порода не поддавалась скользящим рукам. Но то, что оказалось внутри тайника, вернуло мне силы.

Невероятной красоты камень, в то же время неотличимый от своих собратьев, лежащих на пляжах, нагревал воду вокруг себя и легко лег мне в руку. По телу пробежала волна, затем другая, передавая приятные мурашки. Сверху отчаянно заплескалась вода, ударяясь о высотные дома, но мне было удивительно все равно. Камень воды задорно изворачивался в моей руке, подпрыгивал и обдавал пальцы горячими потоками. Вода играла моими прядями, заплетая и расплетая их. Я улыбнулась шалунишке и опустилась на статую, подогнув ноги.

Вдруг искры, освещавшие всю улицу, исчезли, погрузив меня в полный мрак. Камешек позволял видеть лишь на расстоянии вытянутой руки; в мутной мгле мне вернулось беспокойство, а воздух в легких стремительно заканчивался. Я спешно спрятала камень в нагрудный карман и толкнулась в сторону поверхности, во всю силу раздвигая руками воду, но она только отчаяннее смыкалась надо мной. Где-то далеко напуганный голос истошно разрезал темноту, но его эхо забивало уши и путало, заставляя крутиться на месте. Из рта вырвались пузырьки воздуха и мрак подступил ближе. Я снова опустилась к статуе, взобралась на верхнюю точку и прыгнула строго вверх, падая в темноту.

Красноватые отблески скакали на внутренней стороне век, борясь с ночью, подступающей со всех сторон.

Пряди волос, словно живые, раз за разом оказывались на лице, приставая к щекам и мешая нормально дышать. Я с рассерженным вздохом перевернулась на спину, в сотый раз сдувая кудри. Солнце позолотило потолок и чуть затронуло лица спящих, заставляя жмуриться и отворачиваться к стене. Еще раз протерла глаза, наконец выпрямляясь и оглядывая каморку; вчера вечером я оставила Касс свой кинжал, но, похоже, он не потребовался — девушка всю ночь проспала, я видела в те минуты, когда влажность становилась нестерпимой и мне приходилось перетаскивать спальник в другую часть комнаты.

С полуночи, сразу после того, как Джейд достал меня, держащую камень воды, со дна, дождь не только не вернулся, но и море наконец начало уменьшаться до своих нормальных размеров. В воздухе, равномерно распределяясь и не давая пощады, зависли капельки воды, оседая на лице, пальцах, волосах. Все, что только было в городе, промокло и пропиталось солью.

Но люди так и не вернулись на улицы. Киоски, уже открытые воздуху, пустовали. Встретив меня ночью в коридоре, вылезшую на разведку, Кассандра с удивлением заявила, что Эрик пропал. Джейд тут же сорвался с места, но тщательный обыск здания не помог — более того, деревянное суденышко осталось на своем месте, в полузатопленной комнате этажом ниже. Очевидно, парень ушел вплавь, но никто не мог и представить, зачем.

Лучи солнца медленно опускались, выхватывая из голубых сумерек все большую часть стены. Я поднялась, разминая ноги, пару раз подпрыгнула, прикинула, что до завтрака остается еще пара часов, и вынырнула в коридор, решив подняться на крышу и начать практиковаться с камнем воды. Не терпелось узнать, что он может и какая сила способна высвободиться из этого куса гальки. Я беспрепятственно преодолела несколько пролетов лестницы и, взобравшись к приоткрытому люку, толкнула его и наткнулась на безобразное светящееся лицо, клыками вонзившееся мне в скулу.

Пронзительный вскрик прошелся по этажам, миновав комнату со спящими братом и сестрой.

— Эй, ну ты чего какая трусишка? — Эрик отодвинул тыквенную рожу, давая мне пролезть — Хэллоуин на носу, решил развлечь тебя.

Я, еле переводя дух, взобралась на поверхность крыши и кинулась с кулаками на парня. Просто нужно было выплеснуть то, что скопилось глубоко внутри. Подножка, несколько выверенных взмахов рукой, и Эрик распластался на полу, моля о пощаде. Я протянула ему ладонь, ожидая, пока он ухватится за нее, приподняла парня над землей и резко отпустила, наслаждаясь испуганной миной. Больше ни на что сил не хватило, и я упала рядом.

— За что? — со стоном парнишка попытался встать, но рухнул и, смирившись, замер. Я все же подползла к нему для последнего движения, которое так и рвалось наружу.

Пальцы, вымокшие в этой противной мороси, легко легли на его кадык, наслаждаясь живительным теплом. Эрик задергался, схватив меня за руку, но губы, словно не свои, прошептали:

— Ничего не напоминает?

Я дала ему еще пару секунд на раздумья и выпустила брыкающегося Эрика, отходя

подалее.

— Настолько плохо? — я вскинула брови, но, похоже, парень не собирался возмущаться. Только подошел, отряхиваясь, и неожиданно тепло обнял — все будет хорошо. Давай сядем, Лисс, пошли.

Я, не веря своим ушам, дала себя усадить на пушистый плед. Эрик только украдкой прикасался к глотке, болезненно морщась, а я каждый раз зажмуривалась, чтобы не видеть этого. На всякий случай спрятав руки в карманы, я приказала себе раствориться в запахе его рубашки. Парень просто прижался к моей спине и молча тербил волосы, раскладывая непослушные пряди по моим плечам. Он что-то шептал, но слух отказался воспринимать его слова и я прикрыла глаза, наслаждаясь тем, что никогда больше не должно было повториться. Заставляя себя отгонять тучу вопросов в глубину сознания. Все это не сейчас.

Я не скоро сообразила, что Эрик заплетает мои кудри в косу — неумелую, слишком широкую, но все это не важно. В полной темноте остались только его случайные прикосновения, отзывающиеся мурашками по всему телу.

— Лисса? — он перехватил косу резинкой, снятой с моего запястья, и осторожно заглянул мне в глаза.

— Да? — все еще слишком далеко от земли, я с трудом уловила смысл его слов:

— Ты нашла камень? — простая фраза заставила вздрогнуть и мгновенно отстраниться. Для этого случая Джейд создал целую легенду, но она словно потерялась в заплетенной грубыми руками косе. Я тряхнула головой и пролепетала первое, что пришло в голову:

— Да, кажется, это тот камень, который мы искали, — помедлила, доставая символ воды из недр свитера и отметила, как загорелись глаза Эрика — ночью...это странно, но я, вроде, почувствовала. Короче, Джейд одолжил мне шнюпку, — я заикалась и мучительно краснела, пряча глаза — камень оказался в соседнем переулке, прямо на поверхности лежал, — запнулась, но Эрик спас меня:

— Значит, это гораздо проще, чем я думал. Хорошо, что ты не пострадала, — парень двумя пальцами подхватил камешек, покрутил его и, к моему облегчению, вернул на место.

Мы еще немного посидели, с опаской вжавшись друг в друга, и я поднялась, закутываясь в теплую ткань, отметив, что его тепло осталось внизу, на плече.

Холодные коридоры, отсыревшие за время дождей, прокрадывались колючим сквозняком под одежду. Я скорее свернула в комнатку, облюбованную нами с Касс для дневных тренировок — оттуда и сейчас доносился звон металла. Дверь, предательски скрипнув, не дала мне просто молча влиться в дух, царивший в зале.

— Пришлось начать тренировку в одиночку, — Кассандра, еле дыша, оставила длинное копье и подперла стену спиной — ваше воркование слышно на два этажа вниз, между прочим, — почти без упрека, улыбаясь.

— Прости, — я подхватила набор ножей с тонкими рукоятками и метнула один из них в пенопласт, сложенный в несколько слоев в углу комнаты.

Мы с Кассандрой любили эти разговоры за метанием, стрельбой, драками и использовали такие «беседы» вместо слезных объятий. Когда перебрасываешься острыми репликами с противником, пытающимся тебя прикончить, словно оставляешь все, что лежит камнем на спине в этих словах, которыми можно заменять ножи.

— Так какой план, Хранительница? — девушка со смешком вырвала у меня кинжал и метнула в мишень.

— А с Джейдом вы не разговаривали? Разве не он наш предводитель? — я не осталась в

долгу и почти зацепила острием Кассандрин нож.

— Я думаю уже нет, — Касс переключилась на меч, состоящий из гибких пластинок — разве у тебя нет идей? Василиса уже наверняка продумала подробную стратегию и теперь затаилась со своим возлюбленным, — девушка улыбнулась, дважды обернув меч вокруг себя.

— Нет, так не пойдет, — я ушла в глухую защиту — Кассандра, это больше не повторится, и я не хочу об этом говорить, — не узнавая свой голос, рыком обрушившийся на девушку — но мне действительно есть, что тебе рассказать.

Я долго репетировала этот разговор, но ни разу не думала, что будет, если начну его вот так, словно извиняясь. Да, мне есть за что просить прощения, но не так.

Кассандра бросила оружие и мигом уселась прямо на полу, сложив разгоряченные ноги по-турецки. Я последовала ее примеру, оттягивая неизбежное.

На удивление, речь лилась легко и в какой-то момент я даже выключилась, словно уйдя далеко от того, что было на языке, машинально пересказывая видение, которое все приняли за морок, утаивая мои вечерние встречи с девочкой в синем. Кассандра приподнималась на коленях именно в тех моментах, где нужно было и под конец сделала то, чего мне и хотелось — медленно приблизилась и обняла за плечи одной рукой, все еще держа дистанцию.

Теперь, шепча и чувствуя, как горячее дыхание отзывается у нее в голове именно теми красками, я выложила то, о чем догадалась совсем недавно:

— Я думаю, это не морок, Касс, — секундная пауза, заставившая девушку напрячься и прижаться плотнее, — а воспоминание, — и те слова, в которые я не верила сама, — и тогда ты знаешь, кто эта девочка.

Мне не хотелось в это верить, потому, что та, кто навещал меня каждую ночь, была совсем другой — он была лучше, сильнее, мудрее. Он понимала, но она никогда не была на моем месте. И мне льстили мысли о том, что я — не малышка в Средневековом платье, а кто-то, кто парил над ее головой, кто пришел на зов ее матери, кто знает и видит больше, чем маленькая девочка. Поэтому это мое воспоминание — быть может, я призвала этих людей, а не наоборот. И я чувствую, что это место выбрала не зря — и стоит туда наведаться, пусть даже придется перенести этих троих жалких ребят в прошлое. Может, они передохнут там — мне же легче.

— В общем, план такой — Лисса попробует нас переместить. Если это действительно воспоминание — мы окажемся далеко в прошлом. Идем налегке, ей и так не легко будет утащить с собой троих — на месте разберемся; в случае чего, Василиса закинет нас обратно, и мы начнем с начала, — Кассандра держалась на удивление стойко, учитывая то, какими крупными были бусины ее слез на моем плече. Никогда бы не подумала, что она может реветь из жалости к кому-то.

— Но мы должны попробовать. Сейчас это единственный путь отсюда, возможно, к разгадке, — игра на публику давалась с легкостью, стоило только сжимать в кармане плаща камешек, скрывающий в себе невероятную мощь. Работу с ним я оставила на потом, когда эти три проблемы, сидящие передо мной, потеряются где-нибудь во временном переходе.

— Василиса, можешь мне доверять. Я готов прямо сейчас переместиться и посмотреть, что мы можем для тебя сделать, — Джейд стоял в стороне, обнимая меня взглядом. Я подавила рвотный позыв и обернулась к Эрику — ты можешь остаться, если хочешь.

— Ни в коем случае! — он не нашелся, что добавить, и я со вздохом облегчения завершила спектакль:

— Тогда я займусь руновязью. Думаю, нам стоит перекусить перед переходом, — и

отошла к окну, начав собирать руками пыль с бетонных блоков.

Знакомый рисунок, перенося сознание в старый замок, появлялся в пыли машинально, позволяя забыть и подумать. Время от времени меня потряхивало и в голове с гулким эхом проносились мои же слова и мысли, а другие моменты накатывало волной раздражения. Как же хочется, чтобы это закончилось.

Ребята переговаривались в стороне, кажется, Джейд ссорился с Хранителем, Эриком, по поводу провизии. Теплый камешек в кармане ясно указывал на парнишку, подтверждая наши догадки и оставляя неизвестным то, как много он знает. Я с любовью погладила его шершавую поверхность и вернулась к руновязи.

Направить силы, плещущиеся золотым жидким огнем, в дорожки рисунка оказалось куда проще, чем я запомнила, да еще и пришлось удерживать рвущуюся наружу силу. Я с улыбкой подавила волну соленой воды, оставив для моих попутчиков только маленькую часть от скрытого.

— Ты молодец, Лисса, — теплые руки в мягком свитере подкрались неожиданно. Я с трудом согнала дрожь отвращения и покорно приняла тепло — все у нас получится, правда? — он ободряюще похлопал меня по плечам и мельком глянул на руновязь, которая, похоже, не слишком его интересовала.

Мелькнула мысль оставить его здесь, в родном городке, но я потушила искру. Одно кивка от растерянной, старающейся быть сильной девушки хватило, чтобы собрать их вокруг. Я интуитивно ухватила ребят за запястья и зажмурилась. В силе Стихии я не сомневалась, но сомневались стоящие вокруг и это невероятно выводило из себя и сбивало с толку.

Легенда об Обители страха. Часть 1

Птицы заливались, словно наслаждаясь эхом, ударяющимся о бесконечную пустошь. Земля, поросшая вереском, сглаживала все выступы и впадины так, что казалось, будто долина идеально ровная. Именно то, что нужно двоим потерявшимся, чтобы найтись.

Внезапно на одном из холмов, затмевая свет солнца, закрутилась воронка, втягивая беспокойный ветер с пустоши в прозрачное и живое нечто. Временной переход стал сыпать искрами, когда из него наконец показалась девичья голова.

Четверо ребят, кубарем выкатившихся на вереск, медленно поднимались и оглядывались. Одна из девушек тут же подскочила, хватая белый комок шерсти и отскакивая в сторону, а другая, поднявшись на колени, украдкой провела рукой по шершавому куску гальки и спрятала под куртку.

— Позволь спросить, Лисса, в каком мы времени?

Эрик, отлично зная, что я не люблю свое имя, сделал его еще хуже, превратив в прозвище; но я промолчала, ведь их расположение мне еще понадобится.

— Лет так десять до нашей встречи, точнее не скажу. Надеюсь, я с мамой уже ушла по какому-нибудь переходу или как мы сюда попали. Не хотелось бы увидеть маленькую себя.

— Думаю, тебе невероятно шло то платье в стиле Средневековья — Джейд, спрятав улыбку в рукаве, занялся огромной брезентовой сумкой, в которую умудрился уместить все наши запасы.

— А ты крута, — улыбнулась Касс, убедившись, что усатая нечисть нашла себе уютную кочку — перенесла нас вчетвером, да еще и эту махину, которую Джейд называет минимальным провиантом.

Я поморщилась — не хотелось, чтобы ребята заметили, сколько силы в маленьком камешке; к счастью, Кассхватило сдержанной улыбки.

Палатка, которую сообразил Джейд, и пламя костра остались далеко позади. Я просто брела по вересковой пустоши, спотыкаясь об окоченелые тела птиц и чертыхаясь. Ветер насмешливо играл с прядями, кидая их в лицо и прилепляя к обветренным губам, наматывая на уши и щекоча кожу спины под курткой. Отблески огня скоро перестали ласкать спину, и я наконец почувствовала долгожданный холод. Озябшие руки не хотелось прятать в карманах, озноб дарил ясность. Я обернулась и прокрутилась несколько раз, убеждаясь, что отошла достаточно далеко — голоса ребят потерялись в вечерней голубой мгле, а ярко-оранжевое пятно и вовсе скрылось за холмом. Больше идти не было сил; я опустилась на первую попавшуюся кочку, оказавшуюся заросшим трухлявым бревном. Все это отмечала мельком, с удивлением заметив, что не чувствую ни мокрых от росы ступней, ни вообще ничего. Стараясь сохранить это блаженное ощущение, я растянулась на земле, гипнотизируя небо и машинально пересчитывая звезды. Это — то, что мне нужно; не ощущать ничего, кроме того, что захочу сама. Я благодарно сжала камень Стихии в потайном кармане и вернулась мыслями к сидящим далеко, греющимся у огня — Джейд даже зефир прихватил. Их нельзя просто оставить здесь — вовсе не из-за заботы, а потому, что они пригодятся. Не знаю, как скоро вернусь в свое время и смогу ли найти еще тех, кто всегда рядом — может, и не ради меня, но так даже легче. Они метаются и не могут понять, на какой стороне, и мне это на руку; я же сама за себя.

Обратный путь пролетел, как мгновение, промерзшие и не гнущиеся ноги сами несли меня к источнику тепла. Я мысленно оценила свой вид — потерянная, замерзшая и голодная — и улыбнулась.

Несносные сверчки все не умолкали, наоборот подбираясь все ближе к палатке, ввинчивая свой стрекот в уши. Я перевернулась и шумно выдохнула разгоряченный четырьмя телами воздух. Волосы, растрепавшиеся за мою прогулку, шуршали, мешая уснуть. Откуда-то с далекого моря подул ветер, залетая сквозняком под брезент; дышать стало легче, и я попыталась снова уснуть — прикрыла глаза и отпустила мысли в свободную пляску. Кажется, это и оказалось ошибкой.

Перед глазами всплыл Аарон. Я давно не вспоминала о нем, предпочитая просто отталкивать в глубину сознания. Только этих мыслей вкупе с образами двух моих спутников не хватало, чтоб я вконец помешалась. И все же гадкое, мокрое от слез сочувствие надёжно обосновалось в уставшем мозгу. Я смирилась и стала ждать, когда воспоминания о Хранителе уйдут.

Удивительный камешек дал мне не только силу, но и знание, так, что теперь я наверняка знала всех четырех Хранителей. Возможно, мы просто не замечаем какого-то знамения, но я и без него знаю, что камень Земли здесь — в вересковой пустоши, в другом времени, как и Аарон. Интересно, как отреагирует символ Земли на чужака? Обрадовавшись, что мысли сменили курс, я ухватилась за эту мысль.

Калейдоскоп образов прервал треск огня. Я настороженно прислушалась, но только отчетливее услышала, как кто-то снова развел костер; видимо, мне не одной не спится на новом месте. Извиваясь змейкой, я бесшумно проскользнула наружу.

***

Я едва успел заметить, как от темного пятна палатки отделилась девичья фигурка. Высокий столб дыма ненадолго отгородил меня, дав время полюбоваться Лиссой.

Даже в пижаме и с растрепанными волосами она выглядела уверенно. Огляделась вокруг, вызвав у меня невольную улыбку и опустилась на бревно, поджимая ноги. Я придвинулся к огню, руша что-то магическое и искал взглядом плед; хотелось согреть ее руками, но не решился.

— Не спится? — она поежилась от промозглого ветра, грея руки над огнем.

— Так странно, — не стал отвечать на очевидное — как будто только что мы были у себя дома и все было так скучно, как — оп — и мы в прошлом, посреди огромной пустоши, и мы оба — Хранители Стихий.

— А мне всегда казалось, что я не на своем месте, — она доверительно заглянула мне в глаза, заставляя вспомнить свои гнусные планы, построенные в городском парке — и я смею предположить, что теперь все, как надо.

Мы не стали больше говорить, наслаждаясь чем-то хрупким, повисшем в воздухе. Я только и думал о том, сколько должно быть сил, чтобы остаться собой, чувствуя невероятную мощь в кармане, чтобы улыбаться сейчас.

Вместо нас звонкую морозную тишину прервали тихие голоса, доносящиеся из палатки. Я инстинктивно отодвинулся к краю бревна, уложенного у огня в качестве скамьи, и тут же мысленно выругал себя за это трусливое движение. До последнего хотелось надеяться, что проклятые родственники просто меняются местами на своих лежанках, но нет — взъерошенная голова парня высунулась, и, заметив Лиссу, улыбнулась и прошептала что-то в

брзент, вылезая полностью. Василиса обернулась и приветливо махнула Джейду, приглашая к огню. Зубы заскрежетали сами собой, но я уговорил себя молчать и слушать. Касс принялась о чем-то рассказывать Лиссе, параллельно шаря рукой в сумке с провизией. А я смотрел на девушку без привычной дрожи и настороженности, даже как будто сквозь; вздрогнул, отряхнулся и приказал себе не мудрить.

— О, Эрик, — лицо Джейда, внезапно заметившего меня за столбом огня не выразало никаких эмоций. Он обогнул меня, подсаживаясь к Лиссе — хорошо, не придется тебе отдельно рассказывать.

— Что рассказывать? — Василиса, не поднимая головы, насаживала зефир на ветку — конечно, вы же не наслаждаться летней ночью пришли, — с сожалением вздохнула она, отрываясь от сладости в руках.

— Я просто подумал, что все мы что-то знаем про то, с чем имеем дело, но отрывками, — парень прикоснулся к запястью Лиссы. Внутренности перекрутились, запутываясь друг в друге и обжигая кожу изнутри — и решил собрать все вместе, что ли.

— Это я ему предложила, — Кассандра окунула зефир в языки огня — похоже, нам единственным дали знания о магии вместе с математикой.

— Она хочет сказать, что мы знаем и всевозможные сказки, среди которых есть кое-что, похожее на правду — легенда об Обителе Страх.

Василиса напряглась, с интересом внимая парню. Я, сам того не желая, тоже вслушался в его слова. Эту легенду многие слышали, но целиком ее рассказывали редко — взрослые считали это чепухой.

Легенда об Обители страха. Часть 2

Вначале, когда Земля пустовала, открывая зеленые просторы простейшим существам, нежащимся свободно под солнцем, сколько им того хотелось, магии не существовало, ибо не было нужды в ней. Но блаженство продолжалось не долго; народившись, люди, куда бы они не ступили, приносили только хаос, сжигая плодородные поля и вырубая леса, наполненные птичьим клекотом.

Человек обосновался в самых лучших местах — благо, вся планета была открыта для его завоеваний — и возвел небывалого величия город посреди джунглей. Достаточно было лишь выйти из дому, чтоб наестся и напиться; угрозы таились слишком далеко, чтобы о них думать. Но людям всего было мало. Бунтовщики затоптали посевы, вырубали рощи, засушили реки; они требовали от жителей города полной власти, иначе грозились забрать и те жалкие коренья, которые старухи откапывали в погребках. Они рвались к трону, возведенному в городском замке. Поселение раскололось на две части. Белая и Черная Армии бились круглыми сутками и нигде нельзя было укрыться от их мечей.

И тогда на город снизошла магия, призванная остановить бесконечную битву. Между двумя Армиями загорались костры, но в пылу битвы никто не обращал внимания на Огонь — и Стихия снесла всех и все, сожгла дотла. Тех, кому удалось спастись, постигла участь быть унесенными Ветром и смытыми Водой. А чтобы никто и никогда не повторил ошибки древних, город был скрыт под семью слоями Земли. Остался стоять только замок, которому посчастливилось быть возведенным на холме. Стихии помиловали его и скрылись. С тех пор город именуют Обителью Страх, ибо не было войны страшнее той и не будет, а замок в сердце Обители стал сосредоточением магии и напоминанием тем, кто идет против природы.

Этим Стихии не ограничились — и оставили на Земле, спрятав глубоко и далеко, камни, в которых сокрыта великая мощь. Они определили по четыре человека из каждого столетия и даровали каждому власть над одним из камней. Магия доверилась четверем Хранителям, призванным беречь все человечество. И если они пройдут испытание и объединятся под одной целью, соединив свои силы и вложив их в одно русло, то им откроется Обитель, отдаст власть над собой до последней капли, какой бы ни была их цель. Если они смогут сдружиться во имя благого, то воюющий народ, которому суждено воскреснуть и продолжить биться, остановится и покорится их мягким рукам, хотя эта битва, что между двумя армиями на земле, не главная.

Но магия — есть мудрость, и она предугадала раскол четверки Хранителей. Чтобы дать добру шанс на существование, Стихии позволили четверем истинно преданным волшебникам заменить одного предателя, восьми волшебникам — двух предателей, но шестнадцати без хоть одного Хранителя вход в город закрыт. И, чтобы выделить, отсеять от бесконечно большого человечества тех четверых, Стихии определили испытание и позволили на место Хранителя встать людям самым отчаянным, потерявшим имя и суть, пустым и чистым, как белый лист. И велено Хранителям и их товарищам возродить город, вернув магию людям.

Где-то наверху раздался скрип и еле слышный щелчок дверной ручки; я выдохнула, припуская по лестнице и отсчитывая оставшиеся завитки. Раз Аарон заперся у себя, впереди несколько часов молчания, которые я последнее время использую, чтобы сбежать из замка.

Вздрагивая от каждого шороха и сквозняка, я прокралась сквозь опустевшие залы Астровода. Когда вода спала, нам открылась кухня, сухая и невредимая. Горы припасов немного поднимали настроение, но я все равно старалась держаться подальше от тех мест, где жили люди. Только бы не вспоминать.

Я окинула взглядом последний коридор, лежащий между мной и спасительной дверью и, зажмурив глаза, выскочила на улицу, тут же поспешно прижавшись к стене. Впереди, еле заметная в кустах, лежала до боли знакомая дорожка, которую мы с Лили использовали, чтобы гулять без ведома матерей — если посильнее вжаться в камень, то из окна главной башни две маленькие девочки будут практически неразличимы; только теперь я кидала опасливые взгляды левее, на одинокий выступ его окна.

Аарон все больше думал и говорил об Обителе, становился все нервнее. Он постоянно требовал написать Хранительнице, как он звал Василису, словно забывая о том, что я не могу, как бы не хотелось — письма не доходят. Должно быть, подруга оставила перья и пергамент дома, а сама снялась с места, чтобы искать свой камень. Аарон тоже догадался и теперь рыщет по окрестностям, смотрясь при этом хуже голодного волка; в такие часы я прячусь в комнате матери, опасаясь даже выглянуть в окно.

Ноги сами несли меня куда-то, и я даже не задумывалась о направлении. Все мысли кружились около ледяного комка в груди. Страх заполнял каждую каплю крови внутри меня, по венам словно тек вязкий холод. Изнутри, в районе Солнечного сплетения, кожу кололи тысячи тонких игл; пальцы давно оледенели.

Хуже всего было наше заточение, безрезультатные попытки докричаться до остальных Хранителей. От нечего делать я перечитывала и перечитывала легенду о городе, только позже осознав, что стало хуже. Вместо плана, на который я так надеялась, пришло что-то, напоминающее черную тень. Куда бы я ни пошла, прокралась или убежала, она следует за мной, ежесекундно грозя накрыть с головой. Просыпаясь, я начинаю бороться с ней, вытесняя, вынимая иглы страха по одной. Но на следующее утро все начинается с начала. Помогают только бесцельные прогулки.

Вдруг я обнаружила, что стою перед стеной леса. Колючие лапы выросли словно из-под земли и теперь качались перед самым носом. Сзади и по бокам высились невысокие холмы — жители деревни оградили чащу песком. Жаль, я знаю, что это не поможет.

Я устало опустила плечо, прислоняясь спиной к насыпи, и раскрыла книгу, которую все это время зажимала подмышкой. Пусть я уже перечитала несколько раз то, что собрал Аарон, продолжать пытаться понять легче, чем признать, что мне остается только ждать неизбежного.

Пожалуй, теперь я знаю все, что только можно было узнать об Обителе. И теперь все чаще возвращаюсь мыслями к Василисе; перед глазами проплывают картинки — искренняя и такая простая, подруга оглядывается, стоя посреди главной залы. Говорят, там когда-то высился трон. Мы с девочками часто лазали на постамент, но ни разу не услышали достаточно правдоподобной истории о том, как каменный трон сняли или разрушили, не

повредив основу. И зачем ее оставили?

До того, как Аарон позовет меня, осталось меньше часа. Я еще немного посидела, но все же поднялась, с тоской и ужасом думая о том, что до вечера мы будем заперты в одном замке. Пустые анфилады, бесконечные балконы и лесенки и так пугали, но перемены, произошедшие с другом, затмевали все. Мне все чаще хотелось сбежать от него в пустующую деревню, но я держалась — хотя бы из жалости.

***

Я вдруг поняла, что скучаю — по городским крышам, запаху асфальта, бесконечным проводам и даже по дождю, который, казалось, никогда больше не смогу терпеть.

Здесь, в абсолютной тишине, не нарушаемой даже стрекотом сверчков, уснувших в ямках и на глинистых выступях, слух беспрестанно напрягался, пытаюсь уловить такие привычные шорохи резины по магистрали. Пусть под конец, обитая в полузаброшенном здании, мы не слышали знакомых разговоров и сирены скорой, оставался хотя бы плеск волн. Теперь же чувства были бесполезны, ни взгляд, ни слух ни за что не могли уцепиться — казалось, все вокруг вымерло. Оттого мы сидели напряженные, постоянно оглядываясь на пустошь и нарочито громко разговаривая.

Внимать тревожной тишине и удерживать нить разговора одновременно оказалось куда труднее, чем я думала, и вскоре мозг отключился. Вопрос я задала совершенно случайно, не подумав, что он выдаст меня с головой:

— Так ты думаешь, что люди, прошедшие через страх, это безымянные? — по тому, как сморщился Джейд, поняла, что обнаружила свою невнимательность. Но он ответил:

— Да, и тогда можно сказать, что мы знаем все, что только можно, — он передал шпажку для зефира Кассандре — главное правильно истолковать легенду.

— Разве не очевидно, — подал голос Эрик — все же прямым текстом сказано.

Джейд нахмурился еще больше, но мое внимание полностью перешло на руки Касс — та незаметным жестом передала ветку, унизанную сладостью с карамельной корочкой, Эрику. Тот слабо улыбнулся, прячась от Джейда. Кровь с силой облила щеки, и я прикрыла злой румянец рукавом.

Что и следовало доказать.

— Возможно, — похоже, Джейд не замечал. Или не хотел замечать — но мне все кажется, что мы что-то упускаем. Все так сложно, может, потому, что мы чего-то не видим?

Он устало погрузил пятерню в волосы, ероша мягкие волны. Мы все просто устали. Я вдруг поняла, что смертельная тяжесть дарит спасение. Глаза не могут повернуться в сторону пары напротив; и я решила закрепить эффект:

— Я все понимаю, — зевнула, окидывая каждого взглядом. Они зевнули в ответ — но, думаю, нам нужно выспаться. Утро вечера мудренее.

Ребята кивнули в ответ и умолкли. Я блаженно улыбнулась. Уснуть действительно хотелось — сжавшись в комок, загоротившись от нависшей тени, сделать вид, что ничего нет. Мира не существует. Есть только глупый жареный зефир в руках Эрика, и это — самая большая проблема.

Но мы не успели сделать и шага в сторону палатки, как по долине прокатился гул. Не считая вереска, на километры вокруг ничего не было и сильное эхо зазвенело на барабанных перепонках, оглушая. Джейд, покачнувшись, встал, но вглядываться в темень пустоши было

бесполезно. Мы испуганно молчали, словно ожидая, что вот-вот что-нибудь упадет с неба и раздавит нас.

Гул повторился.

Даже прикрыв уши руками, я буквально кожей чувствовала этот звук — полный отчаянья и болезненной силы. Не смея двинуться с места пыталась подавить ощущение внутри.

Кто-то звал меня, умолял, протягивал руки и просил прикоснуться. Ласкал запястья и ступни теплым дыханием, просил о помощи. Раненый зверь — невероятно прекрасный и сильный — изнемогал. Нуждался во мне.

Я на всякий случай глянула на Эрика — но он, судя по всему, ничего подобного не чувствовал, в то время, как моя голова дрожала, внимая голосу. Усмирять чувство больше не получалось.

Да и зачем?

Я чувствую силу. Разве не за этим я потащила этих троих в глушь, расходуя ценную энергию? Внезапно обнаружив, что существо, зовущее меня, в ярости, я позволила ей заполнить меня. Злость вязко стекала по рукам и спине, обволакивая и даруя силу. Камешек в кармане задрожал, и я накрыла его ладонью. Не знаю, как, но что-то заставило его подчиниться и отдать часть мощи. Должно быть, внутри он таит еще больше.

Я перебирала ногами, думая, как завлечь ребят к источнику звука. Конечно, одну они меня не отпустят. Я со злостью пнула кочку около бревна и как будто отключилась на несколько минут; плана, как их протащить через всю пустошь, не было, и я замерла, вслушиваясь в отголоски рева, оставшиеся в груди.

— Нам ничего не остается, — Джейд, оказывается все это время втолковывал что-то Касс. Теперь же парень повернулся ко мне — слышишь? Мы хотим пойти на зов, если можно так назвать. Вы с Эриком, конечно, можете остаться...

— ...Ни за что! — я старалась вспомнить нужное чувство, но все затмевала чужая ярость — Джейд, я иду с вами.

Сработало.

Прокатилась новая волна, приминая вереск. Гул перекрыл все сомнения; Джейд подскочил и метнулся ко мне, закрывая от ветра, сопровождающего звук. Я скривилась, надеясь, что парень не заметил мою мину. Чей-то грозный рык обволакивал тело, приподнимая и погружая в пустоту. Блаженная злость толчками выплескивалась в сердце, придерживая когтистыми лапами плечи. Звук исчез, оставив ощущение глухоты. В уши словно натолкали белой ваты, противно шуршащей и мешающей толком что-либо ощущать. Я вырвалась из цепких объятий, тут же упав на колени. Впрочем, ребята тоже попадали, испуганно заткнув уши, пытаясь подняться и оскальзываясь.

Но, когда они встали, их словно подменили — у всех одно и то же на лице. Холодная решимость двигала их окоченевшими от страха пальцами; парни молча отложили часть провизии, а Касс украдкой спрятала под свитер добрую дюжину ножей. Я же буквально кипела, внутри все шипело и булькало, царапая тело изнутри. Горячая воля туманила рассудок. Я поддалась и просто нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

Наконец мы зашагали по остывшей долине в сторону источника рева. Прохладный ветер отрезвлял. Никто не решался говорить, только стелала под ногами корочка льда — вечерняя роса превратилась в изморозь. Я поежилась, привлекая внимание Джейда, хотя на самом деле мне казалось, что от ладоней валит пар. Он бережно накинул на меня огромный плед, и

я на мгновение потерялась в куске ткани. Вокруг все устилал туман, оставляя капельки воды на ресницах.

Где-то во мгле прокричала птица.

— Авдотка, — Джейд, заставив меня передернуться и выплыть из своих мыслей, указал рукой на темный силуэт крыльев в тумане — мы где-то недалеко от Шотландии.

— Ты разбираешься в птицах? — должно быть, парень старается не думать о невиданном звере, в лапы которому мы движемся. Я не стала сопротивляться, ведь сторонний разговор помогал. Не хотелось сорваться раньше времени.

— Хотел идти на эколога, до того, как... — он жестом показал то, через что мы прошли. Я улыбнулась, подумав, как легко Джейд выражает то, что и словами не скажешь, движением руки.

— А я понятия не имею, куда поступать, — эта беседа позволяла вообразить, что мы достаточно далеко от любой опасности; что мы дома.

— После того, как спасешь мир, решишь за секунду, — он улыбнулся, словно несколько не сомневаясь, что я пройду до конца — может, поступишь со мной. Я ведь уже университет выбрал.

Джейд задумался, мы замолчали, возвращаясь в жгуче холодную реальность. Эрик и Кассандра шли чуть позади; я отчетливо различала его шаги — Эрик загребал носками глину и постоянно сбивался — и легкие, пружинистые толчки от ног Касс. Замечая это, я гнала мысли о главном. Черт подери, да она просто поделилась с ним зефиром! Ты серьезно думаешь о куске черного зефира с карамелью?!

***

Пока провожал взглядом клетчатое платье, прижавшееся к стене, успел дать себе несколько пощечин. Тесс выглядела, как воробей, выпавший из гнезда, отчаянно цепляющийся за жизнь.

Я ненавидел нового себя. Впрочем, старого, позволившего мне стать таким, тоже ненавидел, но уже не так сильно. Жгучая ярость, ставящая на дыбы, накатывала волнами, не спрашивая, успел ли я отойти от тех, кто мне дорог, подальше. В такие моменты, которые я криво обозвал «приступами», ум помутнялся и хотелось только сносить стены, душить людей и себя, лишь бы найти то, что меня зовет. Голос осиновым колом вонзался в сознание и вкручивался под чьими-то ловкими руками. Голос звал, кричал, перекрывая остальные звуки, и вселял в меня то, что я так старался подавить.

В время «приступов» я старался сесть на пол, заперевшись один в комнате, и перечитывать раз за разом то, что сам же и написал. Старался бороться с наступающей волной, подавляя опасное чувство, но злость не уходила.

Я схватился за голову, зная, что позволил ей забрать книгу. Если бы она подумала, что я прячу том, то напугалась бы, хотя не знаю, может ли быть страшнее, чем сейчас. Я постарался уберечь ее, дать возможность выйти из замка, потому, что боюсь, скоро не смогу управлять собой. Он зовет.

А пока, пока еще есть время, я, стараясь не думать о том, что будет, когда Тесс ее найдет, шагал по замку в поисках пера и клочка пергамента для записки. Колдуньево обиталище я видел редко и теперь лишь смутно представлял, где нахожусь.

В голове, кружась и ударяясь друг об друга, причиняя ужасную боль, выстраивались в

строки слова. Я не знал еще, что напишу, но хотел подготовить ее к худшему, одновременно перебирая ругательства, которые подошли бы к моей ненависти. Не уберег, не уберег, не уберег.

Сначала Лили — она была сильной, я знаю. Но ее сестра, мать твою в туды, была сильнее. И кто бы мог подумать — у напуганных женщин, подозревающих самый ужасный исход, под боком жил тот, кто мог ее спасти. Но нет же, он испугался за свою никчемную жизнь.

Я всегда думал о том, что потеря имени не пройдет мне даром. И действительно, с тех пор, как я стал безымянным, мне постоянно кажется, что она видит. Может, сейчас Джеральдина не худшая из моих бед, но тогда она внушала мне страх посильнее, чем я сам себе сейчас.

И я побоялся — хотя моя фраза могла спасти ее, я боялся погибнуть сам. Наблюдая за Мелиссой все время до того, как она захватила сестренку, я убеждался в том, что не один безымянный на всю округу.

Старался не думать о том, что будет с Лили, больше не владеющей своим телом — но образы лезли в голову. Самое лучшее — Джеральдина обратит и ее в безымянную. С этим еще можно справиться. Но я почти уверен — ее ждет лучшая роль, яркая, как ее стихия, и не оставляющая шанса. Как огонь, приходящий во время битвы.

О да, я снова знаю обо всем — но ничего не могу сделать. Признайся, Аарон, ты ничего не хочешь сделать. Боюсь за свою шкуру, чего таить. Пожалуй, теперь все Хранители понимают, что происходит — но, в отличие от меня, действуют. А я строчу прощальную записку.

Мне будет лучше уйти. У Терезы есть все — кроме верного друга и надежного плеча, но тут я бессилён. Если Джеральдина пожелает навеститься за мной — пожалуйста. Мне уже все равно. Только нужно уберечь тех, кого еще могу, хотя бы от чего-то. В остальном надежда на вторую Хранительницу, эту девушку, у которой и так полмира на плечах. А то и больше.

Мысли о Хранителях вызвали новый приступ. На этот раз гнев стал ярче. Ярко-красные звездочки рассыпались перед глазами, тело охватило нервное возбуждение, в груди фейерверком рассыпались иглы, жалящие и побуждающие действовать. Не хотелось думать о том, что именно они просили сделать.

С трудом управляя дрожащими пальцами, я сложил записку и оставил на ее столе. Поскорее вышел, ведь вид всей комнаты причинял боль, совсем не ту, что приходила от приступов. Другую, сладкую и мокрую от слез. Стряхнув с себя оцепенение и отвесив еще одну пощечину, я подхватил мешок, наполненный всевозможной утварью, и выскочил из Астровода, припуская вдоль берега.

***

Василиса оторвалась от нас и теперь шла далеко впереди, почти обнимая Джейда. Они все говорили, причем совершенно не о деле — обсуждали все на свете, не умолкая, толкались и шутили; время от времени тишину и промозглый туман взрывали громкие смешки.

Кассандра нахмурилась и не подпускала меня близко. Пришла ее очередь волочить сумку, до отказа набитую провизией, и, сколько я не старался отобрать ее, девушка только молча уворачивалась. Наконец, оставив ее в покое, я вернулся в хищные лапы собственных

мыслей.

Невеселая картина вырисовывается. Мы одни — не только в темной пустоши, но и вообще во всем мире. Тащимся не пойми куда, да еще и то и дело слышится ужасающий рев, словно зовущий. Больше всего донимало осознание, что не меня.

Чтобы отвлечься от мыслей, накатывающих и сковывающих паническим страхом, я прибавил ходу, догоняя Джейда. На мое счастье Лисса больше не мучала парня, а молча шагала чуть в отдалении.

— Мы вот уже часа два, как премя в никуда! — начало звучало, словно каприз маленького ребенка. Я сморщился от отвращения и попробовал снова — не пора ли на привал?

Джейд глянул на меня и по глазам я понял, что он мысленно слишком далеко отсюда, чтобы что-либо услышать. Сдался и просто пристроился рядом, надеясь своим видом привести его в чувства.

Василиса заметила меня и затормозила, пропуская вперед, а потом и вовсе развернулась, и скрылась во мгле в обратном направлении; должно быть, предвкушала перепалку. В груди неприятно закололо, а спустя четверть часа ненависть к себе затмила все. Не сдержавшись, я снова обратился к пареньку:

— Ку-ку! — сил просто не было — меня не жалко, так о девушках подумай, — слабо надеюсь, что сработает.

— Может, действительно, — Джейд всмотрелся в туман позади нас и, похоже, только сейчас отметил, что не видно ни зги — поворачивай, найдем их и встанем на ночлег. Очевидно, мы и к утру не доберемся, а идти не можем уже сейчас.

Обратный путь тоже проходил в молчании, хотя мне казалось, что голоса в голове разносятся на всю округу. Стараясь перекричать остальные, завывал зверь; тихо шептало то, что заставляло внутренности скрутиться от сладкой боли, а вторил ему голос отца — холодный, как лезвие, бросая металлические блики, слишком яркие, чтобы видеть что-либо еще.

Четвертый лишний

Мы ничего еще не успели сказать друг другу, как парни вынырнули из тумана в паре шагов. Похоже, Эрик взмолился о пощаде; я и сама с досадой подумала, что такой желанный источник силы, манящий и умоляющий окунуться и забрать хоть немного из его мощи, так далеко. Раздражение мелкими колючками впилося повсюду.

Пока устанавливали палатку, я успела окинуть взглядом ребят. Все как в воду опущенные. Мы не стали ужинать, просто молча спрятавшись под брезентом; почти сразу все уснуло, но я никак не могла прогнать отголоски чудовищного рева, ударяющиеся о стенки мозга. Среди разгоряченных тел скоро стало нечем дышать и я, тихо чертыхаясь, выскользнула наружу, с удовольствием подставив лицо ветру. Понадеялась, что зверь уже уснул и не потревожит нас ночью.

Зря. Как будто нарочно, гул снова прокатился по долине, затихая где-то за тысячи километров вглубь материка; внезапно пахнуло жаром, море, казалось бы, лежащее так далеко, заплескало под ухом, шум волн сбивал с ног. Откуда-то полетел песок, оседая мелкой пылью на ресницах, и все стихло. Я с досадой отряхнулась, силясь привести себя в порядок. Подозрительная тишина только дразнила слух и я, чтобы отвлечься, взялась за костер; ребята спят слишком крепко, чтобы услышать треск поленьев.

И все же, не спать всю ночь оказалось не лучшей идеей. Когда солнце наконец поднялось и из палатки слышались шорохи, я уже не чувствовала пальцев, но продолжала сидеть — ведь это и было моей целью. Перестать чувствовать. Иронично; десять часов назад я упивалась чьей-то мощью, так легко передающейся. Я наслаждалась чьими-то стенаниями и мольбами, мне так нравилась бесцельная ярость; но стоило поддаться — и силы буквально переполняют, вязко затекая во все щели, и я уже сама изнываю от безысходности. С ужасом поглядев на камешек, я спрятала его под пенек, наспех установленный у костра, глубоко зарыла в глинистую землю, но энергия продолжала толчками выплескиваться, словно из свежей раны. Сейчас же я понемногу гложла к настырному зову. Пусть это и значило перестать чувствовать вообще что-либо — главное, чтобы пропало то, что я сама и притянула.

Я надеялась, что из палатки выглянет взъерошенная голова с короткими кудрями, но первой проснулась Касс. Она, зевая во весь рот, словно совершенно ничего не происходит, и мы все лежим дома, на ворсистом ковре, выгнулась, помахала руками, еще раз зевнула и только тогда заметила меня. Впрочем, ничуть не смутившись, подруга подседа ко мне, вороша костер палкой.

А меня словно окунуло в бочку, где одна ложка дегтя вдруг вытеснила весь мед. В густой темноте я только и могла, что думать о Кассандре. Как я могу называть ее подругой? Как я могу так относиться к себе, что позволяю оставить эту связь? Но кто она, если не друг? Было бы проще, если бы она не открылась, и мы оставались по разные стороны пропасти, но она позволила притронуться. Теперь же, когда мне не нужна ее преданная любовь, как ее отодвинуть? Обрасти колючками я всегда сумею, но тогда что-то неладное заподозрят все.

Так и не придя к хоть какому-нибудь решению, я просто уставилась на девушку. Она принесла сухого вереска, расчистила площадку и обложила ее влажной глиной. Куда-то убежала, словно ветром сдуло, и вернулась с вестями о найденном роднике. А я как будто и

не сидела здесь, у огня.

Парни, только очнувшись от беспокойного сна, кинулись помогать Касс, и вскоре потянуло ароматом еды. Я, спешно очнувшись, набросилась на завтрак. Ребята перешучивались, уминая кашу, и даже Эрик, похоже, наконец влился в общее русло. Идиллия.

Идиллия была, но продлилась немного. Все оборвалось, словно кто-то перерезал провода, когда Касс спросила:

— Я запугалась. Да, я знаю легенду об Обителе Страх; но здесь-то мы зачем? Джейд идти на странный гул, похожий на рев гигантского зверя, конечно, смело, но зачем? Вечером все было абсолютно ясно, но сейчас эти воспоминания слишком похожи на морок, — выпалила она, не глядя ни на кого. Точнее, глядя не на нас с Джейдом.

— Если честно, — Эрик, непривычно мнущийся эти дни, еще сильнее сжался сегодня с утра — я тоже не уверен, что был в себе, — он оборвал слова, покосившись на каждого по отдельности. Я поняла, чего он хочет:

— Я ничего подобного не помню, но вам верю. Если вы хотите — запросто верну вас на место, туда где все началось, и без вопросов. Но если хотите идти до конца, — я выдержала паузу, отчаянно надеясь, что выбрала верный тон, ведь самого чувства уже не помнила — то я буду безмерно благодарна и все объясню.

— Я уж точно никуда не собираюсь, — Джейд предал мне байковое одеяло.

— Значит, нужно пояснить. Когда в то утро я потеряла сознание, вы решили, что это морок. Но кто мог такое проверить, если все кругом уснули? Я не хотела верить, но все же решила попробовать — и это действительно оказалось воспоминанием, в которое я смогла переместиться, как в любое другое свое. И я думаю, оно пришло не просто так — и гул или рык, чем бы оно ни было, тому подтверждение.

Рассказывая, я судорожно перебирала в голове воспоминания, пытаюсь подгадать с интонацией, как вдруг сообразила — ведь это все я уже рассказывала дважды — Кассандре наедине и ребятам прямо перед тем, как мы переместились. Так зачем она спросила?

Миллион ярких огоньков пронеслись, вспыхивая и потухая, слишком быстро, чтобы остановится на одной мысли и ее обдумать.

***

Потянуло сигаретным дымом; я закашлялся, поднимаясь на локтях и осматриваясь. Видимо, под наступившее после монолога Касс молчание я умудрился отключиться. Возвращаться в реальность не хотелось, и я позволил сну унести себя глубже.

Теперь к запаху хороших сигарет прибавился металлический — так пахнет кровь; я вздрогнул и встал на колени, тщетно всматриваясь в мутно-серую пелену. Где-то звонко звякнуло стекло бокала, опущенного на лакированный стол. Послышались приглушенные голоса, все низкие, хриплые, со вкусом льда. Щелкнула задвижка, голоса притихли, и я наконец смог разглядеть, где нахожусь.

На месте шкафов с пыльными книгами зияла дыра распахнутых дверей. Дерево поблескивало в свете хрустальных ламп. Там, за потаенным входом, расположилась просторная комната, сплошь уставленная креслами и низкими столиками для выпивки. Под потолком все еще парило облачко сигаретного дыма, оставленное недавними гостями. Я осторожно шагнул в настоящий отцовский кабинет.

Здесь он хранил все бумаги «по работе». Здесь же до его смерти лежало все оружие — все то, что не показывают глазам правительства. Комната пустовала, и я с любопытством рассматривал сантиметр за сантиметром; папа позволил мне войти сюда лишь однажды, но тот день я в упор не помню.

Сзади кашлянули и затянулись из массивной трубки слоновой кости. Как во сне, медленно, не веря ушам, я обернулся.

— Отец?

Мне отчаянно хотелось кинуться ему на шею, душить объятиями, плакать, выть и снова плакать. Но я лишь проверил, одет ли по случаю, и поднял глаза на призрака.

— Это только воспоминание, — он затянулся, как ни в чем ни бывало, и кивнул на ближайшее кресло — скорее, напоминание. Не ври себе — я мертв.

Слова застряли даже не в горле, а где-то ближе к сердцу, или где они вообще появляются. Я опустил на шелковые подушки; горло сипело и першило, но я заставил себя переключиться на происходящее.

— Ты не туда свернул. Я терпел, ждал до последнего, но ты забыл о самом главном. Пришло время напомнить.

Я вздрагивал от каждого слова, произносимого скрипучим, хриплым голосом. Запах виски щекотал ноздри и душил. Еле прохрипел:

— О чем ты?

— Тебе помешали. Вспомни наши уроки; вспомни все. Устрани угрозу.

Он умолк и, к моему немому несчастью, побледнел. Не его кожа, а он сам словно выветривался, как зыбкий туман. Образ стал мутным по краям, и вот уже совсем исчез, как будто рассеянный внезапным сквозняком. Вокруг снова сгустилась пелена, перекрывая кабинет.

На месте отца сидела девчонка. Одета в белое трико, плотно сжавшее худенькое тельце. Пышная юбка из фатина, словно паутиная сетка, укрыла сильные маленькие ножки. Девочка согнулась, завязывая атласные ленты туфель на лодыжках; совершенно не обратив на меня внимания, она подскочила, балансируя на кончиках пальцев, слегка покружилась и радостно кинулась в объятия девушки, выглядывающей из-за двери. Двое в балетных туфлях обнялись и побрели по длинному коридору, устланному лакированным паркетом.

Откуда-то слева раздалась музыка. Тихие трели скрипки отдавались эхом в полупустом зале. Девушки подкрались к шторке из красного бархата, отделяющего коридор от сцены театра, и выглянули за ткань. Где-то там в тонкую шелку были видны порхающие танцовщицы; тонкие руки взлетали вверх и опускались, прижимались к легким юбкам. Балерины кружились и малышка в розовых туфлях стала притоптывать в такт.

— Я хотел девочку!

Голос упал на сознание тяжелым камнем, мужчины хрипел и выл от негодования.

— Я хотел все исправить!

Он захлебывался в собственной досаде; невыносимое чувство беспомощности.

— Я хотел, чтобы это прекратилось!

***

Так и не решив, зачем Касс спросила такое очевидное, я насупилась; хотя тут же прыснула со смеху, потому что Эрик отключился прямо у костра, сидя на промерзлой земле.

Мне хотелось растолкать его и велеть лечь хотя бы на плед, но, глянув на ребят, которые не собирались уходить, я передумала. Дала себе пощечину — с каких пор меня вообще волнует, не холодно ли Эрику.

Кассандра с братом о чем-то шептались, почти касаясь лбами. Костер еле трещал, но тело словно сковало ледяной коркой, так что я осталась сидеть и глядеть, как истлевает последнее топливо. Туман отступил к утру, но холодный ветер все равно беспризорником шатался по пустоши, обвевая спину. Я поежилась.

Джейд встал, похоже, собираясь на разведку по долине. Парень глянул на меня и, больше не оборачиваясь, скрылся среди вереска. Трава походила мягкими волнами. Я снова вздрогнула и оторвалась от полусгнившего бревна, направилась к палатке.

От нечего делать выволокла свою сумку на поляну. Еще в городе Джейд раздобыл мне спортивный рюкзак, и я напихала туда те вещи, что нашлись в моих карманах и еще немного из того, что мне предложила Касс; они заботились о маленькой, беззащитной Лиссе. Я было скривилась, но заставила себя вернуть на лицо каменное выражение.

Те вещи, что лежали сверху, сразу оказались на полу: вязаный свитер, пара джинс и огромный дождевик, который Касс сдула и умудрилась вместить в тканевый рюкзак.

Но на дне я прятала то, к чему долго не могла прикоснуться. То, что пыталась прогнать, забыть окончательно, но мамины часы продолжали сверкать со дна рюкзака. Я не помню, когда она передала часы мне — это была какая-то простая и даже глупая причина; это не важно. Хотелось заплакать, чтобы со слезами ушло все, что мешало сосредоточиться, но плач не шел. Я только всхлипнула и отодвинула часы в угол сумки. Просто не думать не выходило и я, плюнув, достала тикающий механизм, повертела, любуясь на блики, которые скакали по металлическим граням даже несмотря на то, что солнца не было.

Воспоминания грозились затопить, но я не сопротивлялась и вскоре обнаружила, что больше не тону. Картинки просто проплывали, заставляя улыбаться раз за разом, но не душили фейерверком чувств. Обрадованная, я всмотрелась внимательнее. По внутреннему телевизионному ящику как раз крутили момент — мы сидим у духовки, жадно вглядываясь в пышущие жаром булочки и отсчитываем минуты до готовности, словно это может заставить их испечься быстрее. Это булочки с яблоком, которые я так и не научилась печь. Слезы наконец пришли, скупно выкатываясь по одной бусинке, но было уже не важно. Часы в руках, тихо и мелодично тикая, отливали золотом, также, как глазурь в духовке. Они сверкали и словно светились сами, за неимением солнца.

Светились сами.

Часики действительно отбрасывали солнечных зайчиков. Чем больше я вспоминала, тем ярче они светили на потертую ткань брюк. Я поспешно нырнула в палатку, боясь быть замеченной, и представила тот вечер ярче. Картинка буквально вибрировала, мозг нагрелся до предела, часы нестерпимо жгли ладонь. Вдруг их поверхность заходила ходуном. Решив, что расплавила металл, я в ужасе бросила сверкающие часы на спальник; но то, что так долго ждало ключа, наконец открылось. Я перевернула браслет и заметила, что обратная сторона, та, под которой должны находиться шестеренки механизма, превратилась в крышечку. На все еще мягком металле проступили слова:

«Ты больше, чем ты думаешь».

Я сглотнула. Мама никогда не разговаривала со мной о магии, но она ничего и не скрывала. Она жила в счастливом неведении — так я думала. Мама не умела врать — в это я верила до сих пор.

Хорошо, возьми себя в руки.

Мама не причастна — также, как и Мика. Должно быть, она и не думала, что носит на запястье не простые часы. Устав гадать, я рывком распахнула крышечку, ни на что, впрочем, не надеясь, ведь за ней наверняка лишь винтики и шестеренки.

Хотя нет, в глубине души я была уверена, что обнаружу что-то невероятное и поэтому была так разочарована, когда действительно обнаружила часовой механизм там, где ему и место.

Часы окончательно остыли и превратились в бездушную железку. Я подозревала, что идея снова воскресить в памяти процесс выпекания булочек — слишком простая, чтобы быть решением. Заставив себя отстать от бедных часов, я прикрыла крышку и любовно провела пальцем по надписи. Это были мамины слова. Я слышала эту фразу каждый раз, как приходила к ней за советом.

Убрав мамин подарок на место, я взялась за стопку гадальных карт. Невероятным образом они пролежали в моем кармане с самого прощания с Тесс. Карты она взяла у Лили, чтобы научить меня гадать. Я рассеяно перетасовала колоду и разложила перед собой.

— Чтоб вас всех!

Я вздрогнула, зачем-то укрыла карты рукой, но высунуться наружу не посмела. Впрочем, тонкий брезент палатки не препятствовал звуку.

— Успокойся!

— Хватит на меня орать!

— Я ору потому, что никуда мы без Джейда не пойдём! Хоть даже и слон пришел и рассказал тебе, что мы упускаем момент!

— Между прочим, видение настоящее!

— Заткнитесь оба!

Повисла гробовая тишина. Я сжалась, судорожно пытаюсь разобраться, что произошло. На поляне кто-то тяжело дышал, а кто-то, скрипя зубами, пинал землю. Вдруг в палатку заглянул Джейд; парень успел где-то растерять всю свою уверенность и выглядел как-то помято.

— Выходи, пожалуйста.

Я ненавидела чувствовать себя маленьким ребенком, за которым все ходят с ложкой каши, но все же выбралась. В пустоши все еще было холодно, как на Арктическом полюсе, и я хмуро укуталась в первое попавшееся ватное одеяло, которое кто-то бросил на землю.

— Чего у вас тут? Хлеб с маслом не поделили?

Кажется, Эрик серьезно оскорбился. Он нахмурился и отошел так далеко, что стал еле различим в голубоватых сумерках. Джейд пустился в объяснения.

— Этому, — он кивнул на лохматую фигуру в отдалении — привиделось, что какое-то чудовище...

— Дракон! — не вытерпел парень.

— ...что какой-то дракон просит нас прийти поскорее, чтобы не упустить камень Земли. Он хотел идти один, но Касс его поймала.

— И зря!

— ...может быть. Но, в любом случае, если мы передвигаемся, то вместе.

— Может, я займусь ужином, и мы все решим за едой? — Кассандра, похоже, не спрашивал, а просто ставила перед фактом. Где-то среди вереска раздалось гневное:

— А, чтоб вас!

Шаги, пинающие глиняные комочки и с хлопками проваливающиеся в ямы, скоро затихли. Мы молча помогали Касс, подавая продукты и забираясь по очереди в огромный тюк с провизией, чтобы выловить крупу или соль.

Звезды скоро осветили вереск, делая его каким-то неземным. Сухая трава отливала серебром, качаясь в такт стрекоту сверчков. Из котелка тянуло ароматом приправ и кофейных зерен. Пламя отбрасывало искры, а мы торопились их затоптать, чтобы не поджечь пустошь. Эрика все не было и мы, молча решив оставаться до тех пор, пока он не вернется, на месте, принялись за пшенку и кофе. Ночь стремительно неслась к середине, но сон не шел.

Керамическая чашка звонко звякнула, ударившись о край тарелки; даже слишком звонко. Джейд решительно встал, отставив в сторону посуду и заявил:

— Выдвигаемся.

Гробовое молчание не смутило парня, он отнес посуду к ведру с водой, которую мы бережно хранили, ведь отыскивать ручки среди пустоши становилось все труднее. Затем он прошествовал мимо нас и нырнул в палатку, видимо решив собрать вещи. Он пронес огромную сумку к краю поляны, навалил на кочку и вернулся к темному силуэту из брезента. Наклонился и вытащил один за другим колышки, свернул то, что служило нам домом, а в сложенном состоянии занимало не больше места, чем половина провианта, и, даже не глянув на нас, присел возле сложенных вещей.

Первой очнулась Касс и потянула меня за рукав; мы за десяток минут молча уложили остатки вещей и еще до того, как время перевалило за полночь, один за другим вышли в пустошь.

Через пару часов молчаливой ходьбы я поймала себя на том, что снова до боли вслушиваюсь в тишину, на этот раз надеясь уловить звуки шагов. Мне даже чудилось, что слышу, как Эрик в приступе немой ярости швыряет камни и взрывает влажную землю носком кед, но раз за разом мне приходилось признавать, что это лишь мираж.

***

Ночь в пустоши встретила криком птиц и бесконечным шелестом вереска. Он заполнял уши и не давал толком слышать даже собственные шаги. Все вокруг выводило из себя, все доводило до тупой ярости. Я словно бился в стену, но ничего не мог сделать. Я потерялся в абсолютной пустоте, хотя не знаю даже, как в нее попал и уж точно не в курсе, как выбраться. Словно всего этого было мало, сверху очаровательной ярко-красной вишенкой висел тот факт, что я оставил Василису в лапах у тех, кто не поскупится ей на изощренные пытки под видом общественного долга. Да, она не святая, но и не виновата в том, что пережила и тем более в том, кем является. Она не выбирала ни родню, ни жизнь — а они не дают выбрать хотя бы сейчас, что делать. «Все уже решено, Василиса»; «ты всего лишь маленькая девочка, Василиса, что ты можешь?».

А еще ты очень хочешь сказать кое-что другое.

Мысленно вылив на себя ушат отборной брани, я схватился за волосы. Чтобы вас всех! Никакая боль не дает забыть, кто я есть и что могу сделать. Точнее, что не могу сделать — я не могу ничего. Ничего!

Это все пустое. Как об стенку горох.

Нужно собраться. Я один за несколько километров, которые пронеслись, как шаг, от

ближайших людей. От вообще единственных людей на Земле, если быть точным. Пора бы выпутываться, пока от меня не остались одни косточки.

***

После четвертого часа ночи в глазах зарябило. Вереск качался в такт с криками птиц. Все вокруг качалось и кружилось в бесконечном танце, сверчки стрекотали, огромные темные фигуры, которые никак не могли быть птицам, пересекали небо над нами, в голове стоял непроглядный туман. Я покачнулась и упала на колени, сбросила тюк с провизией и схватилась за виски. В уши словно набили ваты, я ничего не ощущала. Ноги давно отнялись, руки окоченели и тряслись. Сзади в меня врезалась Касс и упала рядом.

Я была готова пролежать так ближайшие пять лет. Блаженная дремота укутала в мягкую тишину и было не важно, что мерзлая глина комочками прилипла к свитеру.

Шаги впереди, бывшие единственным островком реальности на протяжении последних дней, затихли. Джейд повернулся на носках, перебрросил сумку с плеча на плечо и зашагал в обратном направлении.

Вата выползла из ушей и обволокла меня всю.

— Ну же! — взволнованный шепот — пожалуйста!

Кто-то вздохнул и сел рядом, прошуршав одеялом. Я хотела потянуться и встать, но тело не слушалось.

— Кассандра вышла за водой. Мы остановились у ручья, — голос помедлил, словно хотел увидеть знак, что я его слышу — солнца не видно уже третий день, видимо, на подходе дождь или что похуже. Припасов совсем мало, но это меньшая из проблем. Представляешь, Лисса, мы превратимся в дикарей и будем ловить диких кроликов и закалывать деревянными копьями. Ха!

Ты лежишь вторую неделю, не подаешь никаких признаков жизни. Я, между прочим, каждый день прихожу так; слышишь ли ты вообще? Почему-то сейчас, когда мы можем тут все умереть, я думаю о совершенно не важном. Хотя нет, мне-то это важно, но то, что я тебя люблю, никак нам не поможет.

— Что? — тело наконец выпало из анабиоза, сердце подпрыгнуло и заколотилось о ребра с бешеной силой.

— О Боже, Касс, она очнулась! Касс?! — Джейд соскочил с самодельной кровати, кинулся к выходу из палатки, потом передумал и вернулся, остановился наконец у моего изголовья, в изнеможении упал на колени и замер.

— Что ты пугаешь? — прошептала я, медленно поднимаясь и тут же запутываясь в куче одеял.

— Прости, прости, — бормотал парень, помогая мне выбраться из кокона — как ты?

— Ничего вроде, — я не знала, что еще сказать. Гнетущее, тягучее молчание затягивалось.

— Джеееейд! — донеслось из пустоши — да что у вас там?! — Кассандра вопила во все горло, торопясь с полным ведром воды с ручья.

— Она очнулась.

Ребята зашептались, отойдя от палатки, и я с сожалением признала, что не могу их слышать; хотела было встать, но перед глазами поплыло, пришлось смиренно занять сидячее

положение.

Последние четыре главы я опубликовала вне очереди, потому что книга почти дописана и я больше не хочу, чтобы текст так долго лежал перед выкладкой. Эта глава 14, а я начинаю 19 и подозреваю, что она предпоследняя.

Когда я закончу книгу, черновик еще неделю полежит здесь и будет удален. Я опубликую "Ночных Хранителей" в конечном виде, как только они пройдут через редактуру.

Спасибо всем, кто читает эту книгу, моим бетам и Братству Читающих Писателей за поддержку.

Под землей, на удивление, было светло и уютно, насколько вообще может быть уютно в логове безымянной. Несколько уровней ее обиталища, соединенных между собой переходами, отрезали все пути к побегу; хотя я, утирая красную дорожку с щеки, и не собирался даже пытаться отсюда выбраться.

Признайся хоть сам себе, что тебе здесь действительно уютно. Ничего нельзя сделать. Все уже решили, а ты только сиди и смотри несчастными глазками. Ну же, признайся.

Будь храбрым, Аарон.

Я поджал губы и помотал головой, прогоняя навязчивый голос. Ненавижу это имя.

Чтобы отвлечься, взялся в сотый раз осматривать каморку, в которой меня заперли, и считать сколы на решетке прямо передо мной. Сзади — куча сена и покрывало, еле его закрывающее; я сам сижу на голом полу, задумчиво касаясь глиняного кувшина с водой — единственного предмета в камере. Коридор от моей дверцы, запертой на навесной замок, идет строго прямо, красуясь идеально гладкими стенами без единого окна или двери. В первый вечер я напрягал глаза до боли, но так и не разглядел его конец.

Но, похоже, он там имелся — потому, что где-то в глубине подземного лабиринта раздались шаги. Я вскочил, чертыхаясь и растирая отдающую гулкой болью спину, и снова всмотрелся в черное пятно коридора, ожидая увидеть округлую фигуру моего тюремщика, или, на худой конец, щуплую и долговязую женскую.

Но вместо этого меня затянуло в кристально-чистый прохладный океан. Лили, спотыкаясь и путаясь в подоле, прыжками преодолела десяток метров и прижалась к решетке плечом, переводя дыхание и одновременно дрожащими руками вставляя ключ в скважину. Дверца распахнулась, и девушка замерла, глядя себе под ноги.

Будь храбрым, Ник.

Она оказалась куда тоньше и легче, чем на вид, и я на пару секунд даже приподнял ее над полом, но потом тут же смущенно вернул на место, пытаюсь оправить платье, которое не выдержало моих объятий. Первые мгновения я до чертиков боялся, что кровь с моего виска испачкает ее мраморную кожу, но потом это стало неважно. Вообще ничего больше не было важным.

— Я тоже рада тебя видеть.

Я, как дурак, закрыл рот ладонью, потому что стереть с моего лица улыбку было не под силу даже древней магии. А она, как ни в чем ни бывало, сложила руки на коленях, как учили книжки по этикету для девочек, и без капли брезгливости опустилась на сено, служившее мне постелью.

— Ты как? — еле сдерживаясь, чтоб не кинуться и не задушить ее в попытке отогреть.

— Все правда в порядке, — Лили придвинулась ближе и только тогда я заметил ее хмурые брови — а вот у тебя — нет. Джеральдина настроена решительно, ты знаешь?

Меняхватило только на кивок, но девушка, вроде, осталась довольна.

— Я еле выпросила нам встречу, поэтому у меня есть всего четверть часа. Но ты не думай, я над этим работаю — глядишь, будут у тебя такие же шикарные покои, как у меня.

— Ты ведь не за этим пришла? — мы рассмеялись, оба, похоже, чувствуя себя сумасшедшими.

— Ага, — ее движения стали свободней, Лили даже позволила себе вытащить локон из безукоризненной прически и намотать его на палец — я все никак не могу понять, зачем ты-то здесь? Если честно, я вообще ничего не могу понять.

Я вздрогнул, тут же попытавшись прогнать нервный озноб. А все так хорошо начиналось.

И все же пересказывал я рукописную книгу, оставленную Терезе, куда с большим удовольствием, чем мог бы. Я просто машинально двигал ртом, глядя только на нее — на голубое платье, на каштановые локоны, от волнения выпрыгнувшие из строгой косы, на тонкие пальцы.

***

Василиса как-то съежилась, превратилась во что-то сплошное, без входа и выхода. Девушка целыми днями находилась в одной позе, словно в анабиозе, только покачивалась иногда из стороны в сторону. На второй час беспрестанных попыток ее расшевелить я сдался и подался в караульные, ведь в пустоши все еще не взошло солнце, а несчастный Джейд хотел спать.

Оперевшись на тоненький березовый ствол, я сфокусировался на кончиках пальцев, как делал уже сотню раз до этого, и словно тоже, как и Лисса, уплыл из реальности, погрузился в привычное сновидение.

Пользуясь отцовским способом, я ушёл в свои мысли, пытаюсь навести в них хоть подобие порядка.

В голове, болезненно пульсируя, всплыла легенда. Впрочем, думать-то сейчас действительно больше не о чем. Я мысленно посетовал на то, что до Лиссы не достучишься и тем более ее не разбудить чем-то вроде: «Василиса, дорогая, а ты знала, что твоя мама убийца?».

Человек обосновался в лучших местах...

Оказалось, я так часто повторял легенду, что она отпечаталась в моем мозгу в точности до последнего слова.

Вот уж действительно — все началось с человека. Может, безмозглым животным куда легче живется — за ними повсюду не следует тень. Их не накрывает по вечерам удушливым запахом отцовских сигарет, а уши не пульсируют от женского крика.

Но людям всего было мало...

«Я хотел все изменить!»

Как глупо — переживать из-за слов фантома. Это был не отец.

Но он действительно не тебя хотел. Не мальчика.

Глупо, глупо, глупо! Это не стоит того. Я взвыл, цепляясь за волосы, глаза застелила красная пелена. Реальность выскальзывала из рук, я уплывал все глубже; так хочется поддаться и упасть.

Они требовали от жителей города власти...

А мы и не просили — мы просто брали, что хотели. Брали, даже если у тела уже перерезано горло, нам было все равно. Мерзко и глупо. А потом мы садились за один стол с моей матерью, и я чувствовал себя последним уродцем, червяком, которого вот-вот растопчут. Но на следующий вечер все равно шел к ним и смеялся, и пил, и глушил крик смертельного ужаса ладонью.

Белая и Черная армии бились целыми сутками и нигде нельзя было укрыться от их мечей...

Может, вы хотите сказать: «нигде нельзя было укрыться от мыслей»? Если да — я вам охотно верю. Я как будто бился в закрытые двери; впрочем, сам виноват. Это походило на зависимость, куда глубже, чем отцовские наставления и похвала. Я знаю, то, что я делаю не поможет, но я не могу остановиться; волны накатывают все чаще и я уже не успеваю встать, прежде чем упаду от новой порции соленой воды.

И тогда на город снизошла магия...

Вы хотели сказать «что-то новое»? Что-то, что страшно называть по имени, что страшно спугнуть неловким движением. Как бы не рассмеяться на похоронах, попивая его любимый виски. Тогда это было не важно, тогда хотелось хоть один день не думать о дипломатии, а отпустить себя, чтобы переживать короткий разговор в переулке с первой встречной. Со случайным прохожим, которого не хватило духу прикончить даже в честь отца.

Они определили по четыре человека в каждое столетие...

Интересно, на Земле остались еще хранители из других времен? Или Джеральдина все перестреляла? Да какая вообще разница?

Воюющий народ покорится их мягким рукам, хотя эта битва и не главная.

Перед глазами снова поплыло. Пронесся Млечный путь, игриво сверкая звездами-огоньками. Земля, только что лежавшая под ногами, бросилась к лицу, царапая его мелкими камешками. Я перевернулся на спину, растирая онемевшие от холода щеки. Черт!

Хотя эта битва и не главная.

Черт! Черт, черт, черт!

Нужно сказать Кассандре, срочно!

Нет, остановись, Эрик. Замри и подумай.

Я медленно сел, озираясь и убеждаясь в том, что комната, которую мы выбрали нашим пристанищем, все еще пустует. Палатка стоит в соседней каморке, опираясь на древние стены, а я дежурю ближе к выходу из лабиринта. Поблагодарив высшие силы, что я все еще один здесь, я аккуратно навалился на стену и не выдержал, схватился за голову.

Нет, никому нельзя знать. Я буду молчать до последнего.

И дашь ребятам погибнуть ни за что? И Кассандре не скажешь?

Противный голос холодными пальцами залез под рубашку, схватил за ребра. Действительно, что мне с того, скажу я или нет?

Нет. Ты знаешь, что это минутная слабость. Ты знаешь, что такого не бывает — и уж точно не у тебя с этой девчонкой. Скажешь сейчас — и раскиснешь окончательно; избавься от них.

Уверенно, низко, с хрипотцой, запивая светлой жидкостью из пузатого стакана. Надежно и всегда верно. Никому ни слова.

***

Я поглубже погрузила пальцы в теплый песок и перевела взгляд на воду. Улыбнулась, вспоминая, за что так люблю ее — она будет подкрадываться прибоем, смачивая ступни и отдалятся, раз за разом, чтобы ни случилось. Прибою неважно: мир сошел с ума, Земля перевернулась, сделалась плоской, покрылась пеплом после сражения — он продолжает монотонную работу.

В животе заурчало. Я поглядела на кусочек вишневого пирога рядом с собой, но не прикоснулась к нему и перевела глаза на небо. Облака сегодня, добравшись до края горизонта, столпились там и зависли, лениво оглядывая пляж. Я откинулась на спину, продолжая ногами ощущать теплые волны, и нашла взглядом солнце. Если отвлечься, есть не так хочется.

Нет, это так глупо. Я села, подгибая ноги и складывая их по-турецки, и схватила пирог. Я все равно захочу есть и на долго не растяну этот кусочек. Может, стоило сходить в деревню и поискать провизию, но есть краденное пока не хотелось.

Хотя кто знает, до чего я дойду. В конце концов, на километры вокруг ни души. Так какая разница, что я сделаю, если это никто не заметит?

Пирог кончился слишком быстро; я окунула горячее лицо в воду, со смехом тут же выныривая — мелкой рыбешке вдруг вздумалось вылупится на меня в оба круглых глаза. Хохоча, я скинула платье и бросилась в воду, подняв облако горячих брызг. Отсюда небо казалось еще больше, оно сливалось с голубым морем.

Я зашла в замок только вечером, да и то лишь за ватным одеялом. В последнее время я не ночевала здесь — слишком много темных пустых комнат, слишком много писем, недописанных, прерванных посередине и оставленных на столах, слишком много примятых постелей, чашек с остывшим чаем. К счастью, на первом этаже было предостаточно спален, чтобы выбрать, откуда вынести перину и подушки. Сначала я думала, что возьму у кого-то из знакомых — чтобы чувствовать запах сестер и вспоминать наши занятия. Но шагнуть комнату Лили или Селены, моей подруги по занятиям, я не смогла и трусливо стащила все с постели из комнаты, обитательницу которой я не знала.

Вчера, лежа на чуть жесткой перине, я перебирала в голове воспоминания. Тогда-то я и обнаружила, что забыла множество из имен, которые, казалось, отпечатались на внутренней стенке мозга. В голове сохранился образ Мелиссы — с ней мы никогда не ладили. Казалось бы, можно было запомнить любое другое имя, но не девушки-занозы. Девушки-надоедалы, вечного пятна, девушки-сама-грация-и-манеры. Вспомнилось, как я взяла под опеку Лили — маленькая, зашуганная старшей сестрой. А теперь я то боюсь, что никогда больше не увижу ее, то покрываюсь мелочными мурашками при мысли о том, какой она будет, когда мы встретимся.

Сначала мне было ее жаль. Она не справлялась со своей силой — ей не хватало не столько смелости выйти против огня, сколько любви и уверенности. Для Мелиссы она была стыдной кляксой на репутации. Неправильной. Лили обладала чем-то жутким и слишком опасным, чтобы попасть в круг приближенных Мелиссы. Сама она, конечно, страшной не была — по крайней мере мы все связали себя молчаливым обетом и говорить о ее силе не разрешалось даже в своих комнатах.

Их было двое — опасных, не вписывавшихся в наш идеальный мирок Колдуний. И страшнее было то, что они сестры — они достаточно близки, чтобы одна могла подчинить себе другую. Так и вышло. Та, что была амбициознее, взяла контроль в свои руки. Мелисса вела игру настолько тайно, в то же время выставляя все напоказ, что к ней невозможно было придрататься. Образцовая ученица. Заботливая дочь. И девушка-фурия.

Я даже не удивилась, когда узнала, что ей хватило мозгов вселиться в Лили. Раньше она уже практиковала свой дар — но мы тогда смеялись всем замком, потому что она вселилась в кошку.

Но мне не жаль Лили — она была заведомо проигравшей. Если бы не Мелисса — кто-

нибудь другой приручил ее под видом спасения от собственного дара. Хотя Евангелина не считала огонь способностью — скорее меткой. Мелисса же просто избавила ее от страданий, взяла управление пламенем на себя, оставив Лили роль, которую она всегда хотела — тень. У пламени по идее нет тени, но Мелисса наплевала на законы природы.

Прихватив бутылку молока и корзинку с печеньем, которое я, к счастью, не разучилась печь, я пробралась к укромному уголку с моей постелью — между двумя выступами, спрятанному под нависающим балконом. Отсюда всегда недалеко до входа в замок, чтобы спрятаться, и видно море, чтобы уйти.

Но это все не имеет значения, когда сон окончательно втягивает меня в омут; нет, скорее в болото — в вязкое зловонное болото, втягивает по самые уши. Я пытаюсь вынырнуть и карабкаюсь по склизким стенам, игнорируя мокриц и жаб, но пальцы соскальзывают, и я снова тону. Барахтаясь и надрывая горло, делу не поможешь, поэтому я перевернулась на спину и уставилась на звезды, стараясь распластаться, расплющиться, растечься по поверхности серо-бурой жижи, чтобы стать невесомой и не тонуть. Какое-то время мне удалось продержаться, но чудовище с острыми когтями недовольно ухватило меня за живот и дернуло так сильно, что я согнулась пополам и погрузилась в мерзкий сон с головой. Повсюду огонь, люди с мечами и пиками бегают, натывая друг друга на лезвия и всем все равно — кажется, официальная часть битвы давно закончилась, но никто не собирается прекращать. Я обреченно направилась к привычному месту. Меня в этот сон тянет последние две недели, с первой ночи, которую я провела без Аарона. Все одно и то же; одни и те же люди, а что самое странное — видение не похоже на обычный сон. Я могу свободно двигаться и даже разговаривать с обитателями сна. Так, например, я выяснила, что неподалеку от того места, где я каждый раз оказываюсь, есть пустующий домик, в котором можно переждать сон. А еще, расспрашивая воюющих, я узнала, что нахожусь в городе под названием «Астровод».

***

Шагая по коридору, я еле касался пальцами стены, обводил рисунки, выведенные краской на побеленных стенах, улыбаясь, как последний тупица. Почему-то распахнул одну из дверей, смело, даже слишком для мышки Аарона. Распахнул и скривился — на стенах слоились и множились розовые цветочки. Перед глазами зарябило, и я захлопнул дверь, продолжая движение по коридору. Поворот, лестница, три пролета, несколько шагов и я у заветной створки.

Этот дверной проем был зеркалом своей обладательницы. Аккуратная резьба по краю, нежно-лиловая краска и медная ручка. Я было протянул к ней пальцы, но замер, вслушиваясь в шум воды чуть правее входа в комнату. Лили в ванной комнате. Улыбнулся снова и уверенно шагнул в комнату.

Ждать пришлось недолго. Она выпорхнула, закованная в пышное платье, закрытая от пяток до подбородка. Лили присела на краешек кровати, машинально пригладив смятое покрывало.

В такие моменты мы просто забывали обо всем: кто мы, где и что нас ждет впереди. Пожалуй, мы оба знали вообще все о происходящем, все, что только можно знать, но ничего не могли сделать. Как и остальные Хранители, я уверен.

Сегодня нас занесло не в ту степь — вспоминали первые влюбленности. Хотя сейчас

нам годилась любая тема для разговора, лишь бы окунуться в нее с головой.

Вдруг Лили поднялась и, обойдя комнату кругом, касаясь белыми пальцами мебели, остановилась прямо передо мной. Она продолжала рассказывать свою историю — я уже и забыл, с чего все началось; пожалуй, это никому не было важно. Нужно только говорить, говорить, говорить.

Она опустилась совсем рядом, в нескольких сантиметрах. Села, погружая руки в волосы, а я против воли проследил то, как девушка сама же и распускает свою сложную прическу. На ее спине и плечи высыпались еще чуть влажные пряди, пахнущие цветами и апельсинами. Солнце, зацепив край подоконника светом, вылезло из-за сплошной пелены облаков; внутри что-то подпрыгнуло и кувыркнулось, глупо радуясь, что комната Лили не под землей — золотой свет из-за окна заставил ее локоны мерцать, вызывая сладкие мурашки.

Я протянул руку и осторожно прикоснулся. Девушка вздрогнула, опуская руки, и испуганно посмотрела на меня. Продолжая бездумно перебирать волны и пропускать их между пальцев, я заглянул ей в лицо, умоляя расслабиться и не портить момент. Так эгоистично и так похоже на Аарона.

Внезапно в коридоре раздались тяжелые шаги. Дверь бесцеремонно распахнулась, и я почувствовал жар, словно стекающий по волосам ядом. Джеральдина нахмурилась и провозгласила:

— Поднимайтесь, голубки, — окинула презирающим взглядом открывшуюся ей картину и снова гаркнула — на выход.

Идти в абсолютном молчании, сворачивая куда-нибудь каждую минуту, оказалось куда тяжелее, чем я думал. Ноги уже подкашивались, но заветного выхода из пыльного ведьминога обиталища все еще не было и в помине.

Лили плелась самом конце нашего отряда, если не считать грозного вида мужчины, который, если б не холодные серые глаза и внушающий страх взгляд, выглядел бы даже красивым. Он время от времени сжимал в кармане что-то, подозрительно напоминающие нож, и перекидывал с плеча на плечо сверток, источающий приятный аромат. Я слышал всхлипы девушки за спиной, но боялся обернуться и обнять ее, чтобы не навлечь на себя гнев Джеральдины.

Так похоже на Аарона.

Когда коридор, в который мы повернули, привел нас к деревянной двустворчатой двери, я уже хотел упасть прямо под ноги нашему стражнику и плевать, что со мной будет. Пожалуй, меня ждала бы быстрая смерть, если бы я не заставил себя шагнуть во двор.

Джеральдина вышла первая и теперь уже стояла на маленьком постаменте, вмещающем только ее одну. Она, застывшая в лучах нещадно пекущего солнца, выглядела, как памятник — каменное лицо, абсолютно ничего не выражающее, только руки воздеты в призыве к стоящим на площади.

Я проследил за ее взглядом и чуть действительно не рухнул. Лили выглянула из-за моего плеча и, пискнув, снова спряталась.

Впрочем, хуже, чем соседство с Джеральдиной, ничего не может быть; поэтому я заставил себя выпрямить спину и упрямо посмотреть на присутствующих, доказать им, что я не боюсь.

Но ты знаешь, что это не так, Аарон.

На площади нестройными рядами громоздились мужчины — одной сплошной лес коротко остриженных голов. Пара тучных старикашек неопределенного возраста

примостила у края толпы и выглядели они так, словно никакого отношения не имели к людям, стоящим в закрытом дворе ведьминога замка.

Всех остальных парней подобрали словно на конкурс красоты. Статные, с гордо поднятыми головами; единственное, что не давало обмануться — щенячий восторг и преданность в глазах, обращенных на Джеральдину. Я повел плечом, смахивая отвращение и прислушался — оказывается, колдунья уже пару минут, как что-то втолковывала своим соратникам.

Ну конечно, к чертовой матери.

Ну конечно.

Безымянные дружно покачнулись, словно их кто гипнотизировал, и двинулись к кованым воротам в дальнем конце двора. Я судорожно пересчитал их и выдохнул, выпуская воздух рывками, зажмуриваясь от боли. Двенадцать безымянных на замену трем Хранителям. Очевидно, она поставит во главу их Хранителя Огня — я не гожусь для такой роли, Тереза скорее умрет, чем пойдет в Обитель вместе с этой психопаткой, а ее подруга, Василиса — крепкий орешек. Черт знает, на чьей она стороне, но девушка не даст собой управлять. Остается надеяться, что план Джеральдины магическим образом не сработает; в конце концов, это волшебный мир. Нам отчаянно нужно чудо!

Наш стражник, очевидно, не разделял моих надежд, потому, что грубо толкнул в спины нас с Лили и приказал двигаться за толпой безымянных, уже наполовину вытекшей за ворота. Я нехотя повиновался и, украдкой сжимая руку девушки, пристроился к толпе с краю. Джеральдина и вовсе куда-то пропала; постамент пустовал, во дворе колдуньи не наблюдалось, и я позволили себе обнять стоящую рядом. Лили всхлипнула мне в плечо, но тут же отстранилась, храбро вытирая слезы нежно-голубым рукавом. Платье ее любимого цвета и кроя — тонкая синева заковала кожу девушки, не оставляя места, чтобы ни чьи глаза не смогли за нее зацепиться. Евангелина прибавила ходу и почти пулей вылетела на площадь перед замком.

Я, сжав зубы и толкнув парочку безымянных, выбежал вслед за ней и замер от страха второй раз за десять минут. То, что происходило перед нашими глазами, вселяло животный ужас, прикрываясь невинным фасадом. Джеральдина стояла в центре живого круга — безымянные, выходя со двора, брались за руки и образовывали единую спираль с концом в ладони колдуньи. Когда последние трое человек схватились друг за друга, Джеральдина вскинула голову и приказала:

— Присоединяйтесь.

По загревку пробежал табун ледяных мурашек, предвкушающих что-то нехорошее. Я прыгнул вперед и отделили Лили от гнусного парня в конце цепочки, содрогнулся и грубо сжал его ладонь, мечтая перерезать ему глотку за полный желаний взгляд, который он кинул на девушку рядом со мной. Лили же сохраняла убийственное спокойствие, глядя прямо в глаза Джеральдине.

Я не успел опомниться, как внутренности скрутились в тугий жгут, выталкивая наружу недавний завтрак. Перед глазами заплясали миллионы цветных звездочек, и я ухнул в темную пропасть.

Меня чуть не сбила с ног девушка, чья копна неестественно белых волос забила мне в рот. Я отпрянул, вырывая руку из хватки безымянного, и оглядел ее с ног до головы — впрочем, незнакомка в долгу не осталась; ее лицо, покрытое яркими румянами, выражало

смесь крайнего удивления и презрения. Если честно, я никогда не обращал внимания на то, что девчонки называют «модой». Но когда о нашей необычной компашке высказался мужчина в твидовом пальто, меня словно окунуло в кадку со льдом.

Зачем этой психопатке в другое время?

Джеральдина дернула за руку стоящего рядом с собой и через пару секунд волна дошла до нас с Лили. Идущие впереди буквально волоком втащили нас в помещение, насквозь провонявшее алкоголем. Мы прошли бар от парадного входа до дальней стены, все такой же цепочкой выбравшись в заднюю дверь, спустились по лестнице в бульвар, расталкивая отдыхающих. Толпа все шагала и шагала за своей предводительницей в платье лилового цвета, а я напряженно оглядывал тех, кто шушукался, отступая прочь от подозрительных людей.

Миновав пару улиц, мы вошли в просторное здание. Джеральдина, не сбавляя ходу, растолкала толпу и вылетела к краю платформы.

Я вертел головой, как бешеный, но ничего, кроме того, что мы ждем поезд, стоя на вокзале и, вероятно, распугав уже половину пассажиров, узнать не смог. Поблагодарив высшие силы за то, что я родом из почти из этого же времени и мне не впервой видеть поезд, я принялся еще активнее крутить головой; бедная Лили, она, должно быть, в ужасе. Кто-то сзади шикнул на меня и схватил за плечи, заставив смотреть строго перед собой.

В поезде мы заняли три последних купе. Уж не знаю, как, но колдунья выпроводила их обитателей и больше к нам никто не совался с вопросами о билетах. Сидящие напротив нас в тесной камерке гнусно ухмылялись, но молчали; я уставился в окно, но вскоре уяснил, что куда полезнее притворится спящим — Лили уже притворно посапывала на моем плече, иногда делая мне знак рукой. Наверно, девушка решила, что безымянные начнут говорить, если решат, что мы их не слышим. Я улыбнулся, глядя на тонкую белую кожу, которая словно светилась, оттеняя тусклую лампочку на потолке, и навалился на холодное окно щекой.

Мужчины, раскинувшись на диванчике и подсакивая в такт стуку колес, кажется, разомлели, потому что легко приняли наше притворство за глубокий сон. Сначала они осторожничали, едва слышно перешептываясь, но совсем скоро осмелели и заговорили в голос. Один из них, сидевший ближе ко мне, хищно улыбнулся, должно быть, оглядывая Лили, и спросил:

— Парнишку я не прочь помучить, пусть смотрит, как мы медленно прикончим его друзей, — я вздрогнул и сжал зубы — но девочка с нами на кой?

Тут внезапно раздался смачный шлепок и тихий стон. Похоже, мужчина получил в лоб.

— Ты дурак? Рогир, мы месяц торчали за стенкой от ведьминой библиотеки. Да там можно годами читать про Обитель, и книг еще останется.

— Ну кто ж виноват, что ты так охоч до книг, — обиженно прогнусавил Рогир, явно намекая, что его другу пора посмотреть на кое-что другое. Я буквально почувствовал, как ноют мышцы лица от мины отвращения.

— Дружище, девчонка — что-то вроде жертвы на праздник. Какой-то безымянный, видевший все своими глазами, утверждает, что битву открыл ребенок — девочка прошла между двумя армиями, да так долго шла, что и издохла, — он гоготнул и заговорил громче, словно нарочно дразня нас — вот Джеральдина и хочет выпустить зверюшку, когда откроем Обитель.

— Зачем? — протянул Рогир, хрустя пальцами. Снова послышался шлепок.

— Тупица! Раз девчонка открыла битву, она же и остановит ее. Больно надо безымянной, чтоб пока мы возимся, жители поубивали друг друга. Они не такие тупые, как ты, уж заметят, кто им помог и прекратил бойню. Тогда-то они и взглянут на нашу Королеву. Я закусил губу и покрепче сжал руку Лили. Ничего, выкарабкаемся.

***

С востока потянуло запахом сухой травы, готовой зажечься, если только солнце вдруг станет припекать на толику сильнее. Я утерла лоб, влажный от пота, и поудобнее перехватила лопату. Подозреваю, что во времени Василисы это делается легче.

Вот уже несколько дней солнце медленно и методично двигалось к своей цели — испепелить все живое. Уж не знаю, как у других Хранителей, но у меня земля давным-давно иссохла и превратилась в пыль, поднимающуюся при малейшем движении и оседающую на ресницах. Глаза постоянно чесались и слезились от сухости. Я, вспомнив наставления матерей, принялась за насыпь, чтобы защитить себя от грядущего пожара.

Я уже как-то раз видела пожар. Тогда огонь едва коснулся Астровода, оставив несколько отпечатков на западной стене. На этот раз же он грозился спалить меня и замок дотла.

Взмах лопатой, еще немного песка на вал; море, словно стремясь помочь, плеснуло водой на стремительно высыхающий песок. Я благодарно посмотрела на воду, борясь с желанием плюнуть на все, скинуть платье и отдаться прохладе моря. Будет еще время нежиться, а сейчас нужно закончить вал.

Я много думала все это время. Вообще, чтение и постоянные мысли вокруг всего происходящего стали единственным занятием. Я ужасно скучала по Аарону, волновалась о Василисе и страшно злилась на Хранителя Огня, кажется, Эрика, что он не оказался рядом да и вообще, похоже, не стремился помочь. Подозреваю, он и будет предателем, возглавляющим безымянных, если уже не стал.

Поначалу я боялась того, что нависло над нами, но теперь мне уже не терпится увидеть камень Земли и битву — все, что угодно, лишь бы поскорее закончить с этим. Песок, как бы намекая на скорый конец, взметнулся вверх и осел на ресницах, а я продолжила упрямо ограждать Астровод от грядущего всплеска Стихии.

В том, что это — предвестник камня Земли, я вообще не сомневалась. Только интересно, сможет ли Аарон взять камень? Я так боюсь, что проклятая Джеральдина нашла и схватила его — ведь тогда его шансы завладеть камнем резко падают.

Где-то в поле, начинавшемся за лесом, прокатился гул. Я поскорее кинула лопату на песок и подошла ближе к воде. Кажется, началось.

***

В пустоши послышался рев. Я зажал уши, заранее зная, что это бесполезно. С одной стороны, я жалел, когда зверь, рычавший в первые наши сутки здесь, утих. Но с другой стороны, от его зова кровь стыла в жилах и сейчас я с удовольствием бы перенесся подальше от него. Рык раздался снова; из палатки выглянула взъерошенная голова Касс. Девушка оглядела лагерь, нашла взглядом комок пледов и одеял, который из себя представляла Василиса, и кудрявая голова вернулась под брезент. Я вздохнул и направился к Лиссе.

Она дрожала. Сжавшись пуще прежнего, Василиса куталась в шерстяное одеяло, хотя на пустоши вот уже третий день стояла ужасная жара; земля растрескалась, родник почти иссяк, откуда-то с глубины материка то и дело с ветром прилетал песок. Но девушку била дрожь, губы чуть посинели, открывая молочно-белые зубы. Она была красива даже в лихорадке.

Я в сотый раз пожалел, что не слушал лекции на уроках первой помощи. Никто из нас не мог понять, что происходило с подругой, мы тупо смотрели на нее, проходя иногда мимо. Василиса заметила меня и тяжело вздохнула. Вдруг она что-то зашептала, но ее голос, неожиданно сиплый и тихий, потерялся в шелесте песка.

— Что?

— Камень Земли, — она вдохнула, закашлялась и повторила — это камень Земли. Эрик, мы должны быть там. Скорее.

Я подскочил и заметался по лагерю, оглушенный словами неожиданно Василисы. Потом опомнился, стукнул себя по лбу и на полной скорости влетел в палатку, растолковывая Касс и ее брату. Кассандра, заслужив мой взгляд, полный обожания, встала, что-то велела Джейду и вышла из палатки. Послышался шорох одеял и тихие протесты. Василиса, опираясь на плечо подруги, встала и они двинулись к выходу в пустошь. До меня донеслось:

— Догоняйте.

Солнце медленно перекатилось по небу и, прекратив наконец светить в глаза, мягко грело спину. Зверь рычал только раз, когда мы, спустя час ходьбы, остановились, споря из-за направления. С того момента прошел еще час, наверно; мы шагали в абсолютной тишине, иногда почему-то шепотом ругаясь на песок, слепивший глаза.

Из-за холма, устланного покачивающимся вереском, показался еще один. Второй холм был ниже, ярко выделяясь на сером фоне пустоши своими черными боками. Вся возвышенность состояла из мокрой глины, должно быть, скользкой. Мы в растерянности остановились перед холмом, гадая, что теперь.

Тут Василиса оттолкнулась от Касс и внезапно быстро и бодро зашагала вперед, остановившись только у самого холма. Она любовно пробежала пальцами по иссякшей-черной глине и выудила на свет камень Воды. Я задумался, гадая, что она делает, и любуясь на камешек, посылавший солнечные зайчики на все вокруг.

Холм затрясся.

Где-то в его недрах зародился звук — мощный, глубокий и сильный.

Сверху посыпались комья земли, но Василиса осталась на месте, только подняв камень повыше.

Я протер глаза, вздрогнул, опустил и понял веки — пришлось признать, что холм действительно шевелится. Шевелится так, словно оттуда рвется наружу кто-то огромный. Мои руки, опущенные в карманы, нагрелись так, что казалось, достать их — и увидишь, как от пальцев валит пар.

С верхушки холма полетели камешки и обрушилась целая лавина песка. Кассандра ахнула и схватила меня за руку под неодобрительный взгляд брата. Уж кто-кто, а чертов Джейд был спокоен, что твоя рыба в море. Я представил себе два белых глаза рыбы-Джейда и с силой мысленно их ударил.

Василиса зачем-то завела руку с камнем за голову. Теперь камешек был точно над ее

затылком.

В следующий момент стало ясно, зачем. С верхушки холма оторвался огромный валун и полетел прямо на Хранительницу; в каких-то сантиметрах от ее головы он наткнулся на невидимую преграду и мягко скатился вниз, к ногам девушки.

За первым камнем последовали целые куски холма. Внутри, медленно выбираясь из обломков, зашевелилось кожаное нечто. Я сглотнул.

Раздался рык и остатки камней разлетелись в стороны, приминая вереск. Рык повторился.

Звук, вязкий и крепкий, затек в уши, заставляя тело трястись в страхе. Зверь рычал, умело играя голосом; звук словно перекачивался тяжелым шаром, сбивая все на своем пути. Низкий, благородный голос не оставлял сомнений. Я с трудом открыл глаза и, вздрогнув, уставился на Василису.

Похоже, девушку все же сбilo с ног, но теперь она поднималась, протянув руку с камнем Воды по направлению к зверю. Я хотел получше рассмотреть того, кто хранил, очевидно, Землю, но мое внимание приковал камень в руках Василисы.

Теперь он потерял свое привычное обличье. Вместо куска гальки, теплого и округлого, в девичьей ладони плескалась вода. Она не вытекала между пальцев, словно резвясь в горсти. Вода бросала блики на лицо и волосы Василисы, бесстрашно задевая ими и круп зверя.

Я наконец поднял на него взгляд. Поднял и обмяк в объятиях Кассандры — Хранительница Воды абсолютно спокойно стояла перед драконом.

Черные крылья смиренно лежали на земле, но мне стало тошно от одной мысли, какую тучу пыли дракон поднимет, если ему вздумается взлететь. Морда его блестела на нас умными глазами размером с мой кулак, ноздри медленно расширялись и сужались. Зверь тяжело дышал, уставившись на девушку перед ним. Где-то за его спиной взлетал и падал хвост, выбивая из вереска мелких птиц и сурков; я пробежался взглядом по черным шипам, даже не считая их, и снова посмотрел на Василису.

Кажется, девушка что-то шептала. Она в забытьи перелила воду из одной ладони в другую, любуясь на нее, и заговорила громче, уверенная, что дракон ее понимает. Скажи мне кто-нибудь такое раньше, я бы его пристрелил, но сейчас мне оставалось лишь ждать.

Василиса вдруг подняла глаза на зверя и расправила плечи. Похоже, Хранительница поняла, как нам добыть камень Земли.

Девушка улыбнулась и вылила воду, в которую обратился ее камень, себе под ноги. Я услышал, как Кассандра разочарованно вздохнула и оттолкнулась от меня, готовая подбежать к Василисе. Джейд тоже напрягся; волшебство развеялось.

Но тут послышался грохот, и мы во все глаза уставились на дракона. В воздухе снова повисла тишина, перемешанная с чем-то магическим. Зверь ложился на землю.

Сначала уgomонился хвост и послушно обвил тело дракона. Он немного взмахнул крыльями, расправляя их и пугая нас до смерти; жилистые и утыканые шипами, такие же иссяня-черные, как и весь дракон, они улеглись, укpыв его спину. Потом подкосились задние лапы и передние; наконец дракон припал грудью к земле и стал снова похож на холм.

Василиса тоже опустилаcь на колени. Нам почти не было видно, что происходило перед ней.

***

Лихорадка куда-то делась. Впрочем, по сравнению с драконом, улегшимся передо мной в смиренной позе, это было совсем не важно. Я подумала, что и мне не мешает сесть на землю; я опускалась медленно, замороженная мокрым пятнышком на растрескавшейся земле. Вода будто знала, куда падать — камень Воды смочил идеальный круг, по середине которого проходила трещина в сухой глине.

Я уже думала, что придется попробовать другой способ, когда трещина наконец разошлась — сначала медленно, словно совсем не двигаясь, но она открыла небольшую ямку в земле. Я протянула руку и достала сначала свой камень, а потом камень Земли.

Говорят, что Хранитель не сможет держать камень чужой Стихии в руке — он почувствует нестерпимо жгущий жар. Похоже, древняя магия решила, что мы захотим выкрасть друг у друга камни; не знаю, правда, что до других Хранителей, но мне бы со своим камешком справиться.

Возможно, я толком и не Хранительница и жар на меня подействовал в пол силы — но я ощутила только мягкое тепло, когда взяла камень Земли. Где-то в груди сладко защемило и перехватила его поудобнее. Потом подумала и накрыла второй ладонью.

Меня порядком встряхнуло, и я решила, что лихорадка возвращается, но камень Земли так настойчиво пульсировал в руках, что это идея была тут же отмечена.

Кровь словно развернулась и потекла по венам в обратную сторону. Сердце забило в истерике, легкие сжались в попытке снова дышать. Я закашлялась, в ужасе глядя на руки, которые сжимали камень Земли и никак не могли его выпустить.

Впрочем, в следующую секунду все прекратилось, и я беспрепятственно разжала пальцы. Камешек невинно выкатился на глину под ногами и остановился в паре сантиметров от камня Воды. Идеально, чтобы его разглядеть.

Он был серый, со вкраплениями коричневого. Где-то по углам он истерся, и там выступала белая пыль. Одна из граней расколосась и в трещине виднелись причудливые узоры, которые нарисовали там прожорливые жучки, выбравшие камень Стихии своим домом.

Я взяла оба камня в руку и снова задрожала. Но теперь дрожь была легкой и теплой, я с удовольствием отдалась ей. Камни толчками отдавали мне свою силу, соперничая в том, как много могут подарить. Я улыбнулась и в блаженстве прикрыла глаза, абсолютно забыв о драконе, который снова обратился в глинистый холм. Так вот это как, чувствовать мощь.

«Существуют на свете всего четыре степени страха. Четыре — этого достаточно, чтобы сойти с ума. Четыре: страх перед происходящим вокруг, страх перед лицом врага, страх перед своими друзьями и страх перед самим собой. Страх перед обстоятельствами прост — это то, что можно в большой степени контролировать, а в остальном положиться на веру. Страх перед лицом врага хуже, но тоже сносен — врага можно убить. Страх перед собственными друзьями — почти безвыходный, но от него можно закрыться внутри, в конце концов, оставить друзей с миром. Хуже всего — страх перед самим собой. От него не спрятаться и не сбежать; от него не поможет любовь или надежда. Пожалуй, страшщегося себя спасет власть, но только если он использует ее с умом и только если рядом найдется тот, кто не испугается силы.»

«Сборник преданий в помощь Хранителям Стихий»

Я едва поспевал за ватагой безымянных. Мы вот уже четверть часа продирались сквозь толпу — сначала по вокзалу, потом по городу, пробираясь на самые окраины, за которыми простиралось то ли поле, то ли пустошь, а теперь вот безымянная, похоже, ведет нас в бар. Здание, сложенное из красного кирпича, стоит на краю последней городской улочки, но то, что начинается за краем города, мне не видно из-за могучих голов мужчин. Ведьмины соратники тоже заметили, куда мы направляемся и теперь довольно улюлюкали; Лили закрыла уши ладонями и хмуро разглядывала проплывающие мимо дома и ошарашенных людей. Мы понятия не имели, в какой век нас забросило, но это было явно близко со временем Хранительницы Воды. Уж не знаю, дома ли она сейчас ёили тоже перенеслась во времени.

Если честно, знать бы хотелось. Самое страшное сейчас — конечно, после того, что Лили тут в качестве жертвоприношения — то, что я не видел в эти дни Терезу, а остальных Хранителей и вовсе давно нет. Самым страшным было то, что наша четверка раскололась.

Наконец мы вошли в бар, растолкав добрую половину посетителей, но Джеральдина, под недовольные выкрики безымянных, вывела нас за барную стойку к черному ходу. Я, успев заметить только сладко пахнущие ряды бутылок и огромное, написанное на доске, меню, обрадовался, что сейчас, надеюсь, наконец увижу, зачем мы преодолели такое расстояние. Интересно, почему Колдунья не могла перенести нас сразу на место? Между прочим, мы второй раз проходим в заднюю дверь бара. Она решила поиздеваться над своими приспешниками, дразня их выпивкой? Пожалуй, слишком много вопросов.

Впереди скрипнула дверь и безымянные принялись по одному протискиваться в узкий проем. Лили позади меня скучаяще зевнула, хотя я знал, что внутри ее штормит. Аккуратно сжав ее ладонь, я попытался выглянуть из-за рослых спин, чтобы увидеть, куда мы идем.

Волна накатила резко, без разрешения сухими и горячими пальцами сгребая в горсть легкие. Я закашлялся, перед глазами все поплыло; ярость перекрыла стоящих вокруг ярко-алой пеленой.

Она забрала то, что по праву твое.

Голос, такой же огненно-горячий, как и руки, эхом отразился в голове. Я сжал зубы, в беспомощности метаясь по бару. Злость накатывала тяжелыми волнами, присыпала сухим песком голову, складывала пополам.

Отомстить!

Голова раскалывалась на кусочки, руки жгло. Под ногами собрался маленький смерч из земли, он вкрадчиво обнимал колени, методично раскачиваясь. В горле стало сухо, я закашлялся. Земля приятно грела ладони, нашептывая о том, что еще можно забрать то, что кто-то украл.

Хранительница! Вода и Земля, как и любые два камня, не могут быть рядом. не положено два камня одному Хранителю. Не положено! Отомстить! ОТОМСТИТЬ!

Зрачки пульсировали, из сжатых в кулаки рук посыпался песок. Я в ужасе отшатнулся, кто-то из безымянных толкнул меня в бок, и я влетел головой в кирпичную стену.

Наваждение ушло.

Безымянный, который задел меня, только окинул мой силуэт презрительным взглядом и отвернулся. В баре пара человек перекрестилась и вышла, но больше никто не обратил на меня внимание. Лили тихонько подошла сбоку и молча обняла меня за плечи, заставляя заметить, что меня бьет дрожь.

Совсем скоро нас вытолкнула вслед за приспешниками Джеральдины толпа. Я зажмурился, привыкая к яркому свету улицы после полутемного бара, и присмотрелся. Мы стояли в гордом одиночестве посреди вересковой пустоши, которая расстилалась во все стороны до самого горизонта, только тыл нам прикрывал городишко. Джеральдина что-то крикнула, но до нас ее голос не долетел, затерявшись в пустоши. Безымянные, как один, кивнули и двинулись неровным строем вперед. Тогда я заметил то, к чему нас вела Колдунья.

На холме, величественно оттеняя половину долины, высились руины. Должно быть, когда-то там стоял замок, но теперь от него остался только огрызок: осыпающиеся стены, пара башен, настолько шатких, что, казалось, достаточно одному из мужчин прикоснуться к ним и башни рассыпятся. На вид пути к замку было примерно на час, может, и того меньше. Цивилизация подобралась к руинам настолько близко, насколько вообще возможно.

***

Забрав камень Земли, мы молча вернулись к лагерю; Василиса, следуя новому негласному закону, шагала впереди. За эти пару часов девушка изменилась до неузнаваемости: лихорадка прошла, волосы как будто стали ярче и пышнее, они струились по ее плечам, черными частыми колечками покачиваясь на ветру. Хранительница скромно убрала камни в карман свитера и, казалось, вовсе не обращала внимание на едва различимый свет, который теперь повсюду преследовал ее.

Я с надеждой представлял то, как добуду свой камень. Мне бы очень хотелось стать наравне с Лиссой, побороться вместе с ней. Отец бы сейчас отлупил меня и выставил за дверь, но я уже далеко не так уверен, как при нем, что мое место — рядом с Джеральдиной и безымянными. Только вот доказать это Колдунье будет непросто.

Отец никогда прямо не говорил, что общается с ней, но и Охотники, и безымянные — дело рук Колдуньи. Боюсь, она отлично меня знает и, когда придет время, ей ничего не будет стоить захватить меня. Остается только решить — сдаться по-хорошему или предать родителей.

Если честно, я думал сейчас не об отце — его предать предельно легко. Я думал о матери, которая всегда оставалась на втором плане. Которой приходилось куда хуже, чем мне, хотя она тщательно это скрывала; я все равно видел эти уродливые алые пятна на ее

щеках, но поделаться ничего не мог.

Или не хотел? Согласись, ты Охотник. Какое тебе дело, если ее избивают, пока ты где-то разбираешься с очередной девчонкой. Ты не лучше его. Так зачем что-то менять сейчас?

Джеральдина могущественна, но я почти уверен — Василиса сильнее. Наверно, сама девушка просто старается не думать, что когда-то, и очень скоро, ей придется воевать. Старается не думать потому, что заранее себя похоронила. Она, как и Касс с ее поганим братом, боится меня. Охотник, Хранитель Огня — этого достаточно, чтобы ненавидеть. Только теперь я не могу сносить их презрительные взгляды, потому, что мне больше не на что положиться. Теперь я и сам себя ненавижу.

На руинах одиноко бродила старая ворона с подбитым крылом. Мы также молча развели огонь, доели банку тушенки и разбрелись по разным углам лагеря. В воздухе что-то повисло, хотя небо сегодня было поразительно глубоким и чистым. Оно внушало абсолютное спокойствие, но я не верил.

А мы так и рассказали Василисе, что узнали о ее матери. Я все еще гадаю — знает она или нет? А если знает — вдруг работает с ней заодно? Каждый раз я приходил к тому, что Василиса — наша Василиса — не может быть из лиги безымянных. Просто никак. И все же в груди копошился червячок сомнения, вытягивая из воспоминаний моменты, когда Василиса менялась. Она и сейчас, после встречи с камнем Земли изменилась; она стала Хранительницей — прямо под стать мамаше.

Я еще поборолся с сомнениями, пока не почувствовал тепло. Окинув взглядом лагерь и убедившись, что все уснули, я повернул голову к огню. Вполне логично было ощущать его тепло, но то, что разливалось по телу, не было жаром от костра. Я чертыхнулся и, следуя указаниям тихого голоса в голове, придвинулся к огню. От мысли, что за соседней стеной огромный зал с помостом, который мог когда-то быть тронем, стало неудобно. Я решил поскорее с этим покончить и сунул руку в огонь.

Языки пламени разошлись в сторону, впуская пальцы в самое чрево костра. Я робко копошился в углях, перемазав руку в саже. На задворках сознания промелькнула мысль о том, что Василиса, принимая камень, выглядела прекрасной и могущественной. А я максимум смахиваю на чокнутого волшебника.

Пальцы нащупали что-то чересчур твердое для угля и я, ощущая, как сладко сжимается сердце, вытащил камень. Заляпанный сажей, резкой формы, твердый черный уголь, казалось, поглотил весь свет вокруг. Костер потух.

Вот так — просто и тихо, в одиночку. Жалкий уголек — единственный свидетель моей силы Хранителя. Я сунул камень в карман и закрыл глаза.

Достоин Эрика, Хранителя Огня.

Внутренний голос противно рассмеялся.

Где-то снаружи миллион солнечных зайчиков скакло по лагерю. Открывать глаза не хотелось, тело сковала сладкая сонливость. В оцепенении я окончательно проснулся и прислушался; на руинах стояла абсолютная тишина, робкая и мягкая, не предвещающая ничего плохого.

Теплые пальцы пробежались по моим волосам, у мочки уха послышался шепот. Девичья ладонь легла на лоб и голос отметил, что у меня жар. Василиса села рядом на колени и тихонько потрясла мое плечо. Пришлось разлепить глаза, которые отчаянно закрывались снова, и принять приличное положение — все это время я лежал, растекшись по стене.

Лисса улыбнулась мне и тем же шепотом сообщила, что все еще спят.

— Эрик, а что я нашла?

Не хотелось совершенно ничего делать, земля манила теплом, но я собрал все силы, чтобы мое лицо выглядело участливым.

— Пойдем же, пойдем!

Василиса взяла меня за руку и потащила через лабиринт полуразрушенных комнат. Когда мы выбрались из замка, девушка припустила прочь от него и я едва поспевал, гадая, куда меня тащат.

— Посмотри, — она кивнула себе под ноги.

Передо мной из земли торчало что-то каменное; я с трудом сфокусировал взгляд, мысленно перебирая всяческие предметы, которые, присыпанные землей могли бы так выглядеть: приплюснутый каменный цилиндр, несколько сколов по краям и потемневший от времени камень. Лисса приплясывала на месте, подтрунивая над моей несообразительностью.

Ну конечно!

Очевидно, мое лицо просветлело и Василиса подтвердила:

— Здесь стояли колонны, — кажется, у нее в запасе было толкование этих руин, но она решила еще помучить меня — может, это был вход в город? Скорее даже вход в двор при замке, — она рассуждала в полголоса, поглядывая на меня.

— Лисса, ты знаешь, я не в состоянии гадать, что ты поняла. Если не собираешься рассказывать, я уйду досыпать.

Пробормотав что-то о «ленивой заднице, которой ни до чего нет дела», Василиса заявила:

— Слишком долго объяснять. Просто иди сюда.

Она взяла меня за руку, заставляя обойти две торчащие из земли колонны, и я встал с ней плечом к плечу.

— Я и сама толком не уверена, но мне кажется...

***

Джеральдина вдруг резко велела нам остановиться. Измученные мужчины со вздохом облегчения замерли, вытирая рукавами пот со лба. Пока мы не добрались до руин на холме, Колдунья и минуты не давала нам отдохнуть. Лили, скрывая усталость, оглядела пустошь любопытным взглядом; я же выглянул из-за толпы в надежде понять, почему мы закончили путь в каких-то метрах от замка.

Безымянная стояла у чего-то круглого, на вид выполненного из камня. Цилиндр торчал из земли, словно макушка какого-то колдуна, которого в миг присыпало огромным количеством земли. Рядом, в паре шагов, виднелся абсолютный близнец каменного сооружения. Мне не дали толком подумать, чем это может быть и какое имеет значение, как послышался женский голос:

— Девчонка! — Джеральдина, расплываясь в хищной ухмылке, поманила пальцем Лили. Я содрогнулся, осознавая, что мы так ничего и не придумали. Никакого плана не было. Лили уверенным шагом, ни на кого не глядя, прошла мимо толпящихся мужчин и встала рядом с Колдуньей — ну и ты подходи.

Колени застрелились; я крепко сжал кулаки, чтобы скрыть дрожь в пальцах и чуть ли не

бегом добрался до Колдуньи. Она и не глянула на меня, уставившись на землю между двух каменных глыб.

— Да будет с нами власть.

***

Я вынырнула из Астровода и, пробежав через двор, вошла на холм и обрелась. Замок, благородно скрывая свою тоску, смотрел на море и терпеливо поджидал своих обитателей. Я вздохнула, поудобнее перехватив одеяла и подушку, перевязанные веревкой.

Жить, осознавая, что за стенкой — анфилада пустых спален, что в кухне никто не разожжет камин и не испечет пироги, стало невозможно. Сестры-Колдуньи преследовали меня во сне и наяву — стоило зайти в Астровод, казалось, за в кабинете смеются взрослые и по коридорам носятся девочки на маленьких каблуках. Я вытерла выступившие слезы и решительно зашагала к лесу. Понятия не имею, куда иду, но до вечера надеюсь хоть что-нибудь придумать.

Вдруг я сообразила, что подушка выскользнула и осталась, должно быть, где-то на дорожке от главных дверей. Я поскорей развернулась и увидела ее — комочек мягкой белой ткани валялся у подножия одной из колонн.

Эти идеально круглые каменные колонны располагались с четырех сторон от замка, по сторонам света. Я приблизилась к восточной паре и шагнула между колоннами, намереваясь поднять и отряхнуть подушку.

Обитель Страха

Я аккуратно спрятала Эрика за собой. Хранитель Огня тихо пискнул и сжал мою руку до боли, заставляя с шипением вырваться и потрясти кистью. Парень судорожно втянул воздух, глазами метаясь по двору.

Я подозревала, чувствовала каким-то отдаленным уголком мозга, что совершаю непоправимое. Эти колонны, почти до верху погрязшие в земле, я заметила очень давно, еще когда мы только перебрались к руинам. Но то, что таких пар четыре вокруг замка, бросилось в глаза недавно и погрузило меня в то состояние, которое так пугало друзей. Я все думала, что это может значить; нет, нужно признаться, поняла я почти сразу, но смириться было слишком трудно. Я все складывала и складывала детали в одну мозаику, не желая видеть, что она уже давно сложена. То, что заставило меня действовать, произошло внезапно, прямо перед появлением камня Земли. Память вдруг вытолкнула на поверхность воспоминание.

Пыльная библиотека, стеллажи с книгами уходят вглубь. Между ними стены украшают дорогие картины, гипсовые бюсты, с потолка, роняя капли воска, свисают люстры, утыканные свечами. Шуршит чей-то подол в глубине комнаты, и я тихонько крадусь вдоль полок. Я знаю, куда иду — нужная книга всего в нескольких метрах. Поворот, синий корешок, 213 страница. Я вздохнула и глотала «Сборник легенд в помощь Хранителям». Понятия не имела, откуда у нас такая чушь, но читать наставления, которые, словно абсолютно серьезно, давал автор каким-то «Хранителям» было увлекательно. Каждая строчка врезалась в память и отпечаталась на обратной стороне век. И я отлично запомнила, что так просто Обитель не откроешь — четыре входа, четыре Хранителя, и войти нужно одновременно.

Отчаянно надеясь, что не получится, ведь так трудно из разных времен угадать и войти в ворота в один миг, я все же попробовала. Что ж, у нас получилось.

Над головой нависла туча, откуда-то из глубин пустоши донесся яростный крик; я с сожалением вспомнила чистое голубое небо в том времени, где мы только что были. По двору расстелились сумерки, ничего толком не было видно за постояннодвигающейся толпой, но не заметить замок в центре двора было невозможно.

Он поражал своим величием, каменным стенам словно все равно было на то, где они находятся, на то, что их лижут языки пламени.

Позади нас раскинулся город, по-моему, больше смахивающий на деревеньку. Жителей в нем, очевидно, немного, но достаточно, чтобы развязать войну.

По городу, от дальних границ до замка и до моря, носились люди. Бились все без разбору — женщины, мужчины, дети, неважно. Некоторые поместили себя тряпками — Белая армия завязала голову белоснежным даже в пыли, стоящей повсюду, лоскутом, а Черная затягивала раны темными повязками. Остальные никак не давали понять, свои они или чужие, словно просто сражаясь в бесцельной ярости без особых причин, не разобравшись.

Мы стояли между южных колонн, так, что слева плескалось море — оказывается здесь, много тысяч лет назад, оно ближе к замку, западные ворота стоят почти в воде. Видимо, их никто не выбрал.

Я наконец решила посмотреть на другие ворота. Глупо и счастливо улыбнулась, увидев Терезу у восточных колонн, обе ее руки были заняты одеялом и подушкой; очевидно, подруга тут вообще случайно. Махнув ей рукой, я вдруг отметила ее испуганный взгляд. Тесс уставилась куда-то на северную часть замка, в ужасе от того, чего я не видела.

Перехватив руку Эрика и дернув его за собой, я помчалась, виляя между бьющимися горожанами, стремясь поскорее оказаться рядом с Хранительницей Воздуха. Я знала, на кого она глядит, но не хотела верить.

Джеральдина, победоносно вскинув голову, смерила меня и Эрика с головы до ног единым презрительным взглядом. Правой рукой она вцепилась в Аарона, чему я ни капельки не удивилась, а вот слева, стонущая от стальной хватки, стояла Лили.

Ее волосы растрепались, она была в любую секунду готова разреветься, но держалась — девушка упрямо сжала губы, только побелевшие пальцы и щеки ее выдавали. И понятно, отчего она так боялась.

За этой троицей колыхалась целая толпа — безымянные, гнусно усмехаясь, потирали руки, нарочито небрежно переговаривались и искоса посматривали на нас. Я тоже, оценивающе посмотрев на стоящих позади, примерилась к противнику. Три Хранителя против Джеральдины, Хранителя Земли и, непонятно почему, Лили.

Вдруг Эрик дернул меня за косу; я непроизвольно ойкнула, мысленно чертыхаясь — не время — и обернулась к нему. Парень расплылся в улыбке и наполовину достал что-то из кармана.

Камень Огня манил, отливая красным, ловя блики и отблески пламени с поля боя. Четыре камня у нас! Я гордо глянула на Колдунью в северных воротах.

Мы еще поборемся.

Но только почему она медлит? Я отчетливо вижу, как, вместо того, чтобы спустить на нас безымянных, она запрокинула голову. Кто-то из ее приближенных подошел и положил руку ей на плечо, прикрыв глаза. Еще мгновение, и Колдунья вернула своему лицу нормальное выражение; я вся сжалась, мысленно взывая к камням Стихий.

Ее голос зазвучал поразительно громко, просто сбивая с ног, вырывая душу через рот ледяными пальцами. Она смеялась в паузах, глаза Джеральдины не здорово сверкали.

— Добро пожаловать, Хранители! Хороша битва, а? Хотите присоединиться? Небось готовы пожертвовать собой, поиграть в смелость. Катитесь, пожалуйста!

Я в недоумении приподняла одну бровь.

— То-то, я в вас не сомневалась. Есть сделка.

Я отлично слышала Джеральдину, словно она стояла не в сотне метров, а рядом, совсем под боком. Кулаки сами собой сжались — сделки я терпеть не могу.

— У меня нет ни одного камня Стихии, — ее словно бы совершенно не смущал этот факт — но есть ваш дружок, — она потрясла Аарона и мое сердце сжалось — а среди вас есть тот, кто вам совсем не нужен. Эрик, ты ведь не предашь своего отца ради этих двоих?

Сзади меня словно заледенел воздух. Я физически почувствовала что-то, но, к своему отчаянию, не смогла понять, что сейчас в голове у Хранителя Огня.

— Эрик подставит вас, дорогие, я уверена. Разве вам это нужно? Отдайте мне его, отдайте мне Хранителя и его камень, а взамен я верну вам друга. Все честно.

Она замерла, ее голос стих, резко, выбивая воздух из легких, погружая в ледяную тишину, еще более ледяную, чем ее речь. Я не выдержала и обернулась к парню, пресекая его монолог на корню. Просто не стерпев.

— Вот только не надо врать. Я этого и ждала. Хочешь — катись, мне от тебя ни легче, ни тяжелей, — отчаянная ложь. Но почему, почему я больше верю ему, чем Аарону? Почему в его глазах больше силы и решимости? Так не должно быть; мир сошел с ума.

— Я никуда не уйду, если насильно не выставишь. Неужели ты не видишь, Василиса,

что Аарон — настоящая тряпка? Он просто не справится с камнем. Он не нужен Джеральдине, он ей мешает, если обменяешь меня на Хранителя Земли, сделаешь Колдунье услугу. Мне плевать, где, но я буду биться против Джеральдины, пусть даже будучи с ней по одну сторону.

Сердце сжалось, кровь застучала в висках, от толпы безымянных понеслись насмешки.

— А, ладно. Значит, повоюем.

— Отличная идея.

Эта улыбка, такая лишняя здесь, ненужная, горькая, слишком родная. Слезы навернулись на глаза, я злилась, недоумевала, но больше всего хотелось плакать, сама не знаю, почему. Потому, что все перемешалось, мой идеальный, кристально чистый мир разбился. Смешались две меня: Хранительница Воды и Василиса с шестой аллеи.

Тут за нами послышались тихие шаги, и я в ужасе обернулась, тут же облегченно выдыхая. Джейд грустно ухмыльнулся и пожал руку Эрику. Кассандра подошла к Тесс, осторожно обнимая ту за плечи и шепотом подтверждая — пути назад нет. Я сердито шмыгнула и уставилась на Джеральдину.

— Что будем делать?

Внезапный вопрос выбил из колеи второй раз за две минуты. Я с ужасом осознала, что ни плана, ни хоть какой-то идеи для начала у меня нет. Чего мы вообще добиваемся? Что нужно, чтобы прекратить это?

— Джейд? — цепляясь за последнюю надежду, к человеку, который всегда где-то рядом, на задворках сознания.

Парень деловито встал между нами и выдал:

— И Джеральдине, и Черной армии нужна власть. Помните, в легенде было сказано, что они рвутся к трону, который в замке? Очевидно, то, кто на него сядет, получает город в управление.

— Значит, было бы неплохо остановить Джеральдину или даже убить ее, но еще лучше — захватить замок? А то, пока мы тут воюем, Черная армия может его взять, и мы все равно останемся ни с чем, — подала голос Тереза.

Я не узнавала подругу. Внешне все осталось прежним, даже платье на ней то же, что и в день нашей встречи — серое в клетку. Да и голос не изменился, она все также смешивала словечки из нашего с Аароном времени и те, которые использовала ее мать. Мысли об Аароне привели меня в чувство, и я остановила поток философии.

— Тогда к замку.

Буквально опешив от того, как все просто молча повиновались, я постаралась принять ту роль, которую мне отвели, и первая ринулась в гущу сражения, постоянно поднимая глаза на каменные стены, чтобы не терять Астровод из виду. О том, что это Астровод, я как будто знала всю жизнь.

Похоже, Джеральдина растерялась. Она наверняка ожидала, что мы нападём, а теперь, и вовсе потеряв нас из виду за толпой бьющихся друг с другом людей, она замерла, испуганно вращая глазами. Ее приближенные рассеялись, и на секунду Колдунья даже выглядела жалко.

Но только на секунду. Тут же безымянная гаркнула что-то и повела свой отряд на тоже здание, что и мы — они, расшвыривая всех, кто попадался под руку, двинулись идеально ровными рядами по направлению к замку. Я прибавила ходу, задыхаясь от резкой боли в боку. В мозгу пульсировала одна мысль: «успеть, успеть, успеть».

Внутри было неожиданно тихо. Но не уютно, а холодно и жутко, каменные стены сочились водой, мрамор был окроплен капельками крови. Вход в замок никто не охранял, и я удивилась беспечности горожан; впрочем, времени на размышления не было.

Когда мы вошли, Тереза не сдержалась и вскрикнула, тут же зажав рот рукой. Эрик бездумно провел рукой по стене, размазывая подтеки крови пальцем. Меня передернуло, и я поспешила вглубь Астровода.

Вглядываясь в темноту до боли знакомых переходов, я титаническими усилиями сдерживала слезы. Какого черта сейчас? Но мне каждую секунду казалось, что где-то в соседней комнатке смеется Лили, жеманничая перед зеркалом, что малыши мешают поварихам на кухне и путаются под ногами, срывая занятия; призрачные сестры-Колдуньи прошествовали мимо под руку. Я смахнула слезы и тряхнула головой, сразу жалея о своем решении — кудри забились в рот и мне пришлось потратить драгоценную минуту на борьбу с ними.

Почему сейчас, когда все меняется ежесекундно, время как будто замедлилось? Я вижу, как Джейд, с заботой придерживая сестру за плечи, следует за нами с Тесс, слепо полагаясь на наше знание замка. Сердце сжалось от осознания того, что он доверил мне жизни — свою и Касс. Хоть бы все скорей кончилось.

Добравшись до тронного зала, мы хором облегченно вздохнули — Джеральдины еще не было тут. Я шагнула за порог первой и сжала кулаки в непонятном порыве.

Посередине просторного зала, на помосте, который я видела во времени Тесс, грозно высился трон. Каменное сидение, идеально гладкие края, мрамор, весь в красных прожилках. Трон окончательно испортил замок, который я знала, болезненно неправильно оттеняя заднюю часть зала.

— Я проверю, нет ли за ним кого, — Джейд, вверив Кассандру Терезе, зашагал к трону.

Мы с Эриком, не сговариваясь, развернулись к двери лицом в последний момент.

Из проема, выставив на показ белые клыки, на нас глядела Джеральдина. Безымянные улюлюкали, откуда-то из толпы слышались протестующие возгласы: приспешники Джеральдины взяли под охрану Лили и Аарона. Удивляясь себе и стараясь усмирить неизвестно откуда взявшуюся жестокость, я поняла, что мне вовсе не жаль Хранителя Земли. С удовольствием сжав в кармане его камень, я подняла глаза на Колдунью. За спиной послышался шорох, и я мысленно поблагодарила Тесс, которая отошла к задней стене, увлекая за собой Кассандру. Примерно прикинув, как скоро мы разберемся с толпой безымянных, я было открыла рот, чтобы весьма грубо поинтересоваться, когда Джеральдина начнет меня убивать, ведь она наверняка именно это и задумала.

— Не так я хотела встретиться с дочерью.

Я непонимающе пожала плечами, игнорируя вздох Эрика, который обозначал: «так я и думал». Я успела изучить парня за эти недели в одной палатке. Решив ничего не говорить, я ограничилась поднятой бровью. Злость накатывала волнами, напоминая о том, что решимости на битву все меньше и меньше.

— Сесилия. Тебя так зовут, — Джеральдина наклонила голову влево, и я с ужасом узнала себя. Мика постоянно подшучивала над этой моей привычкой. Я помотала головой, чувствуя себя глупо.

— Василиса, — Колдунья попробовала имя на вкус и кисло усмехнулась — недостаточно. Даже приторно, не находишь? К тому же, в твоём родном времени такое имя

бы не прижилось.

— Что ты несешь? — сил хватило только на детскую нападку.

— Тебе нужно время. Думаю, я согласна стучаться, прежде чем войти в твою комнату. Надеюсь, когда-нибудь я услышу «мама». В конце концов, ты далась мне с большим трудом, и я хотела бы увидеть, за что так страдала.

Я, как сумасшедшая, зажала уши руками и только качала головой. Потом, не выдержав, не в состоянии противиться, пулей проскочила мимо Джеральдины и понеслась по коридору. Я рассчитывала, даже надеялась, что безымянные меня остановят и завяжется бойня, но они просто отстранились, с усмешкой на лице провожая меня взглядами.

Город благодарно принял меня в свои объятия, смыкая клинки воюющих над головой. Я виляла между кострами, тут и там возникшими между армиями, без нужды пригибая голову — меня удивительным образом ни разу не задело. Рыцари в латах осторожно огибали бегущую девушку, даже не обращая на меня внимания.

Казалось, прошел час; я понятия не имела, где нахожусь и как теперь добраться до замка, где остались ребята, но мысль, что Астровод достаточно далеко, успокаивала. Я раз за разом отмахивалась от навязчивых картин, в которых Хранителям не удавалось обойти Джеральдину. Презирая саму себя, я все же трусливо сбегала, оставив все происходящее на друзей.

В конце концов, я сделала достаточно. Я, черт их дери, нашла камни Воды и Земли, закинула нас к Астроводу, провела сюда. Злость, которая притихла, пока я петляла по улочкам, снова подняла хищную голову. Голосок в голове вкрадчиво заявил:

Кто эти люди, которые мнят себя твоими друзьями? Что они сделали и почему всегда отдуваешься за них ты?

Я яростно кивнула, соглашаясь с мыслью. Вспомнился дождь, горячими струями льющий на спину, крыша с вмятинами, в которых скапливалась вода. Абсолютная пустота везде: впереди, под ногами, за спиной и внутри. Гулкое эхо и отчаянная мысль — а может, к черту бы это все? В конце концов, это единственный выбор, который никто не предугадал и не сделал за меня.

Но момент упущен. Я так долго держалась, что просто глупо сделать это сейчас. Тоскливое и горькое ощущение пустоты вытеснило злость. Мне ничего не оставалось, как поддаться.

Мысли стали резкими, они широкими и грубыми мазками ложились на чистый холст. Я не успевала додумать одну, как мозг ярким уколом боли пронзала другая, также обрываясь на полуслове. Движения тоже превратились в бесцельные трепыхания, тело больше меня не слушалось, ноги несли куда-то на окраины города. Я почувствовала, как веки опухают от подступивших слез. Руки задрожали, легкие судорожно сжимались, отказываясь принимать воздух, и я села на землю, позволив себе заплакать.

Ужасно глупо! Ужасно мелко, просто тошно от самой себя. Тошно от всего, и от этой мысли тоже. Я, мать его, Хранительница Воды, но сижу на поле боя и реву, как какая-нибудь героиня сопливого романа. Это уже слишком. Почему я карабкалась, даже почти одолела вершину, как сорвалась и оказалась на ряду с теми, кто ничего не значит, с теми, кого много.

Наверно, эта мысль заставила меня снова подняться. Когда я выпрямилась, то в ужасе обхватила себя руками — вернулась лихорадка, меня всю трясло, мышцы непроизвольно сокращались, делая задачу устоять на ногах непосильной.

Я похлопала себя по щекам, с отвращением чувствуя под пальцами влагу, в ярости

ударяя все сильнее и звонче. Вот так, я снова ненавижу себя, но, по крайней мере, уже не жалею бедную Василису.

Пожалуй, нужно все же вернуться. Было подло бросать тех, кто всегда был рядом, подло оставлять Кассандру наедине с неизвестностью. В конце концов, то, что сказала Джеральдина, было ожидаемо. Просто обязано было произойти что-то, что перевернуло бы все с ног на голову и разбередило старые шрамы.

Не в состоянии смириться с новостями, я просто грубо скомкала их и засунула куда подальше. В конце концов, мое желание прикончить Колдунью не пошатнулось от внезапных вестей — уже хорошо.

Я постепенно прибавляла ходу, под конец пулей пролетая между людьми. Вдруг в голове всплыла легенда об Обителе, и я поняла, что костры, которые все множились — не что иное, как Огонь. Нам нужно поторопиться и остановить битву, пока мы вместе с жителями не сгорели дотла. Только как это прекратить?

Решив разбираться с проблемами по мере их поступления, я на всех парах ворвалась в замок, пробежала уже знакомый путь и замерла в дверном проеме.

Джеральдина оттеснила ребят к дальней стене, теперь стоя посередине тронного зала. Безмянных она распустила, но я подозревала, что они где-то неподалеку, ждут команды. Значит, придется сделать все быстро, чтобы она не успела позвать. Я тихо вздохнула, припоминая горстку заклинаний, которые успела узнать. Не так много и страшно, но, может, они станут помощнее от сил, что добавит камень Воды. Вспомнив про теплый камень, я с улыбкой взяла его в руку и подняла взгляд на Эрика.

Парень откуда-то выудил кинжал, но почему-то медлил, до побелевших костяшек сжимая его в руке. Он в ужасе глядел на наступающую Джеральдину, но не защищался. Тереза и Касс потерялись где-то за тронном, и я отчаянно надеялась, что Джеральдина не заметила их. Еще раз вздохнув, мысленно взывая к камню, я окликнула Колдунью.

Безмянная развернулась и мгновенно вышла из боевой стойки, увидев, кто перед ней. Похоже, она не собиралась биться с дочерью; где-то на спине пробежал противный холодок.

Ты хочешь убить беззащитную мать.

Ничего, как только она увидит, что я не изменила своих намерений, мне мало не покажется. Я выудила страх из общей мешанины мыслей, дала ему знатного пинка и удовлетворенно проследила, как чувство скрылось на закромах сознания. Теперь ничто не должно меня отвлекать.

— Давай, убей меня! — я сморщилась от собственной глупости. Кто знает, может, это моя последняя фраза в жизни; могла бы придумать что-то оригинальное.

Джеральдина приподняла бровь и выпрямилась, пряча за спину нож. Я против воли проследила, как по острию, задержавшись на кончике, пробежало пятно света от свечей в люстре. Колдунья испытывала мое терпение, она, очевидно, почувствовала мои муки. Решив доказать и ей, и себе, что не отступлю, я сложила руки, не выдержала и закрыла глаза, чтобы не видеть лицо матери.

Это слово пульсировало в голове, не давая сосредоточиться. Я поддалась порыву всего на секунду, перекатив слово языком во рту — все также противно и неправильно; облегченно вздохнув, я прочертила пальцами в воздухе фигуру.

Похоже, Колдунья не ждала, что я ударю по ней. С удовольствием любясь на опешившую женщину, платье которой, мокрое до нитки, прилипло к телу, я начала новую руну, почти уверенная, что мне не дадут довести дело до конца.

Так и вышло — мне пришлось в спешке укрыться за щитом, восхваляя Лину, которая научила меня этому. Впрочем, я тут же напала вновь и заклятье достигло своей цели — Джеральдина в ярости хлопала ресницами, пытаясь выгнать взявшийся неоткуда песок, слепящий и сушащий глаза.

Это сражение было до жути похоже на игру, правила которой я впитала с молоком матери. Отлично зная каждый следующий шаг Джеральдины, я аккуратно обходила ее по кругу, надеясь добраться до ребят, стоящих у дальней стены. Мурашки бегали по спине, я все ярче осознавала, что предугадываю движения Колдуньи, в то время, как она в яростном бессилии пытается загнать меня в угол. Мне оставалось лишь защищаться и атаковать в нужный момент, поэтому совсем скоро я позволило телу двигаться по наитию, а сама взялась успокоить мысли. Страх подкрался к самой кромке сознания, к той части, что лежала на поверхности, которую я отчаянно защищала от ненужных эмоций; страх перед всем вокруг и ужас от самой себя чуть не преодолели барьер, который мешал им захватить меня целиком. Так, что я снова мысленно сжала в кулаке мелочные чувства и погрузила так далеко, что теперь сомневалась, смогу ли когда-то их достать. Я развернулась и окинула довольным взглядом идеально чистую поверхность сознания и вернулась в реальность, к битве.

Наконец я ощутила спиной прерывистое дыхание Эрика. Теперь Джеральдина стояла спиной к дверям, и я смогла приступить к той части плана, в которой замораживала мать и выводила друзей из замка.

Но безымянная вдруг, вместо того, чтобы атаковать, чего я от нее ожидала, сотворила огромный щит и, развернувшись, выбежала из залы. Я опустила руки, приготовленные для боя, и рванула за Колдуньей, но не успела.

Время вновь замедлилось. Джеральдина замерла на пороге и повернулась к нам лицом, тут же вскидывая голову еще выше, глядя на потолок. За ее спиной, заставив меня застонать, появился один из приспешников, с готовностью кладя руку на плечо госпоже.

Вызвав мой разочарованный вздох сквозь зубы, прямо из каменного пола начала расти стена. Абсолютно гладкие мраморные плиты, идеально подогнанные друг к другу, медленно отделяли нас от Джеральдины. Они поднимались с оглушающим грохотом, но я была не в состоянии слышать этот звук. Душащее чувство обиды и бессильной ярости оказалось сильнее, чем я надеялась, и, победно рыча, оно прорвалось на до сих пор защищенную часть меня. Теперь я вся от головы до пят была наполнена тем, что была бы рада никогда в глаза не видеть. В последний раз подняв взгляд на меня, Джеральдина усмехнулась и скрылась в коридоре.

***

Я, покрепче хватая ладонь Лили, тянул ее через галдящую толпу безымянных, которым с уходом их предводительницы стало совершенно наплевать на нас. Пользуясь случаем, я надеялся затеряться среди воюющих и сбежать, но Джеральдина опередила нас.

В своем уже порядком изодранном платье она выглядела странно и не к месту, но любые мысли об этом развеивало выражение ее лица. Она словно бы проиграла какую-то из своих многочисленных битв и, стараясь на показать этого, подняла на поверхность безжалостную жестокость. Заметив ее, протискивающуюся сквозь столпотворение и прикрикивающую на мужчин, мы с Лили неожиданно дернулись в разные стороны: я

припустил прочь, а девушка остановилась как вкопанная. Вернувшись к ней и заглянув в лицо Лили, я с удивлением прочел там абсолютное равнодушие. Даже когда Колдунья добралась до нее и схватила за ухо, волоча за собой, Лили лишь покорно шагала, стараясь не сморщиться от боли. Я в ужасе заламывал руки, но молчал.

Трусишка Аарон.

Эти двое, такая странная и грозная пара, подошли к краю поля битвы. Горожане каким-то невысказанным образом сражались лишь в пределах двора замка, не заступая за невидимую линию. Джеральдина отпустила Лили, позволив ей выпрямить спину и зашептала. Я понял, что это не руны, а что-то, противно напоминающее молитву; безымянная просила, чтоб ее догадки оказались правдой. В отблесках огня ее лицо отлично просматривалось — вот она поджала губы в борьбе с каким-то порывом, вот сощурила глаза и вдруг блаженно опустила веки, рукой подталкивая Лили вперед.

Перед девушкой наметилась тропа. Сами того не замечая, люди расходились в разные стороны, толпа из обычных горожан вперемешку с рыцарями в латах плавно растекалась, прокладывая путь для Лили. Я перевел взгляд на нее все также молча, не желая признавать, что виной тому не спазм в горле от подступивших слез отчаяния, как должно было быть, а простое смирение, сладко неправильное.

В красноватом свечении, исходившем от огня, медные волосы Лили стали почти рыжими. Ее платье со множеством оборок, тяжелым доспехом закрывавшее ее тело, обратилось в легкую сорочку, словно девушка вдруг вышла из комнаты ночью. Волосы разлетелись по спине, лоб стиснул венки из васильков. Ее любимые цветы нежно прикасались к прохладной коже, покачиваясь в такт движениям девушки.

Она сделала шаг, бесстрашно ступая босой ногой на осколки, обломки меча, тлеющие угли. Ее белое платье взлетело вверх, оголяя колени; Лили наклонила голову, глядя на окружающих ее людей, и шагнула снова.

Словно внимая тихому, но настойчивому зову, те, кто сражался у самой кромки тропы, замерли. Рыцари сняли шлемы, доверчиво оголяя шеи, и вышли вперед, выстраиваясь в ряды. Чем дальше шла девушка, тем больше становился поток людей в железном облачении, приходящих из глубин города, оставляющих свои битвы, и встающих вдоль пути, по которому шла девушка. Они стояли молча, совсем не двигаясь, словно в миг обратившись в камень, только глаза оставались живыми. Десятки, уже сотни глаз следили за уходящей внутрь города фигурой.

Наконец за рыцарями потянулись остальные люди города. Самые разные, в странной, порванной и окровавленной одежде, они из последних сил старались стоять прямо, поскуливая и зажимая руками раны. Словно море вдруг разошлось, открыв сухую тропу в самом своем сердце.

Лили, казалось, совершенно не обращала внимание на происходящее вокруг. Я боялся, что потеряю ее фигурку в толпе, но не видеть просвет между плотными рядами было невозможно, хотя девушка уходила все дальше и наконец превратилась в точку толщиной с мой палец. На удивление, безымянные тоже притихли, глядя на идущую по тропе с уважением.

В тот миг, когда я был согласен, чтобы это внезапное затишье длилось вечно, Лили достигла края городка и, не сбавляя хода, стала взбираться на холм. Мои пальцы непроизвольно сжались в предвкушении чего-то, для чего потребовалось поднять бедняжку на всеобщее обозрение.

Оказавшись на самой высокой точке холма, Лили развернулась к городу лицом. Она аккуратно сняла венок, словно знала, что сейчас будет, и хотела оставить его в целостности.

Когда цветы коснулись земли, а девушка выпрямилась, с диким спокойствием глядя в небо, ее ноги осветило что-то маленькое и теплое. Я чуть было не выдохнул с облегчением, когда наконец понял, что Лили горит.

Пламя, преследовавшее ее всю жизнь, было личным клеймом девушки, которое она носила с позором, вечно убегая от него и стремясь спрятаться в тени, хотя у пламени нет тени. Огонь все выставляет на показ, освещает темноту по углам, в которые мы спрятали все неправильное. Я, мысленно отвесив себе пощечину, осознал, что рад тому, что случилось. Рад, что, пусть даже в самом конце, Лили наконец приняла свое клеймо с гордостью и отдалась огню.

Она горела красиво.

Черт, что ты несешь?!

Лили не кричала и не корчилась, словно огонь совсем не причинял ей страданий. Она с улыбкой подставляла ему руки, глядя, как утопает в горячих языках. Когда огонь пробежал по волосам, с удовольствием пожирая их, Лили опустилась на колени, превратившись в сплошной столб пламени.

Хищные языки взметнулись в небо, прорываясь сквозь дым от сражения, бросая яростные блики на все еще стоящих в идеально ровных рядах людей. Никто не вырвался из строя, не кинулся на помощь девушке, и я увидел, что все они считают это правильным.

Достигнув своего пика, огонь тут же стал угасать, медленно оголяя черный силуэт. Статуя девушки, насквозь пропитанная сажей, показывалась из пламени. Лили все также сидела на коленях, с улыбкой глядя на свои руки, только глаза ее были закрыты. Она не увидела, что огонь не тронул венок из васильков — единственное, что дышало жизнью.

Последняя битва

Я сжал кулаки — единственное, на что был способен. В висках пульсировала боль, заставляя отметить, что я все еще жив — неприятный факт, который причинял страдание похуже, чем головная боль.

К черту!

Рыцари постояли еще с полминуты, с какой-то грустной благодарностью глядя на фигуру девушки на холме, а затем разошлись. Толпа сомкнулась, скрыв тропинку, по которой шла Лили; люди расходились молча, оставляя надежду, что так выказывают почтение погибшей девушке.

Я обернулся. Безымянные отмерли; в их глазах плескался ужас, умело заглушенный громкими ругательствами и насмешками. Джеральдина все стояла, глядя куда-то за пределы города, спиной к нам, так, что разглядеть ее лицо не представлялось возможным.

Я сделал один робкий шаг в сторону. В толпе безымянных послышались выкрики, но, когда ужас поутих, я понял, что они попросту затеяли драку. Следующий шаг стал смелее.

Так, сжимаясь от любого звука и движения, я добрался до края толпы. Колдунья подозвала к себе одного из приспешников, словно специально не глядя на меня. Я вздохнул и решил воспользоваться подозрительной возможностью.

***

Эрик в ярости запихнул нож в чехол, изрыгая ругательства собственного сочинения. Тихо выдохнув, я поспешила к трону, за которым скрылись Кассандра и Тесс.

Хранительница Воздуха сидела, скрестив ноги по-турецки и ждала, а вот Касс в беспокойстве теребила пальцами шнурок от толстовки, что-то нашептывая себе под нос. Когда обе заметили меня, послышался вздох облегчения. К счастью, девушки остались невредимы.

Я молча села рядом, не зная, о чем говорить. Рассказывать мне им нечего — все тайны открыты. Наверно, я ждала, что меня обнимут, укутуют одеялом и оставят в покое, но о таком глупо было мечтать.

— Что будем делать?

Болезненно, до жути противно. Слова, возвращающие в пустоту с гулким эхом. Я поежилась и ответила, тут же проклиная себя, напоминая, что должна быть мягкой и уверенной:

— Выбираться, — чтобы хоть как-то сгладить острые шипы этого слова, я обвела рукой каменную стену, возведенную Джеральдиной. Как она это делает? Я никак не могла вспомнить, какой еще талант видела, никак не могла понять, почему мне кажется, что у нее не одна способность, как это положено. Еще один вопрос в неумолимо растущую кучу.

— Василиса? — голос Эрика звучал непривычно тихо.

Я, едва сдерживая страх, вылетела из-за огромного каменного трона

— Кажется, она и не собиралась нам мешать.

Я хотела отругать парня за то, как сильно напугалась, но мои мысли заняло другое. Похоже, Эрик просто прикоснулся к стене, примериваясь к ней, а камни послушно разошлись. Осколки мрамора, лежащие на полу, словно насмеялись над нами; они заявили,

что игрой управляем вовсе не мы. Я выпустила воздух, который припасла для гневной тирады, и в растерянности обернулась на подруг. В голове сверкали гладкими боками заклятья — ни одно не подходило, чтобы обезоружить Колдунью. Возможно, действительно стоит стать жестче.

***

Я дождался, пока девушки отстанут, оставив нас с Лиссой наедине. Кассандра и какая-то девчонка всю дорогу от тронного зала к выходу крутились рядом, как назойливые мошки. Я мысленно за шкуру их отгаскивал от нас, но не помогало.

Для того, что я задумал, не нужны свидетели. Мне до боли страшно показаться жалким подлизой, до боли страшно поверить в то, что исправляться уже поздно. Единственное, что удерживало меня от капитуляции — жгущий кожу сквозь ткань кармана камень Огня.

Когда он появился вот так, тихо, не отвечая на мой зов, я решил, что он предназначался кому-то другому. Сначала думать о таком не хотелось — противный голосок в груди заверял, что я недостоин. Вот так, пафосно и глупо.

Может, я делился силой только чтобы заглушить его.

Заткнись и прекрати разгольствовать.

Я вытащил камень из кармана, в последний раз украдкой его разглядывая, и протянул Василисе. Внезапно слова закончились, и я со скрипом выдавил:

— Вот, — сжавшись от собственной глупости — ты знаешь, как его использовать.

Кажется, на мгновение Лисса просто потерялась. Она утонула в своем мире; где-то в груди противно заныло от одного вида ее глаз — когда-то темно-карие, сейчас из них словно забрали весь цвет. Я протянул руку и помахал перед ее лицом, не в силах этого вынести. Сработало — девушка очнулась и слабо подняла уголки рта.

— Спасибо, — умудрившись вот так, на выдохе, сказать то, на что у меня не хватило сил.

Ее руки встретились за моей спиной и я с удивлением отметил, что тону в ее объятиях. Волосы на загривке стали дыбом, когда я, умирая от страха, обнял ее в ответ.

Ничего не произошло. Я хотел с облегчением выдохнуть и отпустить Лиссу, но не смог. В груди подняла хрупкую голову тревога. Что с ней? Я словно держал очень толстую оболочку. Не в силах ее снять и увидеть — есть ли что-то внутри.

Усилим воли заставив себя отступить, я малодушно скрылся в закутке коридора, просто чтобы не встречаться с ней взглядом. Когда нас догнали девушки, я выдохнул и тихо пристроился за ними.

У выхода из замка Василиса замерла и осторожно высунула голову на улицу города, словно ожидая, что Джеральдина выскочит из-за угла и нападет на нас. Впереди одним сплошным полотном простирался город, до краев заполненный людьми, кровью и огнем. Мы медленно ступили на его улицы, озираясь в страхе заметить грозную фигуру.

Через пять минут я не выдержал и остановился, усиленно вглядываясь в толпу. Ну не может быть, чтобы нас оставили в покое. Василиса удивленно посмотрела на меня, не желая осознавать, что мы вынуждены остановиться и искать собственного врага.

Она подошла ко мне, увлекая за собой девушек. Одна из них, кажется, Тереза, вскрикнула — рыцарь в золотой броне внезапно оставил свою битву, повернувшись спиной к размахивающему мечом старику.

— Хранители? — тихо спросил он, уставившись на Лиссу. Я, повинувшись странному порыву, приобнял ее. Рыцарь опустил забрало, скрывая лохматые брови и серые глаза и воскликнул вновь — Хранители!

Его голос — мощная волна, сбивающая с ног. Пронзительный вопль, призывающий все живое к себе, подчиняющий разум. Боец вскинул кинжал, и я с ужасом заглянул ему за спину.

Все люди, закованные в латы или одетые в изодранные клинками лохмотья, как один, подняли головы и оставили свое сражение. Хотя, кажется они и не бились все это время — как будто кто-то прошел сквозь плотные ряды и остановил льющуюся кровь.

Люди, повинувшись грубому зову, уставились на нас. В замершей толпе легко было выдать себя неосторожным движением и я вращал глазами, надеясь, что Джеральдина, скрывшаяся за спинами, пошевелинется и я ее замечу. Бесполезно.

Вместо этого вдруг раздался дружный крик. Все жители, напрочь позабыв о вражде, сделали шаг.

Звук сотряс город, по улицам прокатилась дрожь. Еще шаг и еще — стройными рядами люди сжимали круг, не оставляя воздуха для дыхания. Я только и мог, что мысленно молиться, взывая Лиссу наконец использовать три камня; на Терезу особо надежды не было — девушка попросту застыла с широко распахнутыми глазами, в жутком ужасе уставившись на окружившую нас толпу.

Василиса ободряюще сжала мою руку. Промелькнула мысль зажмурится, но любопытство перевесило; я понял, что больше совсем не напуган и замер.

Взрыв.

Все вокруг на мгновение замерло и взлетело в воздух. В воздухе, пропитанном кровью, пылью и металлом, повисла тишина. Ухо горело — кто-то, отшатываясь назад, задел меня шипастой броней. Вместо крика послышался шепот:

— Бежим.

Мы, не сговариваясь, вместе припустили в толпу. Люди, уже поднимавшиеся с земли и оглядывающиеся, в беспорядке мечущиеся, скрыли нас. Василиса вела нас на холм, к странному черному силуэту; времени раздумывать, а не бегу ли я навстречу очередному чудовищу, не было.

Все это: каменные стены, вечный страх преследования, постоянно чья-то кровь уже порядком надоели. Чем ближе мы подходили к концу, тем больше препятствий толкали нас назад. Щеку задел кудрявый локон, возвращая в реальность.

Мы вскарабкались на холм, не сбавляя темп ценой последних сил. Кассандра и Тереза сразу повалились в траву, не особо думая, не поджидает ли их опасность, Джейд отошел как можно дальше, а Василиса приблизилась к темному силуэту.

Я проследил ее движения и тоже присмотрелся к фигуре. Мысленно повертев ее так и сяк, я ущипнул себя за запястье.

— Лили? — Тереза, обогнав подругу, упала на колени. Похоже, я многое упустил из виду, сосредоточившись на камнях Стихий и собственных мыслях.

— Нет, нет, нет, — Василисы хватило только на умоляющий шепот. Она положила руку на колено Терезы и девушки слились в один большой комок целиком из горя. Кассандра неловко мяла пальцы.

Только заметив странный силуэт на холме, я отчего-то решила привести ребят именно туда. Возможно, это говорили камни в кармане — так удобно решить, что это их вина; хотя, если заглянуть глубже, я попросту надеялась, что это даст мне повод выплакаться. Я даже хотела, чтобы это оказался кто-то знакомый, чтобы с чистой совестью расстаться с горечью внутри.

Лили сидела, подогнув колени и аккуратно сложив на них ладони — этикет словно въелся в ее голову. Если бы не тонкая пленка сажи, казалось бы, что она безмятежно разглядывает траву под ногами, раздумывая, не набрать бы еще крапивы для волшебных забав.

Тереза сжала губы так, что они превратились в тонкую линию. Ее глаза так и остались абсолютно сухими, только веки слегка подрагивали. Она словно констатировала факт, аккуратно складывая потрясение и опуская его внутрь себя. Поймав себя на зависти, я разозлилась. Но обида не спрашивала, просто вкрадчиво указывала — у нее еще достаточно места внутри, чтобы вместить чью-то смерть, в то время, как я заполнена до краев. Еще что-нибудь и море расплескается, сметая все на своем пути.

Я постаралась выстроить еще одну стену, добавить новое хранилище, чтобы было, куда уместить эту печальную фигурку. Кажется, получилось — сил немного, но достаточно, чтобы подняться и молча осмотреться. Касс с братом тихо отступили в тень, шагнули на другую сторону холма. К моему удивлению, Эрик остался с нами — почти абсолютно безоружный, не считая кривого клинка, он, похоже все силы направил в ярость — что-то, а злиться он умел.

Я моргнула, прогоняя наваждение, в котором парень вдруг согнулся пополам, выпуская из пальцев кинжал. Сомкнула веки надолго, призывая себя найти третье дыхание, и снова открыла глаза. Эрик все также стоял, согнувшись и обхватив себя руками за плечи, а мы просто смотрели, ни в силах сделать шаг и помочь ему.

***

Мысленно велев ребятам оставаться на месте и не тратить на это силы, я тихо простонал. Внутренности заживо горели, скручиваясь в тугий жгут у Солнечного сплетения.

Боль подкралась, затаившись в уголках тела, давно, еще когда мы не выбрались из дышащих горячей влагой стен замка. Я ждал этого, все равно удивляясь, не веря покалыванию в грудной клетке. Хранитель не может долго продержаться без своего камня, лишь раз его коснувшись. В конце концов все вокруг застилает мутная пелена и единственное, что важно — камень Огня в кармане Лиссы. Но ей он нужнее.

Девушка не обожглась и не вскрикнула, принимая камень. Все же я был разочарован, потому что, наверно, ждал, что она хотя бы пошатнется от силы, которой камень с удовольствием с ней поделился.

Не с тобой.

Я зажмурил глаза, медленно опускаясь на землю. Сознание медленно сдавало позиции, и я только рад был этому.

Откуда-то с улиц послышался дружный хохот, холодный и колючий. Женский голос отдавал приказы, чуть запыхавшись от подъема в гору. Я с трудом разлепил глаза и увидел, как толпа безымянных взбирается на противоположный холм. Они планируют метать магию

с расстояния десятков метров?

Оставив глупые шутки, всегда раньше спасавшие в те моменты, когда реальность становилась неправильной, я встал на четвереньки и прошептал:

— Оставьте, — первое слово превратилось в хрип, и я закашлялся, повторяя — оставьте меня. Займись Джеральдиной. Убей ее к черту, Василиса.

Стушевавшись и не вовремя смутившись, я поднялся, заставляя себя шагнуть, скрыться вслед за Кассандрой и ее несносным братцем. Краем глаза замечая легкий кивок.

***

Безымянные, похоже, не спешили на помощь своей предводительнице. Они расселись на скатах холма, словно подготовившись наблюдать занимательную сценку в театре. Я раздраженно выдохнула, взглянув на Терезу.

Подруга медленно водила пальцами по воздуху, очерчивая щит, догадалась я. Снова набрала воздух в легкие и медленно выпустила, стараясь сосредоточиться и настроиться на битву. Не вышло.

«Убей ее к черту» — как ножом между ребер.

Джеральдина лениво повела кистью, даже не думая возводить защитные чары. И это оглушило лучше, чем любые наставления перед боем.

Принято, парень.

Не оглядываясь на друзей, скрытых за холмом, чтобы не обнаружить их, чувствуя, как все внутри покрылось ледяной корочкой.

И все же ее первое движение застало меня врасплох. Терезин щит пошел мелкой рябью, но не пропустил заклятье. Я увидела сквозь ткань ее легкого платья пульсацию камня воздуха, и вдруг сознание прорезала вспышка.

Последний. Нужны все четыре.

Я зло тряхнула головой — не время — и возвела руки в привычную уже стойку, тут же вычерчивая первую пришедшую на ум руну. Над головами воюющих, прямо в Колдунью вылетела стайка клинков, способных изрубить целую армию. Джеральдина, нарочно подпустив их опасно близко, в последний момент взмахнула пальцами, превращая мои ножи в мотыльков.

По венам пробежала теплая волна удовольствия. Я уже и забыла, как это — атаковать, отлично зная, что последует за этим. Приятной дрожью по телу пробежало осознание, что я отлично помню все руны, выученные на занятиях в Астроводе и даже те, которые мне мельком показала Кассандра. На битву должно хватить.

Тереза, не глядя, шагнула ближе ко мне, надеясь, что я пойму. Мы окружили Колдунью десятком маленьких смерчей, заставив напрячься.

Откуда я вообще знала, какие руны она использует?

Отмахнувшись от навязчивой мысли, я подлатала наш щит, начавший растекаться по краям от недостатка концентрации. Тереза сдвинула брови и засыпала Джеральдину вереницей сменяющих друг друга с сумасшедшей скоростью заклятий. Послышалось шипение, плеск воды и сдавленные стоны.

На какое-то мгновение я рассмотрела в себе надежду на быстрый конец. Какой нормальный человек выживет от такого напора, не успев его отразить? Я подняла руку, отгоняя предательское чувство.

Вдруг колени Тесс задрожали, и она едва сумела выровняться; от щек девушки отлила кровь, оставив их мертвенно-бледными, резко контрастирующими с карими глазами.

— Зачем? — пробормотала я, подхватывая подругу и помогая ей устоять на ногах. Кажется, куча из ткани и плоти, бывшая Джеральдиной, зашевелилась.

— Не трать так много сил больше.

— Не буду, — покорно улыбнулась Тереза. Я сжала зубы, зная, что эта улыбка значит; она что-то задумала.

— Моя битва кончилась. Не надо удивляться, Василиса, ты это знала.

Послышался шорох. Тереза отстранилась, вполне уверенно опираясь на обе ноги и достала из потайного кармана камень Воздуха. Я сглотнула вязкую слюну, надеясь не выдать свое волнение и отвратительное желание на задворках сознания.

Внезапно подруга протянула мне руку с камешком, придвигая его к самому лицу, позволяя разглядеть мельчайшие солнечные зайчики, живущие в нем. Сияние от камня мягко трепетало, приглашая.

— Послушай Эрика. Убей ее к черту, сестренка.

Я сморщилась и подняла ладонь на свет. Острый скол на каменной стене задел тонкую кожу, высвободив багровую кровь. Струйка медленно стекла с подушечки и намочила ладонь. Задумчиво потянувшись за носовым платком, я ненароком выглянула в окно.

Вереск все также колыхался, отвечая на ласки ветра; до самого горизонта на три стороны простиралась пустошь. Где-то послышалось ржание коня и я улыбнулась — Тереза все никак не может объездить нового скакуна, которого отец привез из-за границы. Я мечтательно представила огромный корабль, поскрипывающий прогнившими морской солью досками, шум на палубе и бегающих матросов. Платок в моей руке стал красным и я убрала его за ненадобностью.

Мимо меня проشمыгнула девчонка в скромном коричневом платье, бросив, как ей казалось, незаметный завистливый взгляд на мою одежду. Я действительно обожала эти льняные юбки цвета морозного неба. Злость подступила к груди, но волна тут же спала и яростное замечание удалось сдержать. Я улыбнулась — еще шаг в моей борьбе. Раньше, пару лет назад, непутевая служанка получила бы выговор; жаль только высший свет не заметил моих стараний и продолжает распускать слухи о моем нраве.

Я вдруг, неожиданно для самой себя, подобрав юбку, побежала по коридору. Этикет мне строго запрещал подобные выходки и от того бежать, чувствуя сладко сжимающееся сердце, еще приятнее. Я тихо рассмеялась от счастья, глядя на пылинки, кружащиеся на свету. Солнечные лучи пробились между колонн и теперь положили полосы света мне на платье. Я кружилась, глядя на юбку, взлетевшую к самой талии. Черные кудри тут же выбились из прически, но мне было все равно.

Сесилия. Я смаковала это слово, оно обещало перемены. Сесилия — принцесса в башне, как из лучшей книжки.

Больше книг на сайте - Knigoed.net